

НАРОДНАЯ
АНАТОМИЧЕСКАЯ
ТЕРМИНОЛОГИЯ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
И СЕМАНТИЧЕСКАЯ
РЕКОНСТРУКЦИЯ НАИМЕНОВАНИЙ
БРЮШНЫХ ОРГАНОВ

VILNIAUS UNIVERSITETAS
FILOLOGIJOS FAKULTETAS

Viktorija Ušinskienė

ANATOMINĖ
LIAUDIES TERMINIJA
RUSŲ KALBOJE

PILVO ORGANŲ PAVADINIMŲ
ŽODŽIŲ DARYBOS
IR SEMANTIKOS
REKONSTRUKCIJA

Vilnius 2012

ВИЛЬНЮССКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Виктория Ушинскене

НАРОДНАЯ
АНАТОМИЧЕСКАЯ
ТЕРМИНОЛОГИЯ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
И СЕМАНТИЧЕСКАЯ
РЕКОНСТРУКЦИЯ НАИМЕНОВАНИЙ
БРЮШНЫХ ОРГАНОВ

Вильнюс 2012

Monografijos rengimą rėmė
Lietuvos valstybinis mokslo ir studijų fondas

Apsvarstyta ir rekomenduota spaudai
Vilniaus universiteto Filologijos fakulteto tarybos posėdyje
(2012 m. vasario 10 d., protokolas Nr. 4)

Recenzentai:

prof. habil. dr. SERGEJUS TEMČINAS
Lietuvių kalbos institutas

prof. habil. dr. OLEGAS POLIAKOVAS
VU Kauno humanitarinis fakultetas

ISBN 978-609-459-045-0

© Viktorija Ušinskienė, 2012

© Vilniaus universitetas, 2012

Оглавление

Предисловие / 7

Введение / 10

Ч А С Т Ь I

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ АНАТОМИЧЕСКИХ
ЗНАНИЙ В РОССИИ (ОТ ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО
НАЧАЛА ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНОЙ АНАТОМИИ) / 19

1. Дохристианский период / 21
2. Христианский период / 27
 - 2.1. Данные летописей и других древнерусских памятников / 27
 - 2.2. Переводная специальная литература / 34
 - 2.3. Начало становления научной анатомии / 39

Ч А С Т Ь II

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ НАЗВАНИЙ БРЮШНЫХ ОРГАНОВ / 43

1. Наименования живота (утробы) / 45
2. Общие наименования внутренних органов / 65
3. Наименования желудка / 80
4. Наименования печени / 103
5. Наименования почки / 111

Заключение / 119

Santrauka / 122

Summary / 133

Сокращения / 144

Источники / 146

Литература / 150

Индекс исследуемых наименований / 158

Предисловие

Настоящая работа посвящена исследованию названий брюшных органов человека и животных в русском языке. Обращение к данной теме продиктовано слабой изученностью этой части словаря: в славянском языкознании соматической лексике посвящен целый ряд работ, однако, в них, как правило, рассматриваются названия внешних частей человеческого тела¹, реже – грудных органов, в первую очередь сердца². Наименования брюшных

¹ См.: Е.Н. Сендровиц. *Названия частей человеческого тела в русском языке*. Дисс. ...канд. филол. н. М., 1970; В.Н. Суетенко. *Названия частей человеческого тела в брянских говорах*. Дисс. ... канд. филол. н. Л., 1969; Г.М. Ставская. *Семантико-словообразовательные связи в разряде имен, обозначающих части тела живых существ*. Дисс. ... канд. филол. н. М., 1974; И.Н. Чусова. *Названия частей тела в тульских говорах*. / Вопросы лексики и грамматики русского языка. Уч. зап. МГПИ им. Ленина. М., 1967, № 264. Основные названия внутренних органов наряду с другими анатомическими терминами рассмотрены в монографии Ф. Высоцкой, посвященной формированию польской медицинской терминологии: F. Wysocka. *Polska terminologia lekarska do roku 1838, tom I: Anatomia. Proste prymarne nazwy nie motywowane* / Prace Instytutu Języka Polskiego 35, Wrocław 1980; Она же. *Polska terminologia lekarska do roku 1838, tom II: Anatomia. Jednowyrazowe nazwy motywowane* / Prace Instytutu Języka Polskiego 91, Kraków 1994.

На материале неславянских языков см.: Д.Х. Базарова. *Семантика частей тела в тюркских языках*. Дисс. ... канд. филол. н. М., 1966; Л.В. Волкова. *Анализ семантической структуры соматизмов в современном английском языке*. Дисс. ... канд. филол. н. Л., 1985; А.В. Дыбо. *Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс)*. М., 1995; К. Жидебаев. *Анатомические названия в казахском языке*. Дисс. ... канд. филол. н. Алма-Ата, 1977; В.Д. Колесникова. *Названия частей тела в алтайских языках*. / Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972; А.М. Кочеваткин. *Соматическая лексика эрзянского языка*. Саранск, 2001; З.С. Рябчикова. *Соматическая лексика хантыйского языка*. Дисс. канд. филол. н. Санкт-Петербург, 2008; Е.Н. Турапина. *Семасологическое исследование группы слов, обозначающих части тела (на материале английского языка)*. Дисс. ... канд. филол. н. М., 1955; A. Zauner. *Die romanischen Namen der Körperteile*. / Romanische Forschungen. XIV. 1903.

² Ср.: Д.В. Дагурова. *Из истории слова сердце в русском языке XI–XVII вв.* / Филол. науки. 2000. № 6, с. 87–96; О.Н. Кравченко. *Словообразовательный потенциал соматизмов сердце и голова*. Дисс. ... канд. филол. н. Белгород, 2009; И.Е. Городецкая. *Фразеологизмы-соматизмы в русском и французском языках*. Дисс. ... канд. филол. н. Пятигорск, 2007; В.А. Савченко. *Концептосфера “человек телесный” в русской и немецкой паремнологической картине мира (кросскультурный анализ соматизмов)*. Дисс. ... канд. филол. н. Курск, 2010.

органов до сих пор оставались за пределами монографических исследований. Между тем, всесторонний анализ этой части словаря с широким привлечением диалектной и исторической лексики, восстановление истории ее формирования представляется важным и полезным для разработки проблем исторической лексикологии, а также для решения задач, связанных с реконструкцией праславянского лексического фонда.

В настоящей работе, основанной на материале диссертационного исследования автора, в качестве объекта изучения выбраны несколько групп народных соматических терминов³ – общие наименования внутренностей человека и животных, названия живота и брюшной полости, а также ряда пищеварительных органов: желудка, печени и почек. В ходе отбора материала нас интересовала не только собственно анатомическая терминология, но и кулинарные наименования, привлечение которых представлялось необходимым в целях расширения лексико-семантической базы исследования.

Основными источниками послужили русские диалектные и исторические словари. Кроме того, в качестве источников привлекались некоторые памятники письменности, материалы старорусских лечебников и травников, литература по анатомии и кулинарии, этнографические материалы из “Живой старины”.

В ходе исследования ставились следующие задачи:

- выявить состав изучаемой группы на материале диалектных и исторических источников;
- осуществить хронологическую стратификацию материала с целью установления древности формирования народной анатомической терминологии;
- провести анализ словообразовательной структуры слов с учетом славянского и индоевропейского фона;
- выявить характерные для данной группы принципы номинации, проследить возможные направления семантических преобразований и переносов.

Таким образом, работа ориентирована на выявление: (1) древнего наследия, уходящего своими корнями в индоевропейскую эпоху; (2) собственно

³ Употребляя слова *термин*, *терминология*, мы имеем в виду **народную терминологию** со всеми ее отличиями от терминологии научной, где, как правило, каждое слово (термин) занимает однозначное, строго фиксированное место в системе обозначений. Народная терминология, напротив, характеризуется отсутствием четко очерченных границ семантики слов, что выражается прежде всего в полисемантизме, а в ряде случаев – и в диффузности народных обозначений. Как будет показано ниже, не исключением в этом смысле является и народная анатомическая терминология.

славянских образований и (3) образований, сложившихся в эпоху самостоятельного развития восточнославянских языков. Все эти характеристики весьма существенны при восстановлении путей формирования лексической группы в целом.

В работе используются методы, основанные на сочетании разных приемов: внутренней и внешней реконструкции, а также словообразовательно-исторического и сравнительно-сопоставительного анализа. Собственно лингвистическую часть исследования предваряет глава, посвященная становлению и развитию анатомического знания в России.

* * *

Пользуясь возможностью, хочу выразить глубокую, искреннюю благодарность и признательность своим Учителям – ведущему научному сотруднику Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН Любови Викторовне Куркиной и ныне покойному Валерию Николаевичу Чекмонасу, профессору, основателю и многолетнему руководителю Кафедры славянской филологии Вильнюсского университета. Кроме того, хочу поблагодарить всех, кто в той или иной мере оказал мне неоценимую помощь и поддержку в работе по подготовке к изданию этой книги: сотрудников Отдела этимологии и ономастики ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН; работников словарного отдела Института лингвистических исследований РАН в С.-Петербурге; коллег по Вильнюсскому университету – проф. Альгиса Каледу, доц. Елену Коницкую, асист. Валентину Станкявичюте, проф. Витаутаса Кардялиса и коллег с Факультета полонистики Варшавского университета – проф. Эльжбету Янус, проф. Зофью Зарон и проф. Халину Карась, а также – уважаемых рецензентов проф. Олега Полякова и проф. Сергея Темчина.

Введение

Развитие исторического и сравнительного языкознания последних десятилетий характеризуется особым вниманием к лексике. Исследователи “все более укрепляются во мнении о том, что изучение истории языка в связи с историей народа может быть последовательно осуществлено именно на лексическом материале”⁴. Сложность организации лексического уровня, его максимальная открытость и подвижность, а также непосредственная зависимость от внеязыковой действительности затрудняют его изучение. На первый план выдвигаются вопросы методики, в плане синхронии и диахронии разрабатываются приемы анализа, обеспечивающие объективность результатов. Поиски новых методов исследования основываются на системном подходе, что предполагает изучение любой языковой единицы (слова) в контексте ее синтагматических и парадигматических связей⁵. В плане исторического исследования лексики можно говорить о формировании нового **комплексного** метода, основанного на сочетании двух традиционных подходов к изучению словарного состава – **структурно-генетического** и **предметно-семантического**⁶.

Первый, структурно-генетический подход, является определяющим для этимологических исследований и словарей и проявляется непосредственно в изучении морфологической и морфонологической структуры слова на сравнительно-историческом фоне с целью установления генетических связей и определения лексического состава этимологических гнезд⁷. В основе второго, предметно-семантического, лежит идея распределения лексики по понятийным сфе-

⁴ Русская региональная лексика XI–XVII вв.. М., 1987, с. 3.

⁵ См., напр.: Д.Н. Шмелев. *Проблемы семантического анализа лексики*. М., 1973.

⁶ См.: О.Н. Трубачев. *О составе праславянского словаря. (Проблемы и задачи)*. / Славянское языкознание: V Международный съезд славистов: Докл. сов. делегации. М., 1963, с. 159–197.

⁷ См.: Ж.Ж. Варбот. *Праславянская морфонология, словообразование и этимология*. М., 1984; F. Sławski. *Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego*. / *Słownik prasłowiański*. T.1. Wrocław etc., 1974.

рам, находящая свое выражение в теории идеологической лексикографии (ср. труды Дорнзайфа, Касареса, Бака и др.)⁸, а также – в многочисленных исследованиях, посвященных отдельным предметно-семантическим группам словаря⁹. Исследования по реконструкции праславянского лексического фонда, а также в области исторической лексикологии отдельных славянских языков убеждают в целесообразности компромисса между двумя вышеназванными подходами. При этом слово рассматривается как бы на пересечении разных систем координат, под которыми подразумеваются лексические структуры разных типов: с одной стороны – группы, выделяемые в отношении словообразовательно-этимологическом (корневые гнезда, словообразовательные ряды), с другой стороны – объединяемые по принципу семантической близости (лексико-семантические и предметно-семантические, или тематические, группы¹⁰). Соответственно, анализ и реконструкция слова проводятся с привлечением данных развития всех этих групп¹¹.

⁸ Обзор наиболее известных словарей, построенных по предметно-смысловому принципу, см.: О.Н.Трубачев. *Ук. соч.*, с. 161–164.

⁹ Начало изучению лексики по семантическим группам было положено М.М. Покровским и А.А. Потемной. Еще в конце прошлого века Покровский отмечал, что “история значений известного слова будет для нас только тогда понятной, когда мы будем изучать это слово в связи с другими словами, синонимическими с ним и, главное, принадлежащими к одному и тому же кругу представлений”. См.: М.М. Покровский. *Семасиологические исследования в области древних языков*. / Избранные работы по языкознанию. М., 1959, с. 75. В ранних работах Потемни также высказывается мысль о необходимости изучения “законов и правил внутренних сцеплений у целых групп слов”, о необходимости исследования семантических рядов слов в связи с развитием языка и мышления, в связи с историей народа. См.: А.А. Потемня. *О некоторых символах в славянской народной поэзии*. Изд. 2-ое. Харьков, 1914. Дальнейшее теоретическое обоснование вопрос о семантических группах словаря получил в работах Р.А. Будагова, Л.В. Щербы, В.В. Виноградова и др.: Р.А. Будагов. *Задачи изучения лексики*. / Доклады и сообщения Филологического института ЛГУ. Вып. I. Л., 1949; Он же. *Сравнительно-семасиологические исследования*. М., 1963; Л.В. Щерба. *Опыт общей теории лексикографии*. / Изв. ОЛЯ АН СССР, 1940, № 3; В.В. Виноградов. *Основные типы лексических значений слова*. – ВЯ, 1953, № 5; Ф.П. Филин. *О лексико-семантических группах слов*. / Езиковедски изследвания в чест на академик Ст. Младенов. София, 1957; Д.Н. Шмелев. *Ук. соч.*

¹⁰ Подробно о принципах выделения названных групп и различиях между ними см.: Д.Н. Шмелев. *Ук. соч.*, с. 15, 103 и сл.

¹¹ См.: Р.М. Цейтлин. *Сравнительная лексика славянских языков X–XI – XIV–XV вв. (проблемы и методы)*. / Славянское языкознание. XI Межд. съезд славистов: Доклады сов. делегации. М., 1983; Она же: *Об одном приеме анализа значения древнеболгарского слова*. / *Palaeobulgarica / Старобългаристика*. VIII (1984), № 3; Э.Г. Шимчук. *К методике историко-лексикологического исследования*. / Изв. АН СССР, серия лит. и языка. Т.21, 1972, вып. 3, с. 256–263; I. Némec. *Vývojové postupy česke slovní zásoby*. Praha, 1968.

В практике реконструкции древних состояний словаря такой подход означает изучение чисто языковых, морфемно-словообразовательных отношений через призму предметно-семантической группы. В связи с этим возрастает значение монографических исследований предметно-семантических групп в историческом аспекте¹². Групповой характер изложения и исследования материала позволяет уточнить особенности структуры и семантики каждого изучаемого термина на фоне соответствующих характеристик группы в целом, определить семантические и терминологические границы между хронологически взаимно приуроченными лексемами. Изучение соотношения терминов в пределах определенного хронологического слоя при необходимости дополняется рассмотрением соотношения разновременных, разнотерриториальных, а также стилистически неоднородных вариантов¹³. Это дает возможность лучше понять общие организующие принципы изучаемой лексики, проследить виды исторической взаимосвязи форм – воспроизводство семантических и морфологических моделей, позволяющее “рассматривать внешне не связанные формы как этапы, звенья единой эволюции”¹⁴.

Во многих случаях исследования по реконструкции семантических групп словаря дают основания для выводов более глобального характера, восстанавливая не только утраченные языковые связи, но и специфику древних верований и социально-производственных отношений. Так, этимологическое изучение гончарной лексики позволило О.Н. Трубачеву сделать вывод о преемственности древней технологии гончарства и плетения¹⁵. Другим примером может послужить фундаментальный труд Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванова “Индоевропейский язык и индоевропейцы”. Во второй части исследования, озаглавленной “Семантический словарь общиндоевропейского языка и реконструкция индоевропейской протокультуры”, путем этимологического анализа с привлечением сравнительно-мифологических данных реконструируются не только лексико-семантические отношения внутри определенных те-

¹² О.Н. Трубачев. *Ук. соч.*, с. 167; Он же: *Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции)*. М., 1966.

¹³ См.: Э.Г. Шимчук. *Ук. соч.*, с. 259.

¹⁴ О.Н. Трубачев. *К вопросу о реконструкции различных систем лексики.* / Лексикографический сборник. Вып. 6, 1963, с. 3.

¹⁵ О.Н. Трубачев. *Ремесленная терминология...* с. 325.

матических групп словаря, но и фрагменты индоевропейской протокультуры¹⁶.

Проблематика и направление конкретных исследований в немалой степени определяются особенностями внутренней организации и возрастными характеристиками словарных групп, которые, как известно, могут существенно различаться по своей хронологической глубине¹⁷. Так, терминология родственных отношений намного старше самого выделения праславянского языка, а, например, о названиях обуви как о самостоятельной группе словаря “рано говорить даже в применении к праславянскому периоду”¹⁸. Кроме того, неоднократно отмечалось, что различные группы словаря характеризуются неодинаковой степенью стабильности: среди них есть довольно устойчивые и четко очерченные группы, как, например, названия частей тела и атмосферных явлений, а также – группы, состав которых полностью изменяется с течением времени, что чаще всего обусловлено переменами в сфере самих реалий¹⁹. Известно наблюдение о том, что зависимость от “системы” реального мира неодинакова в разных сферах лексико-семантической системы языка. Она особенно сильна в сфере конкретных понятий, где отдельные элементы реального плана достаточно четко расчленены, например, в области материальной культуры (ср. названия одежды, утвари, орудий производства, средств сообщения и т.п.). В сфере абстрактных понятий система лексем более автономна по отношению к системе реалий, а способы языковой сегментации явлений действительности более разнообразны (ср. обозначения качества, цвета, мер и веса в разных языках)²⁰. Таким образом, отражая систему внешних отношений, объединения слов обнаруживают также ряд особенностей, определяемых свойствами самого языка, что и позволяет говорить о самостоятельном значении чисто языкового аспекта изучения лексических групп.

¹⁶ Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванов. *Индоевропейский язык и индоевропейцы*. Т. 2. Тбилиси, 1984.

¹⁷ Тот факт, что семантические группы словаря “весьма различны в своей сущности”, отмечал еще В. Вартбург: W.von Wartburg, *Befruchtungen über die Gliederung des Wortschatzes und die Gestaltung des Wörterbuchs*, ZfomPh, Bd.57, 1937, с. 304–305.

¹⁸ О.Н. Трубачев. *К вопросу о реконструкции...* с. 4.

¹⁹ См., напр.: О.Н. Трубачев. *Уж.соч.*, с. 5; И.С. Козырев. *Очерки по сравнительно-исторической лексикологии русского и белорусского языков*. Орел, 1970, с. 190.

²⁰ Н.И. Толстой. *Из опытов типологического исследования славянского словарного состава*. / ВЯ, 1963, №1, с. 38–39.

* * *

Всестороннее исследование словарной группы, направленное на ее реконструкцию, предполагает изучение плана выражения и плана содержания, т.е. словообразовательный и семантический анализ. Проведение словообразовательного анализа означает прежде всего изучение морфологической структуры каждого слова – строения корневой морфемы, суффиксального состава, типов чередований – и ее оценку на сравнительно-историческом фоне. В плане относительной хронологии устанавливаются отношения между словообразовательными вариантами, историческая последовательность в оформлении слова. Путем снятия поздних наслоений проводится хронологическая стратификация материала, выявляются разные пласты лексики – индоевропейский, праславянский, собственно славянский. В плане исторического развития существенно выявить основные словообразовательные типы в группе, установить, какие из представленных моделей отражают новые процессы, а какие несут в себе черты древних эпох, являются архаичными. Словообразовательный анализ в сочетании с другими приемами внутренней реконструкции в ряде случаев позволяет установить генетические связи для слов с затемненной морфологической структурой²¹.

История словообразовательной структуры лексической группы должна дополняться историей внутренних семантических отношений, т.е. семантическим анализом. Такой анализ подразумевает реконструкцию исходной семантической базы каждого слова, выявление иерархии значений и направления семантического развития, изучение принципов номинации внутри данной группы²².

²¹ Подробно о приемах и возможностях словообразовательного анализа см.: О.Н. Трубачев. *Этимологический словарь славянских языков. Проспект. Пробные статьи*. М., 1963, с. 25–27; Ж.Ж. Варбот. *Ук. соч.*

²² Некоторые принципы такого анализа определяются в известной статье Э. Бенвениста *Семантические проблемы реконструкции*, написанной еще в 1954 г., см.: Э. Бенвенист. *Общая лингвистика*. М., 1974. Дальнейшее обоснование приемы семантической реконструкции получили в работах О.Н. Трубачева: *Этимологические исследования и лексическая семантика*. / Принципы и методы семантических исследований. М., 1976; *Реконструкция слов и их значений*. / ВЯ, 1980, № 3; *О семантической теории в этимологическом словаре. Проблема омонимов поглинных и ложных и семантическая типология*. / Теория и практика этимологических исследований. М., 1985; *Приемы семантической реконструкции*. / Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. М., 1988. См. также: Г.А. Климов. *К семантической реконструкции (по материалам кавказской этимологии)*. /

Поскольку слово, его семантика отражают становление категориальных понятий, развитие культуры в целом, разыскания в области семантической реконструкции требуют знания культурно-исторического фона. Отсутствие этого знания затрудняет правильное толкование значения, точная запись которого сама по себе предоставляет важную информацию для дальнейшего анализа. Не случайно суть семантической реконструкции определяется как “углубленное понимание значения слова”²³.

В свою очередь правильное толкование и описание значения невозможно без максимально полного учета употреблений данной словоформы, в том числе – контекстуально обусловленных. Это положение, впервые выдвинутое и проиллюстрированное Э. Бенвенистом²⁴, получило дальнейшее обоснование в работах О.Н. Трубачева, показавшего, что именно в контексте происходит время от времени активизация архаичных, латентных сторон значения, выявление которых позволяет уточнить эволюцию семантики слова, проясняя тем самым его этимологические связи²⁵. Природа этого явления становится понятной, если принять во внимание способность семантического комплекса слова к сохранению в своей структуре предшествующих этапов его развития²⁶, забываемых в коммуникации, но способных к проявлению в художественных оборотах речи, т.е. в контексте. Именно внимательное изучение контекста позволило Э. Бенвенисту и О. Н. Трубачеву доказать, что многие омонимы, далеко отстоящие по значению в современном языке, представляют собой результат развития древней полисемии, т.е. результат переосмысления (ср. франц. *voler* ‘летать’ и *voler* ‘красть’, слав. **latiti* ‘хватать(ся)’ и **latiti*, **latati* ‘летать’, рус. *тонуть* ‘разводить

Принципы и методы семантических исследований. М., 1976; В.А. Меркулова. *Проблема семантической реконструкции в этимологическом словаре*. / Этимологические исследования. Свердловск. 1988, с. 4–7; O. Panagl. *Zur Problematik semantischer Rekonstruktion in der Etymologie*. / Lautgeschichte und Etymologie. VI. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft. Akten. Wien, 24–29 September 1978/ Hrsg. von M.Mayrhofer, M.Peters, O.E. Pfeiffer. Wiesbaden, 1980; I. Němec. *Rekonstrukce lexikálního vývoje*. Praha, 1980.

²³ О.Н. Трубачев. *Реконструкция слов и их значений...* с. 3.

²⁴ Э. Бенвенист. *Ук. соч.*, с. 332 и сл.

²⁵ О.Н. Трубачев. *Приемы семантической реконструкции...* с. 200.

²⁶ Об этом еще в ранних своих работах писал В.И. Абаев, называя данное явление *идеосемантикой*: В.И. Абаев. *Язык как идеология и язык как техника: Когда семантика перерастает в идеологию*. / Язык и мышление. II. Л., 1934; Он же. *Понятие идеосемантики*. / Язык и мышление. XI. М., Л., 1948.

огонь' и *топить* 'заливать водой')²⁷. Это дало возможность прояснить механизм семантической деривации, в основе которой лежат прежде всего переосмысления, а не утраты слов²⁸.

Эволюция значения слова несомненно связана с эволюцией формы, поэтому реконструкция семантики "во многом как бы читается через реконструкцию формы"²⁹. Однако характер этой связи не всегда прозрачен и предсказуем. О.Н. Трубачеву принадлежит важное наблюдение о потенциальной разнонаправленности деривации семантической и словообразовательной³⁰, что подтверждает действие так называемого "4-ого закона аналогии", в свое время сформулированного Е.Куриловичем: старая функция может закрепляться за новой формой, а новая функция – за старой формой³¹. Примером могут послужить отношения слав. **gъrnъ* и его словообразовательного деминутива **gъrnъ-ьсь*: последнее знает в славянских языках только значение 'горшок', архаическое, как оказывается, не только для производного слова, но и для производящего **gъrnъ*, древней форме которого соответствует обновленное значение 'плавильная печь' (ср. также рус. *лоток* 'мелкое деревянное корытце' и производное, но семантически более первичное *латка* 'глиняная сковорода', а также – славянские производные от **bogъ*, **čьrtъ*)³².

Семантические изменения очень индивидуальны и далеко не всегда соответствуют универсальным семантическим категориям (типа развития от конкретного к абстрактному)³³, каждый конкретный случай требует тщательного анализа. Однако, восстанавливая семантическую эволюцию слова, нельзя не учитывать выявленные наукой некоторые типы семантических связей.³⁴ Усилия ученых направлены

²⁷ См.: Э. Бенвенист. *Ук. соч.*, с. 332–340; О.Н. Трубачев. *О семантической теории в этимологическом словаре...* с. 8 и сл.

²⁸ О.Н. Трубачев. *Этимологические исследования и лексическая семантика...* с. 168.

²⁹ О.Н. Трубачев. *Реконструкция слов и их значений...* с. 6.

³⁰ О.Н.Трубачев. *Приемы семантической реконструкции...* с. 204.

³¹ Е. Kuryłowicz. *La nature des procès dits 'analogiques'* /Acta Linguistica, 1949, No 5, с. 15–37.

³² О.Н. Трубачев. *Ремесленная терминология...* с. 220–221; Он же. *Этимологические исследования и лексическая семантика...* с. 153.

³³ Э. Бенвенист. *Ук. соч.*, с. 340.

³⁴ Напр., в известном *Словаре синонимов* К.Д. Бака, построенном по идеографическому принципу на материале древних и новых индоевропейских языков, лексика каждого раздела группируется по семантическим моделям, что позволяет использовать это издание в качестве справочника по семантической типологии. На тех же принципах основан относительно недавно вышедший *Словарь сравнительной*

на дальнейшие поиски устойчиво повторяющихся, регулярных связей значений, ибо семантические параллели остаются основным критерием проверки правильности семантического тождества слов, сближаемых на этимологическом уровне³⁵.

Исследования последних десятилетий, несомненно, свидетельствуют о том, что в сфере семантической реконструкции, как и в других областях исторической лексикологии и семантики, утверждаются **комплексные** методы изучения, использующие различные системные отношения между словами³⁶. Восстановление эволюции значения

ономастиологии Й. Шрепфера, представляющий обширный лексический материал Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. О.Н. Трубачеву принадлежит идея создания семасиологического словаря нового типа, в котором материал был бы расположен не по некой “статичной реальной схеме”, а по семантическим моделям типа ‘таять’ – ‘молчать’, ‘дуть’ – ‘говорить’, ‘думать’, размещенным в алфавитном порядке. См.: С.Д. Бук. *A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. A Contribution to the History of Ideas*. Chicago, 1949; *Wörterbuch der vergleichenden Bezeichnungslehre Onomasiologie. Bergündet und herausgegeben von J. Schräpfer*. Bd. I. Lief. 1/2, 3/4. Heidelberg, 1979-1981; О.Н. Трубачев. “Молчать” и “таять”. *О необходимости семасиологического словаря нового типа*. / Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964, с.100 и сл.

35 Ряд исследователей в поисках устойчивых семантических связей используют компонентный анализ, полагая, что этот метод позволяет ввести более строгие критерии в практику реконструкции семантической структуры древних языков. См. напр.: Н.И. Толстой. *Из опытов типологического исследования славянского словарного состава*. / ВЯ, 1963, No 1; 1966, No 2; Он же: *Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии*. / Славянское языкознание: VI Международный съезд славистов: Доклады советской делегации, М., 1968.

Новый подход к выявлению устойчивых семантических связей, получивший обоснование в работах Ж.Ж. Варбот и ее учеников, основан на анализе семантических отношений в синонимических этимологических гнездах. Выявленная регулярность семантических изменений в гнездах с этимологическим значением ‘нести’, ‘драть’, ‘плести’ позволила Варбот обосновать возможности реконструкции этимологического гнезда на семантических основаниях, т.е. путем подбора его потенциального лексического наполнения в соответствии с семантическими характеристиками другого этимологического гнезда, исходная лексема которого находилась в отношениях синонимии с исходной лексемой реконструируемого гнезда. См.: Ж.Ж. Варбот. *О возможностях реконструкции этимологического гнезда на семантических основаниях*. / *Этимология* 1984. М., 1986; А.П. Шальтяните. *О семантической структуре словообразовательно-этимологических гнезд глаголов с этимологическим значением ‘драть’ в русском языке*. / *Этимология* 1986-1987. М., 1989; Она же. *Семантика группы словообразовательно-этимологических гнезд в русском языке (на материале гнезд глаголов со значением ‘драть, дергать’)*. Дисс. ... канд. филол. н. М., 1990.

³⁶ См., напр.: В.В. Мартынов. *Анализ по семантическим микросистемам и реконструкция праславянской лексики*. / *Этимология*. 1968. М., 1971, с. 11–23, а также отмеченные выше работы Э.Г. Шимчук, Р.М. Цейтлин, И. Немца, В.А. Меркуловой.

каждого слова требует учета семантики всего этимологического гнезда (в частности, учета повторяемости значений в рамках данного гнезда), равно как и изучения отношений внутри синонимического ряда, выявления устойчивых семантических моделей. Только опираясь на все эти данные, можно считать реконструкцию мотивационных отношений достаточно убедительной.

* * *

Как уже было отмечено, разыскания в области лексической реконструкции требуют хорошего знания культурно-исторического фона. Именно поэтому первая глава нашего исследования посвящена истории формирования анатомических знаний на территории России.

Ч А С Т Ь I

СТАНОВЛЕНИЕ
И РАЗВИТИЕ
АНАТОМИЧЕСКИХ
ЗНАНИЙ В РОССИИ

(ОТ ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАЧАЛА ФОРМИРОВАНИЯ
НАУЧНОЙ АНАТОМИИ)

1. Дохристианский период

Особенности развития анатомической лексики не связаны с изменениями в сфере реалий и определяются в первую очередь сложным и противоречивым процессом познания человека. Неудивительно, что ранние донаучные представления о назначении и функциях органов и частей тела зачастую носили ирреальный характер, уводя от действительности в сферу сакрального и магического. Устное народное творчество донесло до нашего времени древние политеистические поверья, согласно которым, наслать болезни и невзгоды могли не только основные боги славянского пантеона (Сварог, Перун, Стрибог и др.), но и менее значительные демонические существа (Злыдни, Упыри, Кикимора и др.), а также ведьмы и колдуны.³⁷ Отражение языческих представлений о ритуальных колдовских манипуляциях сохраняется в легендах и волшебных сказках (например, о Бабе-Яге и Кощее Бессмертном)³⁸. Анимизм древнеславянских воззрений на природу, в том числе на человеческое тело, проявляется в современной фразеологии: до сих пор при описаниях состояния больного часть тела фигурирует какместилище болезни и даже как причина смерти, *ср. сердце болит, мучается желудком, от живота умер*³⁹.

Наши далекие предки имели дело с “практической” анатомией, задабривая не только богов, но и свою плоть – съедали, к примеру, сердце врага, веря, что станут сильнее, хитрее, неуязвимее, по той же причине пили из

³⁷ Е.Е. Левкиевская. *Мифы русского народа*. М., 2000, с. 259–265; она же: *Нижняя мифология славян / Очерки истории культуры славян*, М., 1996, с. 181–196.

³⁸ Ср. также сюжеты об удивительных лекарствах, спасающих от болезней и старости: о живой и мертвой воде, о молодильных яблоках, о кипящих котлах, искупавшись в которых, старик превращается в юношу. См.: Е.Е. Левкиевская, там же; Н.В. Новиков. *Образы восточнославянской волшебной сказки*, Л., 1974, с. 13; М.А. Вавилова. *Сказки / Русское народное поэтическое творчество*. М., 1978, с. 157.

³⁹ Подробнее см.: В.А. Меркулова. *Народные названия болезней. I. / Этимология*. 1967. М., 1969, с. 158.

черепов. По данным истории и археологии, “кровавые” жертвы, в том числе человеческие, были обычным явлением у славян-язычников. Так, во время раскопок древних могильников среднеднепровского региона было обнаружено захоронение многочисленных черепов младенцев, предположительно, принесенных в жертву главному женскому божеству – Мокоши⁴⁰. О человеческих жертвоприношениях язычников упоминается в “Повести временных лет”: *Посемь же дьявол в большее прельщенье вверже человеки и начаша кумиры творити [...] И кланяхуся им и привожаху сыны своя и дщери и закалаху пред ними и бе вся земля осквернена.*⁴¹ Здесь же описано ритуальное убийство, датированное 983 (6491) г., т.е. накануне христианизации Руси: по велению князя Владимира в жертву языческим богам были принесены двое христиан-варягов⁴². Распространение и укоренение христианства отменило “официальные” человеческие жертвоприношения, однако ритуальные убийства животных сохранялись на территории России вплоть до конца XIX в. Так, по данным Г.Г. Шаповаловой, в Новгородской губ. до 1895 г. в первое воскресенье после Петрова дня прямо у церкви устраивалось культовое убийство до 30 голов скота. Задние части отдавались церковному причту, а остальное жертвенное мясо освящалось и подалось во время общего пиршества⁴³. Отголоски таких ритуалов сохраняются в сказках и обрядовых песнях. Приведем текст одной из них: *За рекою за быстрою/ Леса стоят дремучие,/ Огни горят великие,/ Скамьи стоят дубовые,/ На тех скамьях добры молодцы [...] В середине их старик сидит,/ Точит свой булатный нож./ Котел кипит горючий,/ Возле котла козел стоит,/ Хотят козла зарезати...*⁴⁴ Песня почти слово в слово повторяет текст из известной сказки “О сестрице Аленушке и братце Иванушке”, в которой превратившегося в козленка Иванушку собираются зарезать, т.е., по-видимому, принести в жертву.

Предполагается, что на многие части тела человека были перенесены наименования соответствующих органов животных. В частности, это подтверждается совпадением основных названий частей тела всех млекопитающих.⁴⁵ Отождествлением органов животных с соответствующими органами

⁴⁰ Могильники датируются I в. до н.э.–I в. н.э.: Б.А. Рыбаков. *Язычество Древней Руси*. М., 1988, с. 145–147.

⁴¹ *Повесть временных лет*. М.; Л., 1950, с. 64.

⁴² О “кровавых” жертвах говорится и в ряде других памятников, см.: Л. Нидерле. *Славянские древности*. М., 1956, с. 290.

⁴³ Приводится по: Б.А. Рыбаков. *Язычество древних славян*. М., 1981, с. 55.

⁴⁴ И. Снегирев. *Русские простонародные праздники и суеверные обряды*. М., 1838, вып. II, № 4.

⁴⁵ Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванов. *Индоевропейский язык и индоевропейцы...* с. 818.

человека может объясняться и распространенная в древности практика “излечения” в виде ритуальных манипуляций с внутренностями животных.⁴⁶ На территории России пережитки подобных действий отмечались еще в конце XIX века. Так, в некоторых районах Сибири неизменным атрибутом при заговорах зубной боли была конская голова, при лечении отека глотки использовалась челюсть свиньи, на язвы “мокрого волоса” прикладывались куриные потроха или внутренности разорванного щенка.⁴⁷ По внутренностям животных и птиц, по выступу на бараньей лопатке гадали, предсказывали судьбу. У восточных славян большой популярностью пользовались амулеты из зубов, когтей, позвонков, мелких косточек животных (зайцев, бобров и др.).⁴⁸

Ритуальные и культовые отправления древнего человека, несомненно, способствовали накоплению разрозненных “анатомических” знаний, в том числе о внутреннем строении организма, однако, они не могли дать правильных представлений о взаимосвязи, назначении и функционировании органов. Формированию определенных знаний о строении тела и отдельных органов способствовала хозяйственная деятельность человека, прежде всего – приготовление пищи. Ассортимент мясных блюд в глубокую старину был довольно разнообразен. По данным истории и археологии, в пищу употреблялись воробьи, голуби, белки, сурки, хомяки, суслики. Регулярному употреблению мяса способствовало разведение домашних животных – разделка туш, кулинарная обработка внутренностей были обычным делом.

Приобретение знаний о строении костяка, а также внутренних органов животных связано и с развитием ремесел. У восточных славян большой популярностью пользовались поделки, украшения из кости: из берцовых костей делались сопели (флейты), пяточные кости мелких животных использовались как игральные. Из обработанных желудков, пузырей, кишок домашнего скота изготавливали бубны, волынки, музыкальные и шерстобитные струны, кошельки для денег. Выделанная брюшина и пузыри крупных животных вставлялись в окна вместо стекол.⁴⁹ В период натурального хозяйства применение в быту и промыслах находили также физиологические жидкости и выделения животных: моча и кал использовались для получения селитры, бычьей желчь

⁴⁶ Ук. соч., с. 818-819.

⁴⁷ А. Макаренка. *Материалы по народной медицине Ужурской волости, Ачинского округа, Енисейской губернии.* / ЖСт, 1897, вып. 3-4, с. 413-414.

⁴⁸ Н.А. Богоявленский. *Отечественная анатомия и физиология в далеком прошлом.* М., 1970, с. 3; Л.И. Минько. *Знахарство.* Минск, 1971, с. 8 и сл.

⁴⁹ Б.А. Рыбаков. *Ремесло Древней Руси.* М., 1948, с. 182-184, 400-416, 663-678; М.К. Каргер. *Древний Киев.* М.-Л., 1958, т.1, с. 176, 203-204.

и кровь добавляли в строительную известь. Желчь волчьа, медвежья, шучья высоко ценилась у живописцев как растворитель красок.⁵⁰

Анатомические представления из области зоологии составляли лишь одну из ступеней познания живого организма. Повседневная жизнь человека – рождение и смерть, труд и питание, сон и болезни – поставляла материал для непосредственного наблюдения за собственным телом. Не последнюю роль в процессе познания человеческого организма играли акты погребения. По данным археологии, в эпоху обособления праславян из общего индоевропейского массива древний обряд трупоположения (ингумации) стал постепенно вытесняться кремацией покойников на ритуальном костре (*краде*). Когда костер прогорал, останки извлекались из кострища и временно переносились в сторону. При этом могло происходить неполное сгорание трупа: кости, некоторые органы становились объектом невольного наблюдения. По свидетельству арабских путешественников-очевидцев, покойник какое-то время до сожжения мог пребывать среди живых.⁵¹ Вероятно, это позволяло наблюдать некоторые посмертные изменения в трупе.

У восточных славян трупосожжение, сосуществуя в той или иной мере с ингумацией, сохранялось в течение двадцати семи столетий – вплоть до эпохи Владимира Мономаха. Со временем прах сожженного стали хоронить в урнах-горшках. На месте захоронения часто ставили ритуальный сруб-домовину, иногда насыпали курган.⁵² Вот как описан обряд погребения в “Повести временных лет”: *И аще кто умряше – творяху тризну надъ нимь. И посемь сътворяху краду велику и възложашу на краду мъртвьца и съжьжашу и. Посемь, събравъше кости, възложашу въ судину малу и поставляху на стълпе на путьхъ.*⁵³ Археологические и этнографические исследования XIX–XX вв.

⁵⁰ Н.А. Богоявленский. *Ук. соч.*, с. 6.

⁵¹ Например, в “Записке” Ахмеда Ибн-Фадлана (20-е гг. X в.) говорится: *Когда один из них заболевает, то они [руссы] разбивают ему палатку вдали от них, бросают его туда и кладут с ним кое-что из хлеба и воды, но не приближаются к нему, не говорят с ним, даже не посещают его во все время [болезни], особенно когда он бедный или невольник. Если он выздоравливает и встает, то возвращается к ним; если же умирает, то они его сжигают.* См.: А.Я. Гаркави. *Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. (с половины VII в. до конца X века по Р. Х.)*. СПб., 1870, с. 96; Н.А. Богоявленский. *Ук. соч.*, с. 9.

⁵² Первоначально трупам придавали скорченную позу, что должно было имитировать эмбрион в материнском чреве. По мнению археологов, таким образом родичи готовили умершего ко второму рождению на земле. Распространение кремации связывают с утверждением новых представлений о загробной жизни: вместе с дымом погребального костра душа умершего должна была попасть на небо: Б.А. Рыбаков. *Язычество Древней Руси*. М., 1988, с. 73–86.

⁵³ А.А. Шахматов. *Повесть временных лет*, т.1. Вводная часть. Текст. Примечания. Пгр., 1916, с. 13.

позволяют утверждать, что в ряде российских регионов пережитки древнего обряда трупосожжения сохранялись до к. XIX в.: в деревнях Тульской и Калужской губерний на христианских могилах после похорон разводили огромный костер. Обычай ставить над могилой архаичный сруб-домовину (названную летописцем Нестором *столпом*) дожил до начала XX в.⁵⁴

Определенную информацию о строении человеческого тела приносили ранения, полученные в боях. Однако основное значение для познаний в области анатомии имели преднамеренные вскрытия. Археологические данные позволяют предполагать, что днепровские славяне были знакомы с черепными операциями: в материале, относящимся к IX–XI вв., были обнаружены черепа со следами трепанации, произведенной с помощью инструментов.⁵⁵ Кроме того, известно, что в некоторых восточнославянских племенах иногда практиковалась консервация трупов, сопровождавшаяся изъятием у покойника полостных органов и заменой их бальзамирующими травами и маслами.⁵⁶ Подобные операции предполагали хорошую осведомленность исполнителя о внешнем виде и расположении внутренних органов, хотя и не позволяли проникнуть в тайны их физиологии. Занимались вскрытиями, по всей видимости, жрецы-волхвы – особая каста, сложившаяся в славянских племенных образованиях уже к VI–IV вв. до н.э.⁵⁷

Историки медицины полагают, что знания восточнославянских волхвов можно рассматривать как культурное наследие древнего конгломерата племен, условно называемого Скифией (I тыс. до н.э.)⁵⁸. В общественной иерархии восточных славян, согласно историко-археологическим данным,

⁵⁴ Б.А. Рыбаков. *Язычество Древней Руси*. М., 1988, с. 777.

⁵⁵ Об одном из таких черепов участвовавший в экспертизе специалист по судебной медицине В.А.Гойхман писал: *Раненому прижизненно была произведена трепанация черепа там, где было поражение мозга и где имелась потребность в выпускании внутрочерепного кровоизлияния или отделяемого нагноившейся раны... Это свидетельствует не только о понимании [...] сущности черепно-мозгового ранения и его последствий, но и о знании [...] анатомии головы человека...* Приводится по: М. Б. Мирский. *Медицина России X–XX веков: Очерки истории*. М., 2005, с. 20–25.

⁵⁶ Н.А. Богоявленский. *Ук. соч.*, с. 11–13.

⁵⁷ Б.А. Рыбаков. *Ук. соч.*, с. 770.

⁵⁸ М. Б. Мирский. *Ук. соч.*, с. 13–18; С. Ковнер. *История медицины*. Ч. 1. Вып. 1. Киев, 1878, с. 125–127. Известно, что “отец медицины” Гиппократ, побывавший в Скифии, описал обычаи ее обитателей (в том числе – способы лечения некоторых болезней) в книге “О воздухе, водах и местностях”. О скифских жрецах-целителях упоминается в сочинениях Геродота, Плутарха, а также других греческих и римских писателей. Например, сообщается, что во времена Солона (VII–VI вв. до н.э.) широкой славой пользовались скифские врачеватели Анахарсис – жрец, член царской семьи, один из семи мудрецов Древнего мира – и Токсарис, “происходивший не из царского рода и не из жрецов, а из толпы простых скифов”. По мнению афинян, заслуги Токсариса были так велики, что после смерти он был признан героем.

волхвы занимали одну из самых высоких ступеней. В частности, об этом свидетельствуют записки арабских путешественников, посетивших земли волжских булгар, хазар и русов в первой половине X в., ср. отрывок из “Книги драгоценных сокровищ” Ахмеда Ибн-Даста, написанной около 30-х годов X в.: *Есть у них [русов] знахари, из коих иные повелевают царю, как будто они начальники их. Случается, что приказывают они приносить жертву творцу их, что ни вздумается им: женщин, мужчин и лошадей, а уж когда приказывают знахари, не исполнить приказаний нельзя никоим образом.*⁵⁹ Наряду с языческими ритуальными отправлениями и жертвоприношениями в обязанности восточнославянских волхвов входило целительство в виде магических манипуляций (в том числе с внутренностями животных и человека) и заговоров, а также – лечение травами и другими народными средствами. Так, целебным действием широкого спектра наделялись панты оленя, когти и зубы хищников (особенно медведя), некоторые внутренности животных и рыб. Например, для лечения “куриной слепоты” долгое время использовали сырую говяжью печень с медом (что вполне логично с точки зрения современной медицины, поскольку печень богата витамином А).

Многочисленные упоминания о *волхвах-худесниках* сохранили летописи и устное народное творчество (ср. сказания о Гостомысле и Вещем Олеге, былины об Илье Муромце). Их авторитет был настолько велик, что даже после утверждения христианства к их услугам вплоть до XVII в. прибегали не только простые люди, но и аристократические слои общества.⁶⁰ Впоследствии тайные знания волхвов переняли деревенские колдуны и бабки-знахарки, благодаря которым многие средства народной медицины, а также тексты заговоров-заклинаний дошли до наших дней.

⁵⁹ Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VIII в. до конца X века по Р. Х.). СПб., 1870, с. 269.

⁶⁰ Б.А. Рыбаков. Ук. соч., с. 770–773.

2. Христианский период

2.1. Данные летописей и других древнерусских памятников

Летописание, неразрывно связанное с христианизацией Руси, стало поворотным моментом для ее историографии, в том числе – для истории культуры и науки. Анализ летописей и других древнерусских памятников, содержащих довольно подробные описания болезней, а зачастую и способов их лечения, позволяет составить определенное представление о состоянии медико-анатомических знаний в средневековой Руси.

Часто в летописях приводится столь полная симптоматика с указанием на характерные изменения различных частей тела, что диагностика заболевания не составляет для современных специалистов особого труда. Вот, например, как описана смертельная болезнь (предположительно, рак губы) князя Владимира Волынского в Ипатьевской летописи (1289 г.): *Нача емоу гнити исподнаго **оуоустна** первого лета мало на другое и на третье болма нача гнити и еще же емоу не вельми болноу но ходашь и ездашеть на коне [...] Исходящоу же четвертому лету и настави зиме и нача болми немочи и впада емоу все мясо с **бороды** и **зоуби** исподний выгниша вси и **челюсть** бородная перегни се же бы вторы Иев [...] И леже потом вон не вылазя но болми нача изнемогати и впада емоу мясо все с **бороды** и **кость бородная** перегнила бяше и бы видити **гортань** и не вокоуша по семь недель ничего же разве одиное воды и то же по скоудоу [...] и тако преставися благоверный холюбивый великий князь Володимер он Василков внуок Романов...*⁶¹

В “Сказании” Авраамия Палицына, посвященном осаде Троицкой лавры, приведено подробное описание цинги: *Тесноты бо ради и недостатков сиа случаются, наипаче же от вод скверных, не имущих теплых зелий и корений*

⁶¹ ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908, с. 914–918.

[...] распухневаху от ног даже и до главы; и зубы тем исторгахуса и смрад зловонен изо устну исхождаше; руже же и нозе корчахуса, жилиам сводимым внутрь... (1620 г.)⁶²

Содержатся в летописях многочисленные упоминания об эпидемиях, именуемых *мором*, *моровым поветрием*, *повальными* или *прилипчивыми болезнями*. С XI по XVII вв. летописи отмечают более 50 моров, которые вызвали гибель огромного количества людей. Особенно опустошительными стали эпидемии чумы (*черной смерти*) в XIV в. Из всего Смоленска к концу мора осталось в живых двенадцать человек. Целиком вымерли Белоозеро и город Глухов. Жителям Новгорода два года повальных болезней принесли страшный голод, во время которого, по свидетельству летописца, люди *резали своего брата и едали его*. Проявления моровых болезней описаны в летописях достаточно подробно, при этом упоминается состояние многих органов и частей тела. В качестве иллюстрации приведем два фрагмента из Никоновской летописи, описывающих эпидемию чумы 1363 г.

В отрывке, посвященном *черной смерти* в Новгороде, отмечено легочное кровотечение, а также наиболее характерный признак бубонной чумы – болезненное воспаление лимфатических узлов (*желез*): *Бысть морь великъ в Новеграде в нижнем и на всемъ уезде его [...] хракаху людие кровию а инии железю болезноваху день единъ или два, или три [...] и тако умираху [...] и неуспеваху живыя мертвыхъ погребати, умираху бо на день по пятидесять, и по сту человекъ, и болше*.

Еще более подробно описание эпидемии в Переяславле, содержащее указание на две основных формы чумы – легочную (1) и бубонную (2): (1) *Того же лета морь бысть в Переславле [...] преже яко рогатиною ударить за лопатку или подгрудю противу сердца, или между крыль, и тако разболевся человекъ начнетъ кровию хракать [...] и тако умираху*. (2) *А еже железю боляху, не одинако, иному убо на шию, иному же на стегне, иному же под пазухю, иному же подь скулюю, иному же за лопаткою, и умираху на день человековъ иногда по седмидесять, а иногда по сту, а иногда по полторуста*⁶³.

Вспышки чумы и холеры, носившие эпидемический, а иногда и пандемический характер были огромной проблемой средневековой Руси (как и других европейских стран). Массовая смертность от эпидемических заболеваний (до 98%) и неумение бороться с ними породили множество наивных

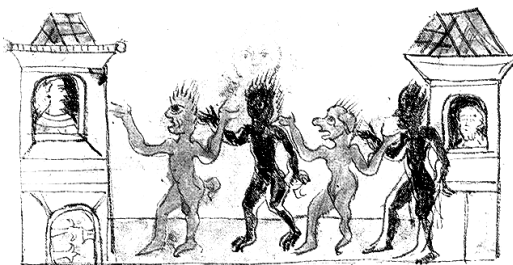
⁶² Приводится по: Б.А.Старостин. *Биологические знания / Естественнонаучные представления Древней Руси*. Сборник статей, под ред. А.Н. Боголюбова, М., 1978, с. 86.

⁶³ *Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью / ПСРЛ*. Том 11. СПб., 1897, с. 6.

объяснений и способов лечения. Долгое время сохранялось представление о том, что *моровые поветрия* насылаются злыми ветрами (отсюда название *поветрие*), возникающими в результате божьего гнева или изменения положения звезд. Основными народными средствами борьбы с мором были вымораживание и окуривание дымом⁶⁴. Изолировать больных во время эпидемий начали лишь в XV–XVI вв.. Так, летописи сообщают, что в 1521 г. псковский князь Михайло Кислица велел *улицу Петровскую запереть с обою концов*, а пытавшихся прорваться из зараженного района – сжигать заживо⁶⁵. Кормили зачумленных с улицы через ворота. Если эпидемия охватывала весь город, на ведущих к нему дорогах, согласно царским указам, устраивали заставы. Зараженные предметы на таких заставах сжигали на кострах (вопреки старой традиции отдавать вещи покойника нищим), а деньги промывали в уксусе. Чтобы предотвратить распространение заразы, умерших стали хоронить не на городских кладбищах, а прямо во дворах, *в которых кто умрет*, а впоследствии – за чертой города, вдали от жилых мест и питьевых источников. Для погребения трупов царским повелением стали назначать специальные похоронные бригады подобно тому, как это уже делалось в Европе⁶⁶.

Развитие и совершенствование методов лечения, а также анатомических знаний было связано с постепенным формированием сословия врачей, лечивших за деньги и передававших секреты врачевания по

наследству, от отца к сыну. Первые письменные упоминания о древнерусских *лечцах*, восходят к XI веку. В “Русской правде” – древнейшем из дошедших до нас сводов русских законов, составленном при Ярославе Мудром – содержатся краткие положения, касающиеся оплаты их труда: если человек получил увечье в драке, то обидчику вменялось выплатить 3 гривны пострадавшему и

Моровое поветрие в Полоцке. (*Повесть временных лет*. Радзивилловская летопись. 15 в. СПб., БАН // Русские летописи 11–16 веков. СПб., 2006)

⁶⁴ Существуют свидетельства, что еще в дохристианские времена русичи обкуривали свои жилища дымом, а также раскладывали костры на дорогах, ведущих от зараженных мест. Кроме того, защитной бороздой опахивали вокруг целое село см.: А. Приходько. *Культ огня в древней медицине* / “Агапит”, 2001, №13.

⁶⁵ *Псковские летописи*. Текст. Издание АН СССР. М., 1955.

⁶⁶ М.Б. Мирский. *Медицина России X–XX веков*. М., 2005, с. 101–103.

лечебное вознаграждение любому, кто возьмется лечить рану.⁶⁷ В “Изборнике Святослава” (XI в.) есть прямое указание на существование в Древней Руси хирургической помощи: согласно этому памятнику, врач-*резалник* умел прижигать раны, бороться с нагноением и даже ампутировать конечности (делать *орезание удное*). По данным летописей, хирургическую операцию по удалению опухоли (*желве*) перенес и сам Святослав, однако операция оказалась безуспешной: *преставися Святославъ от резанья желве*⁶⁸. Древнерусским лекарям приходилось сталкиваться с самыми различными болезнями, требовавшими хирургического вмешательства. Среди прочих историки медицины называют *расшибение с коней, хапление* (растерзание) *зверем, убиение скотом, ожары* (ожоги), *камчюг* (мочепузырные камни), *пузырь, килу* (грыжу), *томление женок при родах, болезни зубом и скороньи* (челюстей) и др.⁶⁹

В летописях и других памятниках широко представлены древнерусские методы лечения: отмечено, например, что при *ногтоезде* держали больной палец в горячей воде; после нагноения прикладывали печеный лук или соль с черным хлебом; при вывихах использовали пластырь из уксуса, золы и отрубей, а также *мальхан* (мазь) из медвежьего сала, масла, квасцов и яичного желтка; свежие раны сначала промывали разогретым квасом, а потом также накладывали *мальхан*.⁷⁰ В “Повести временных лет” содержится первое письменное упоминание о русской паровой бане, занимавшей видное место в практике врачевания: в ней лечили простуду, болезни суставов, делали кровопускания и “накладывали горшки”, т.е. вправляли грыжу.

История донесла до нас некоторые имена древнерусских врачей, в числе которых в первую очередь следует назвать Иоанна Смера, придворного лекаря князя Владимира Святого (Крестителя). В 987–990 гг. он, по повелению Владимира, побывал в Панонии, Сербии, Болгарии, Византийской империи, Египте. Известно, что, будучи *половчанином* (половцем), Смер был язычником, а христианство принял лишь во время поездки в Египет, следовательно, до этого у него вряд ли была возможность познакомиться с системными достижениями европейской и восточной медицины.⁷¹ Можно, однако, допустить, что лекарским премудростям Смера обучил кто-то из врачей-иноземцев, издавна практиковавших при княжеских дворах. Так, ле-

⁶⁷ См.: *Российское законодательство X–XX веков в девяти томах*. Том 1. М., 1984, с. 47–49.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 2, с. 190.

⁶⁹ Н.А. Богоявленский. *Хирургия в Древней Руси*. / Вестник хирургии им. И.И. Грекова, 1958, № 7, с. 132–133.

⁷⁰ В.М. Рихтер. *История медицины в России*. Ч. 1. М., 1814, с. 117, 130.

⁷¹ Там же, с. 164.

тописи XI–XII вв. сохранили упоминания о некоем лечце-армянине, удостоенном приглашения к князьям Всеволоду Ярославовичу и Владимиру Мономаху, т.к. был он *зело хитрым во врачевании, яко прежде не было таково*. Также завоевал славу *зело искусного во врачевании* придворный лекарь черниговского князя Святослава Давыдовича (Святоши Черниговского) Петр Сириянин (т.е. сириец). В памятниках говорится об огромной преданности Сириянина князю: когда Святослав Давыдович ушел в монастырь, Петр часто навещал его, давал советы и предлагал лечение. Когда же Святослав серьезно заболел и сообщил, что через три месяца покинет этот мир, Петр сильно опечалился

и, желая спасти князя, попросил его: *Повеждь мне, рабу своему, язву смертную, да ще аз ты не изоврачюю, да будет глава моя за главу твою и душа моя за душу твою*. Однако Святослав, полагавший, что главным лекарством должна быть святая молитва, отказался от помощи. Тогда Петр решил умереть вместо него: лег в гроб, который приготовил себе бывший князь и умер на третий день, а Святослав прожил в монастыре еще 30 лет.⁷²

Иноземные врачи были и при дворе Василия III. Один из них, Николай Булев, считается переводчиком с немецкого на русский первой медицинской энциклопедии – “Вертограда” 1534 г. Булев был родом из богатого немецкого города Любека, поэтому получил прозвище Любчанин. Известно, что он окончил университет в Падуе, был профессором медицины и астрологии. Вторым придворным лекарем Василия III был Феофил, тоже из Любека. Его хорошо знали в придворных кругах германских государств. Согласно памятникам, оба придворных врача пользовались большим признанием и уважением, царь старался постоянно держать их при себе и не позволил вернуться в Германию. Однако, ни один из них не сумел вылечить царя, когда тот серьезно заболел. Судя по подробному описанию недуга в летописи, Василия III мучал гнойный артрит, который придворные врачи пытались лечить при-

Изображение “площадного” вскрытия: древнерусская миниатюра (М.Б. Мирский. *Медицина России X–XX веков: очерки истории*. М., 2005)

⁷² Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, с. 83–85; Степенная Книга / ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. СПб., 1908, с. 180–181.

парками и промываниями, облегчая тем самым лишь внешние проявления болезни. Вот как описан последний диалог царя с Николаем Булевым: *“Брате Миколае! видель еси мое великое жалованье к собе; мощно ли тебе что сотворити, масть или иное что, чтобы облегчение болезни моей?”* Миколай же отвеща великому князю: *“видель есми, государь, к собе твое государево жалованье великое: аще бы мочно, тело бы свое раздробил тебя ради государя, но моя мысль не имеет опричь Божией помощи”*. Князь же велики от-вратися и нача говорити детем боярскимъ и стряпчимъ своимъ: *“братие! гораздо Миколай надо мною познать мою болезнь, нечто непособная”*.⁷³

Особое значение для развития и распространения медико-анатомических знаний на Руси имело появление монастырской медицины. Первый монастырский приют, устроенный при Киево-Печерской лавре, начал принимать больных в XI столетии. Подробные сведения о больнице, монастыре и его обитателях отражены в Киево-Печерском патерике XII века. В нем, в частности, рассказывается о том, что один из основателей и первый настоятель лавры Антоний Печерский (983–1073) вернулся в Киев после длительного пребывания на Афоне, являвшемся центром православного монашества. Там Антоний – *пречудный лечец* – получил хорошее врачебное образование, а также лечебную практику, занимаясь целительством еще до прибытия в Киев. Он сам ухаживал за больными, лично приготавливал снадобья и его пациенты умирали редко. Подробнее описана деятельность одного из воспитанников Антония, монастырского лечца по имени Агапит (ум. 1095), завоевавшего всенародное уважение киевлян благодаря *безмездной* (бесплатной) врачебной помощи: *слышанно бысть о немъ в граде, яко некто в монастыре лечецъ, и мнози болящий приходяду к нему, и здрава бываху*⁷⁴. Однажды тяжелобольной Владимир Мономах пригласил к себе Агапита, но тот отказался покинуть обитель и прислал владыке свое *зелье*. Снадобье быстро помогло, и вылечившийся князь отослал в монастырь богатые дары. Однако лекарь не принял подношений, посоветовав отдать княжеские подарки бедным мирянам.

Наряду с реалистичными способами лечения в Патерике приводятся случаи чудесного исцеления человека святой водой или силой молитвы, дабы подчеркнуть праведность деятельности монахов в отличие от *поганых волхвов* и их последователей, все еще популярных среди мирского населения Руси⁷⁵.

⁷³ ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853, с. 267–274.

⁷⁴ *Патерик Киевского Печерского монастыря*. СПб., 1911, с. 93–95.

⁷⁵ Распространенность этого явления в средневековой России подтверждают многие исторические источники. В “Повести временных лет” упомянуто (1071 г.), что “многo волхвуют жены чародейством, и отравою, и иными бесовскими козньми”. В более поздней летописи говорится о том, что в 1498 г. Иван III “положил опалу” на жену свою, великую кня-

Так, летописец рассказывает об одном прокаженном, который *от волхвовъ и от врачейъ лечимъ бываше и отъ поганыхъ человекъ искаше помощи и не получи*. Тогда прокаженный пришел к преподобному Алимпию, известному иконописцу, и тот, взяв кисть и краски, замазал ими гнойные струпья. Затем Алимпий привел больного в церковь, где после святого причастия повелел ему умыться святою водою и *тоу абие спадоша емоу струпие и исцеле*.⁷⁶

Подобные “фантастические” истории являются косвенным доказательством конкуренции между светской и монастырской медициной, ничуть не умаляя заслуг последней. Служители лавры считали заботу о больных своим долгом, исполняя его с большим усердием. Отдельные кельи предназначались для тяжелобольных, за которыми братья ухаживали круглосуточно. Люди, страдавшие заразными, кожными и психическими заболеваниями, неизменно получали здесь лечение и надежду на исцеление. Медицинская помощь оказывалась населению и в других древнерусских монастырях: в Новгороде, Чернигове, Суздале, Переяславле и др. Вследствие отрешенности от всего, что касалось собственной личности, представители монастырской медицины пользовались огромным уважением в народе. Многих из них после смерти объявили святыми.

Судя по данным памятников, врачеванием на Руси занимались как мужчины, так и женщины. Одно из немногих дошедших до нас женских имен – Евпраксия Мстиславовна (ок. 1108–ок. 1180 гг.), дочь князя Мстислава Владимировича и внучка Владимира Мономаха, получившая в народе прозвище *Добродея*.⁷⁷ В числе других известных женщин-лекарц в памятниках

гиню Софию Палеолог из-за того, что к ней “приходиша бабы с зелием”. Обыскав “тех баблихих”, князь велел их казнить. В нач. XVI в. в волховстве подозревали даже жену Василия III великую княгиню Соломонию (Соломонию), которую за это принудительно постригли в монахини. В 1607 г. сожгли “старицу Алену”, которая созналась, что “портила людей и учила ведовству”. В 1674 г. опять сожгли женщину Федосью, как оказалось, невинно оговоренную в порче, см.: *Повесть временных лет*, М. – Л., 1950, с. 120; ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853, с. 279; С.М. Соловьев. *История России с древнейших времен*. Т. III. 1893, с. 756.

⁷⁶ *Патерик Киевского Печерского монастыря*, там же.

⁷⁷ Еще молодой девушкой, живя в Киеве, Евпраксия лечила различные болезни снадобьями собственного изготовления, за что получила в народе прозвище *Добродея*. Выданная в 1122 г. замуж за сына византийского императора Алексея Комнена, при коронации она получила греческое имя Зоя. Изучив греческий язык и перечитав сочинения Галена, Гиппократата, Семеона Сифа и др., Зоя сама написала руководство по медицине “Мази” (“Алимма”). Единственный уцелевший экземпляр ее сочинения хранился во Флоренции, в библиотеке Лоренцо Медичи. В конце XIX в. российскому историку Х.М. Лопареву удалось приобрести копию трактата, изучив которую, он высказал предположение, что рукопись написана в 30-х годах XII в., а ее автором могла быть легендарная Добродея. См.: Х.М. Лопарев. *Брак Мстиславны 1122 г. и ее греческое руководство по гигиене* /Византийский временник. 1902. Т. IX, с. 418–445.

Прием больным лекарства из рук врача. Миниатюра «Лицевого летописного свода» 16 в., Шумиловский том, л. 427 (Н.А. Богоявленский. *Древнерусское врачевание в 11–17 вв.* М., 1960, с. 249).

отмечены: дочь черниговского князя преподобная Ефросинья Суздальская (1212–1250, «Житие Ефросиньи Суздальской», XVI в.), крестьянская девушка Феврония («Повесть о Петре и Февронии Муромских», XV в.), прославленная новгородская лекарица Натальица Клементьевская («Лавочная книга Новгорода Великого», XVI в.). Женщины профессионально ухаживали за лежачими больными, изготавливали лекарства из трав, умели делать массаж, вправлять вывихи, занимались родовспоможением.

Активизация деятельности древнерусских *лечцов* (в особенности *резалников*) – как светских, так и монастырских – способствовала развитию анатомических знаний,

однако представления о назначении и физиологии многих органов еще долгое время оставались наивными и умозрительными.

2.2. Переводная специальная литература

С принятием христианства и развитием письменности в Киевскую Русь стала проникать переводная литература, в том числе сочинения, в которых ставились вопросы мироздания, соотношения души и тела. Из ранних памятников в этом плане интересны так называемые «Шестодневы», т.е. рассказы о шести днях «творения мира». В Древней Руси большое распространение получил «Шестоднев», составленный выдающимся славянским просветителем X в. Иоанном экзархом Болгарским⁷⁸.

Несмотря на то, что это сугубо богословский труд, основной пафос которого – восхваление бога-творца, «Шестоднев» дает разнообразные

⁷⁸ Наиболее ранний из сохранившихся рус.-цслав. списков этого памятника датируется 1263 г., см.: *Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского по списку 1263 г.* / Чтения общества истории и древностей российских. СПб, 1879, кн. 3, лист 110.

сведения из области естествознания, в том числе – о происхождении и строении человека. Анатомо-биологические взгляды автора соответствуют христианской концепции мироздания, согласно которой окружающий человека мир разделяется на небесное (божественное) и земное, духовное и телесное. Поскольку божественная сущность в человеке – душа, Иоанна Болгарского интересуют в первую очередь *честнии* (высокие) органы и части тела, связанные с духовной жизнью человека: голова, мозг и сердце. Эти части тела удостоены довольно подробного описания, разумеется, в соответствии со взглядами того времени. Например, о сердце – *князе и владыке* – говорится, что оно занимает центральное место в грудной клетке, однако *преклоняется* несколько на левую сторону. Ассиметрическое положение сердца, по “Шестодневу”, обусловлено законами физического равновесия: левая сторона организма уравнивается сердцем, а правая – печенью. Устойчивость самого сердца обеспечивается легкими, которые, *обнимая*, поддерживают его. Переходя к внутреннему строению сердца, “Шестоднев” подробно останавливается на его полостях – *чревесах*, но насчитывает их только три. Сердце, как и легкое, богато снабжено кровью, причем кровь находится как в полостях сердца, так и в его тканях: *Иматъ же и сердце кровь и в себе точию и на утроба иматъ*.⁷⁹ Сердечная ткань отличается большой плотностью, состоит из разнообразных тяжей – *тиньмъ*. Эта особенность сердечной ткани сопоставляется с сокращениями, от которых зависит биение сердца: *Иматъ родомъ жестоку плоть, тиньми многообразными слеже се, ти сего чеца тпанше его яве назнаменуеъ*.⁸⁰ Из органов пищеварительной системы Иоанн Болгарский очень схематично описывает пищевод, желудок и печень. Мочеполовая система, мышцы, связки и даже конечности не упоминаются.

Более детально работа пищеварительного тракта описана в “Шестодневе” Георгия Пизиды, переведенном на церковнославянский в 1385 г.. Пизида отмечает, что процессы пищеварения и продвижения пищи по кишечнику обусловлены *питательными силами*, способствующими

⁷⁹ Там же. Об анатомо-физиологических представлениях Иоанна Болгарского см. также: Г.С. Баранкова. *Лексика русских списков “Шестоднева” Иоанна экзарха Болгарского*. Дисс. .. канд. филол. н. М., 1977; М. Георгиев. *Анатомо-физиологични понятия и представи в старобългарската книжнина*. / Старобългаристика, XIV /1990/, № 2, с. 23-29.

⁸⁰ Там же.

щими истлению пищи и тем самым порождающими теплоту. Они же превращают пищу в кровь, регулируют сокращение желудка и кишок.⁸¹ Конечно, анатомия и физиология “Шестоднево” еще крайне ограничены, однако, нельзя не признать, что в результате ознакомления с подобными книгами древнерусский читатель получал важную информацию, часто близкую к истине. “Шестодневы” были чрезвычайно популярны на Руси, их использовали при обучении в школах. Текст “Шестоднева” Пизиды при Иване Грозном вошел в состав известного Макарьевского свода “Четых миней”.

Однако, становление системных анатоми-медицинских представлений происходило в Русском государстве крайне медленно. Труды основоположников научной медицины и анатомии, проникавшие с опозданием в несколько столетий, были известны в узких кругах образованных людей, чаще всего – духовенства. Так, в сер. 15 в. игуменом Белозерского монастыря Кириллом для нужд обители был составлен трактат “Галиново на Ипократа”, в основу которого были положены анатомические взгляды Галена, обобщившего в своем учении представления античной медицины. В классическом трактате “О частях человеческого тела” (нач. 1 тыс.) Гален дал первое целостное анатоми-физиологическое описание организма человека. Применение секций на трупах людей и животных позволило Галену тщательно изучить строение не только всех крупных, но и многих мелких органов: в трактате дается подробное описание сосудов, сухожилий, нервных каналов.⁸²

Физиология Галена в отличие от его анатомии достаточно умозрительна и повторяет многие заблуждения древнегреческих врачей. Так, например, Гален, как и древние, считал, что артерии наполнены воздухом (*артерия* от греч. *~αιρ* ‘воздух’ + *τηρος* ‘хранящий, берегущий’⁸³) и кровь разносится по организму только венами. И все же ему принадлежит ряд важных догадок и откровений в этой области. Именно Гален первым высказал мысль о том, что мозг, а не сердце (как думал Аристотель) является центром чувственности. Мозг, сердце и печень он считал наиболее важными органами – “жизненным

⁸¹ Приводится по: И.А. Шляпкин. *Шестоднев Георгия Пизиды в славянорусском переводе*. Спб., 1892.

⁸² См.: Клавдий Гален. *О назначении частей человеческого тела*. М., 1971.

⁸³ В древнегреческом языке этим словом вначале обозначалось дыхательное горло, см.: Н.Т. Соколов. *Латинская анатомическая терминология...* с. 391.

треугольником”: мозг “руководит” мыслями и чувствами, сердце – системой артерий, а печень – системой вен. Учение Галена оказало огромное влияние на развитие естествознания в Европе вплоть до 15–16 вв. В России трактат “Галиново на Ипократата” в течение двух столетий оставался единственной книгой, специально посвященной вопросам анатомии и медицины.

Определенное значение для становления естественно-научных знаний в 16–17 вв. имела так называемая “псевдоаристотелева” литература. В соответствии с научными традициями Ренессанса сочинения такого рода представляли собой энциклопедические сводки знаний из области космографии, биологии, медицины, экономики и т.д. Поскольку подобные книги предназначались для просвещения читателя, повествование нередко строилось в форме вопросника, диалога ученика и учителя. Ответы на вопросы очень часто выходили за рамки христианских догматов, поэтому неудивительно, что в России псевдоаристотелевы книги долгое время находились под запретом церкви.⁸⁴

К числу подобных сочинений относятся “Проблемата Аристотеля”, содержащие интересную информацию из области анатомии и физиологии. В соответствующих разделах приводится описание наружных покровов, внешних частей тела и внутренностей человека, говорится о работе различных органов, т.е. об их функциях. Например, объясняется, что мышцы обеспечивают подвижность тела. На вопрос о назначении легкого следует ответ: *Тои удъ есть ветровъ или духовъ, иже легкое влечетъ въ себе и изъ себе выдыхаетъ... Тело легкаго есть бело и редко и яко губа дирковато того ради, дабы тамо боле ветра могло в себе сохранити*⁸⁵. Такое объяснение свидетельствует о значительном прогрессе в области физиологического знания: по античным представлениям, сохранявшимся еще в раннее средневековье, легкие считались “холодным” органом, основное назначение которого заключалось в охлаждении “горячего” сердца⁸⁶.

В “Проблематах” приводятся сведения о кровеносной системе, пищеварительном тракте, мочевыводящих путях и даже – из области

⁸⁴ Подробно о подобных книгах см.: М. Сперанский. *Из истории отреченных книг*. Спб., 1908; Т.И. Райнов. *Наука в России XI-XVIII вв.* М.-Л., 1940, с. 456 и сл.

⁸⁵ Приводится по: Н.А. Богоявленский. *Древнерусское врачевание в XI-XVII вв.* М., 1960, с. 89–90.

⁸⁶ Н.Т. Соколов. *Ук. соч.*, с.392.

эмбриологии. Много места уделено устройству и функционированию органов чувств. Зрение (*видение*), которое *указует нам разность велию в вещах, считается чювством первым*. В основе его лежит *сила зрака*, проводником которой служат *некия жилы ... при мозге въ челе*. Отмечается, что *глубокие, или впалые очи* видят острее, чем *“выпуклые”*, ибо в них лучи света *“купно”* входят⁸⁷. Из этого следует, что автор был знаком с механизмом аккомодации глаза. Таким образом, в “Проблематах” представлена вполне реалистическая картина строения и функционирования организма. Простота изложения облегчала читателю восприятие новой информации.

Огромной популярностью в России XV–XVIII вв. пользовались переводные лечебники, травники (зельники) и “вертограды”, содержавшие богатую информацию о симптомах и причинах различных заболеваний, а также о лечебных средствах. Специальные сведения по анатомии в лечебники, как правило, не включались, однако в некоторых из них описывались лечебные эксперименты на животных с последующим вскрытием. Так, в “Прохладном Вертограде”, переведенном с немецкого Николаем Булевым в 1534 г. описан следующий опыт: чтобы проверить, какое действие оказывает на селезенку кора ясеня, поросенка 9 дней подряд кормили соответствующим снадобьем. Вскрытие показало, что *“селезень истребленъ, а собою вельми мелокъ”*⁸⁸. В некоторых врачебниках давалось описание хирургических операций.

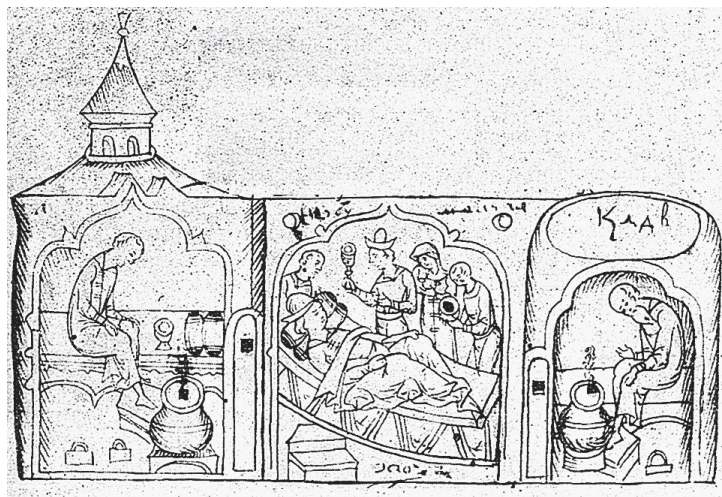
По свидетельству историков медицины, именно благодаря переводной литературе традиционные знания восточных славян, унаследованные от волхвов, стали пополняться достижениями европейской и восточной науки. В России постепенно складывалось примирительное отношение к хирургии и вскрытию трупов⁸⁹, а широкое распространение травников и лечебников способствовало развитию домашней медицины “в отсутствие врача”⁹⁰.

⁸⁷ См.: Н.А. Богоявленский. *Ук. соч.*, с. 92.

⁸⁸ Приводится по: Н.А. Богоявленский. *Отечественная анатомия...* с. 53.

⁸⁹ Н.А. Богоявленский. *Хирургия в Древней Руси*. / Вестник хирургии им. И.И.Грекова, 1958, т. 7, с. 140.

⁹⁰ Л.Ф. Змеев. *Ук. соч.*, с. 261.

Сцена лечения больного “чепучинным сидением” (потогонная процедура). Миниатюра из “Вертограда” по списку 17 в. (Н.А. Богоявленский. Древнерусское врачевание в 11–17 вв. М., 1960, с. 41).

2.3. Начало становления научной анатомии

Становление анатомии как науки в России было непосредственно связано с появлением государственной медицины. Первая попытка возложить часть заботы о здоровье населения на государство была предпринята в 50-х годах XVI в., в царствование Ивана Грозного. Известно, что вопросами призрения больных и сирых занимался так наз. Стоглавый собор (1551 г.), принявший решение о создании приютов: *Да повелит благочестивый царь всех прокаженных и престаревшихся описать по всем градам, опроче здравых строев, да в коем же граде устроити богадельни мужский и женский, и тех прокаженных и престаревшихся не могущих нигде же главы подклонити устроити в богадельнях пищею и одежею [...] да приставити к ним здравых строев и баб стряпчих, сколько пригоже будет посмотри по людям [...] чтобы жили в чистоте и в покаянии и во всяком благодарении.*⁹¹ В это же время, согласно царскому списку *нужных людей*, из Европы в Москву начали переселяться иноземные врачи, аптекари и хирурги. В 1581 г. на территории Кремля была открыта первая российская аптека, в которой работали выходцы из Англии, Германии, Голландии. Первые лекарства были завезены из Англии, позже аптека стала снабжаться как иностранными средствами, так и лекарствами из различных регионов России. Лекарственные растения стали разводить в аптекарских садах и огородах.

⁹¹ Стоглав / Российское законодательство X—XX веков. М., 1984 г. Т. 2, с. 241–439.

В 1620 г. в Москве для обслуживания царского двора был создан Аптекарский приказ. С 1670 г. ему было разрешено отпускать лекарства больным боярам и стрельцам, а также предписано *прилагать старание о всеобщем здравии сограждан и о воспрепятствовании распространению прилипчивых болезней*. В ведении Приказа находились представители всех медицинских профессий: *доктора, лекари, аптекари, окулисты, алхимики, костоправы* и др. Высшее место в иерархии занимали *доктора*, которые лечили внутренние болезни; за ними следовали *лекари*, они занимались в основном хирургией и лечением наружных болезней. Далее шли аптекари и другие специалисты. Доктора были в основном иностранцами, получившими высшее медицинское образование в университетах Европы (в России до начала XVIII в. такой возможности не было). Среди лекарей было больше русских, которые могли обучаться в Лекарской школе, открывшейся в Москве при Аптекарском приказе в 1654 г. Создание школы было связано с потребностью в полковых врачах и необходимостью борьбы с эпидемиями. Учебными пособиями служили травники, лечебники и многочисленные *дохтурские сказки* – истории болезни.⁹²

В середине XVII в. в русской армии появляются *костоправы*, часто в прошлом молодые стрельцы, умевшие *вымать пульки* и осколки пушечных ядер, а также – *оттирать* (ампутировать) конечности. Во время операции больного усыпляли с помощью мандрагоры, мака или вина. Раны обрабатывали березовой водой, вином или золой, зашивали растительными волокнами. Со временем научились делать тонкие нити из кишок животных. Однако, хирургия развивалась в России медленно, поскольку из-за церковных запретов не было преподавания практической анатомии. Даже в медицинской школе скелет изучали, как правило, тайком, на дому у педагога. Предположительно, именно для нужд развития хирургии в сер. XVII в. царь Алексей Михайлович заказывает Елифанию Славинецкому перевод трактата Везалия⁹³ “О строении человеческого тела” (1543 г.) – основного на то время пособия по анатомии человека. К сожалению, рукопись перевода Славинецкого, выполненная в единственном экземпляре, была утеряна и не дошла до нас. Курс лекций по анатомии с препарированием трупов был введен лишь в 1699 г. Петром I

⁹² Аптекарский приказ существовал около полувека и в 1714 г. был преобразован Петром I в Медицинскую канцелярию. См.: М.Б. Мирский. *Ук. соч.*, с. 82–95.

⁹³ Андреас Везалий (1514–1564) считается основоположником научной анатомии. Убедившись в том, что многие работы Галена были основаны на результатах вскрытий животных и почти не отражали специфики человеческой анатомии, Везалий провел собственные экспериментальные исследования, сделал ряд существенных уточнений и значительнополнил существовавшую на тот момент анатомическую терминологию.

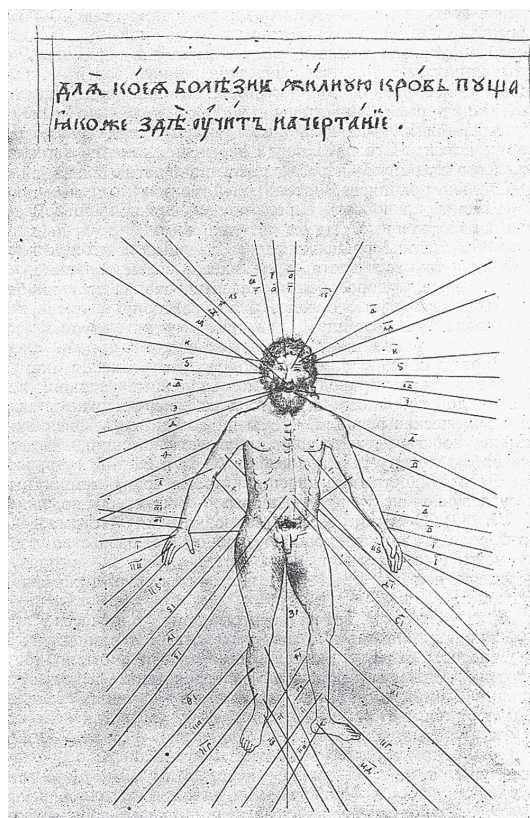

Схема размещения на обнаженной человеческой фигуре точек лечебных кровопусканий по списку 17–18 веков (Н.А. Богоявленский. *Древнерусское врачевание в 11–17 вв. М.*, 1960, с. 67).

после его возвращения из заграничного путешествия, во время которого царь посещал анатомические театры и медицинские кафедры университетов.

Именно с петровской эпохой связано становление анатомии как научной дисциплины. В это время на службу приглашаются известные анатомы из-за границы, открываются новые медицинские школы, организуются публичные лекции по анатомии. Сам Петр покупает для Кунсткамеры анатомическую коллекцию Ф.Рюйша. Таким образом, население столиц получает возможность непосредственно наблюдать внутреннее устройство организма. Об этом свидетельствует Б. Куракин в своем дневнике: *Видел у доктора анатомии кости, жилы, мозг человеческий, тела младенческие, и как начинается во чреве и родится, видел сердце человеческое, легкое, почки, и как в почках родится*

камень, и вся внутренняя разная: и жила та, на которой печень живет, горло и кишки...⁹⁴.

С открытием Московского университета в сер. 18 в. происходит окончательное становление анатомии как самостоятельной научной дисциплины. Появляются переводные учебники: “Сокращенная анатомия” Л. Гейстера, “Анатомо-физиологический словарь” М. Амбодика, “О строении частей человеческого тела” И. Пленка и др. Именно в это время начинается формирование русской специально-анатомической номенклатуры, основоположником которой считается Мартын Ильич Шеин. В своем переводе “Сокращенной анатомии” (Compendium anatomicum) Л. Гейстера Шеин представил полный для того времени список анатомических терминов, соединив народные названия с новыми, в основном калькированными обозначениями⁹⁵.

* * *

Впоследствии специально-анатомическая терминология пополнялась преимущественно за счет латинских и греческих названий, так что в современной системе научных терминов народные обозначения занимают скромное место. Следует, однако, подчеркнуть, что крупные органы и части тела сохранили в основном старые, народные наименования (ср. *голова, рука, сердце, желудок, печень, кишка* и др.). В диалектах и просторечье новая, научная система терминов не прижилась, здесь продолжают функционировать традиционные названия частей тела, что в общем-то неудивительно, имея в виду сохранность языческих верований в русской деревне (ср. выше).

⁹⁴ *Материалы для истории Петра I. / Отечественные записки. Отд. Наука и искусства, 1856, т. 47, с. 131.*

⁹⁵ Л. Гейстер. *Сокращенная анатомия* в пер. М.И.Шейна. Спб., 1757.

Ч А С Т Ь I I

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНО-
СЕМАНТИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ НАЗВАНИЙ
БРЮШНЫХ ОРГАНОВ

Всего по материалам диалектных и исторических словарей нами выявлено около 300 наименований брюшных органов. Основную их часть (более 80 %) составляет исконная лексика. На долю заимствований приходится чуть более 10 %. В нашем исследовании, ориентированном на выявление внутренней формы, в центре внимания будут названия исконного происхождения. Порядок рассмотрения материала в каждой тематической группе определяется принципом относительной хронологии: сначала анализируются древние образования, имеющие индоевропейские истоки, затем образования праславянской эпохи, восточнославянские и собственно русские новообразования.

1. Наименования живота

В русском языке и его диалектах большой пласт лексики соотносится с понятием ‘живот’. В энциклопедиях **живот** определяется как ‘часть туловища, включающая брюшную полость и ее стенки’ (БСЭ 9, 189). В “Словаре современного русского литературного языка” приводится толкование ‘часть туловища у человека и животных, в которой расположены органы пищеварения’ (БАС 4, 120). Из данных определений следует, что понятие ‘живот’ включает в себя внешнюю и внутреннюю часть этого органа. Помимо основного названия *живо́т*, в диалектах функционирует немало других наименований, для которых данное значение является лишь одним из многих, составляя небольшой отрезок в семантическом спектре слова. Большая часть выявленных наименований соотносится с общим понятием ‘живот’ без разграничения его внутренней и внешней части:

Бараба́н (Даль I, 46), *бри́хо* (вят. – СРНГ 3, 182), *бру́хо* (якут. – там же), *бри́хо*, *брюховёня* (костром. – СРНГ 3, 225–226), *брюхо́вица* (иван., яросл., костром. – там же), *брюшени́ц* (костром. – там же), *брюши́на* (арх., волог., олон., онеж. – там же), *бутро́* (казан. – СРНГ 3, 314), *вачи́на*

(волог. – СРНГ 4, 78), *во́рган* (твер. – СРНГ 5, 99), *горбо́к* (урал. – СРНГ 7, 22), *гузнó* (твер., влад., арх., пск., тобол., астрах. – СРНГ 7, 211), *гузья́к* (свердл. – там же), *живо́т, животы́* мн. (Даль I, 539), *зепь* (урал. – СРНГ 11, 264), *кава́дья* (арх. – СРНГ 12, 289), *кавбу́х* (брян. – Карт. СРНГ), *кадбы́к* (твер. – СРНГ 12, 302), *казу́ля, козу́ля* (олон. – СРНГ 14, 74), *кандю́к* (зап., калуж.), *ке́ндюк* (курск.), *ке́ндюх* (твер., свердл. – СРНГ 13, 40; 181), *ке́зевó* (вост.), *ке́зик* (костр.), *кезю́к* (костр., яросл.), *кезо́* (яросл.), *кезу́ля, кизу́ля, кизю́ля* (олон. – СРНГ 13, 175–176; 202; Даль II, 104), *керё́ма* (олон. – СРНГ 13, 186), *ке́ша* (волог. – СРНГ 13, 192), *киза́* (волог. – СРНГ 13, 175–176; 202; Даль II, 104), *ки́жма, кижмо́* (нижегор. – там же), *кирбу́ша* (волог. – СРНГ 13, 219), *кисте́нь* (брян. – СРНГ 13, 238), *кише́нь, кише́ня* (пск., твер. – СРНГ 13, 249), *киши́ка* (Даль II, 112), *корна́* (ряз. – СРНГ 14, 340), *коше́ль* (калуж. – СРНГ 15, 145), *ку́зов, кузово́к* (влад., олон., тобол. – СРНГ 16, 27), *курсáк* (Донск. 2, 102), *куты́рь* (брян. – СРНГ 16, 177), *ланту́х* (брян., смол. – СРНГ 16, 256), *лима́* (волог. – СРНГ 17, 47), *лито́нья* (костр. – СРНГ 17, 73), *литóха* (сев.-двин. – СРНГ 17, 74), *луна́, луно́* (калуж., ворон. – СРНГ 17, 196), *мамóн* (Даль II, 296), *мерёховица́* (олон., волог., перм. – СРНГ 18, 116), *могу́н* (якут. – СРНГ 18, 193), *пачи́на* (перм. – Карт. СРНГ), *пе́ндюх, пёнтюх* (твер., ряз. – Даль III, 29), *перде́нь* (вят. – Карт. СРНГ), *пéстерь* (Пастернак, “Доктор Живаго”), *подвздо́хи, подвздо́шье* (Даль III, 164), *подчерёвок, почерёвка, почерёвок* (горьк., орл., ряз. – Карт. СРНГ), *пугáн* (вят. – Карт. СРНГ), *пу́зо, пу́з(о)ро* (Даль III, 537), *пуздри́на* (Донск. 3, 72), *пу́ча, пучи́на* (Ср. Урала 5, 46; Карт. СРНГ), *пу́шка* (орл. – Карт. СРНГ), *т(к)е́зевó* (олон., вост. – Карт. СРНГ; Даль II 104), *чемодáн* (Даль IV, 589), *чере́во, чре́во* (Даль IV, 591), *яжжу́ха* (влад. – Карт. СРНГ).

В анатомии различаются подреберная, боковая, пупочная, паховая и лобковая области живота, а в центральной области – *надчревьё, межчревьё* и *подчревьё*. Народная терминология, естественно, не знает столь дробной классификации, хотя отдельные наименования в говорах и в просторечии свидетельствуют об усложняющемся понимании строения живота. Так, в некоторых диалектах лексически разграничены верхняя (подреберная) и нижняя части живота: ср. *подвздо́хи, подвздо́шье* ‘верхние боковые части живота’ (Даль III, 164), *пахови́на* ‘нижняя и боковая часть брюха животных от пупа до паха’ (Там же 26), *луно́* ‘нижняя часть живота’ (калуж., ворон. – СРНГ 17, 196); в тверских говорах противопоставлены наименования *живо́т* ‘подвздошная часть живота’ и *брюхо́* ‘часть живота ниже пупка’ (ср. “Живот

болит?” – “Нет, не *живот*, а *брюхо*” – СРНГ 9, 156); в новосибирских – **нутр́о** и **нутр́оба**: “Низ живота – **утроба**, а верх – **нутро**” (Новосиб. 337).

Нельзя не отметить, что в некоторых диалектах особо выделяются названия внутренней полости живота как той части тела, где помещаются жизненно важные органы: ср. арх. **бок**, костр. **кóроб** (СРНГ 3, 68; 14, 344), **лóно**, **не́дро** (Даль II, 226, 562); новосиб. **му́тренность**, **ну́тренность** (СРНГ 19, 33; Новосиб. 337); нижегор. **нутр́о**, **нутр́оба** (Даль II, 560; IV, 522); донск. **нутрѐ**, **нутреня** (Донск. 189); новгор. **пузѝно** (Карт. СРНГ); **серѐдка**, **середовѝна** (Даль IV, 176); **утр́оба**, **утр́обица**, орл., южн. **ятрѐба** (Даль IV, 522).

Как видим, семантические границы соматической лексики размыты. Наименования не дифференцированы, лишены четкой соотнесенности с той или иной частью живота. Во многих случаях только из контекста можно понять, что именно обозначает то или иное название: внутреннюю часть (грудную и брюшную полость), только брюшную полость или же совокупность внутренних органов: ср. *Все нутро болит; нутро не принимает; нутро выворачивает.*

По материалам диалектных и исторических словарей нами выявлено более 90 наименований живота. Основную их часть составляет исконная лексика. Примерно треть наименований приходится на долю заимствований.

УТРОБА

В литературном языке данное слово является основным обозначением внутренней части живота (и вообще внутренней части организма). В БАС (16, 1083) приводятся также значения ‘внутренняя часть чего-л., нутро’ и (с пометами *перен., устар.*) ‘о внутреннем мире человека’. В литературе XIX в. отмечено употребление в значении ‘жизнь’: “А мне его стало жалко, что благородный он человек, а вот за свое усердие к вину даже **утробою** жертвует” (Лесков. “Очарованный странник”).

В памятниках XI–XVII вв. варианты **жтроба**, **утроба**, **ютроба**, а также **вутроба** с протетическим **в-** используются в нескольких “анатомических” значениях – ‘внутренности’, ‘живот’, ‘желудок’, ‘женское чрево’, а также – ‘плод чрева, дитя’: ср. *помоливѝшаагосѝ въ жтробѝ китовѝ прѝка* (Гр. Наз., XI в.); *...они же даша ему медъ варень, и пивъ, растръже ютробу его...* (Никон. л., 6900 г.); *...и приемуци плод оутробы чрева твоего бескверными* (Изм. XVI в.~XIV в. – Срезн. I, 323; III, 1315, 1630; Карт. СлРЯ XI–XVII вв.). В Псалтыри XV в. находим это слово в значении ‘почки’: *Еще же и до ноци указа мѝ жтроба моа предъзрѝхъ гѝ пред мною выну* (*veфрой*, Псал., XV в. –

Карт. СлРЯ XI-XVII вв.). Известны случаи переносного употребления слова *утроба* в древних текстах в значениях ‘душа, сердце, мысли’: *Вл̑ко, просвѣти оутробѣ и всѣ оуды твоѣѣ волеѣѣ* (на поле приписано *ср̑цѣ, та сплачуха*; Панд. Ант., XI в. – Срезн. III, 1315).

Такой же широкий разброс значений (‘утроба’, ‘внутренности’, ‘живот’, ‘желудок’, ‘матка’) характеризует данное слово, его фонетические варианты (ср. урал. *ўтруб* с лабиализацией подударного *-о-* – Карт. СРНГ) и производные в диалектах: ср. *На утробу камень да взвалила...* (арх.); *Лекарство надо выпить на голодную утробу* (вят.); *Лопни моя утроба!* (твер., тамб.); *Носить в утробе* (Карт. СРНГ; Даль IV, 522). Нельзя не отметить употребление этого слова в более узких значениях ‘низ живота’ (Новосиб. 560), ‘большой живот’ (ишимск. – Карт. СРНГ). Особо следует выделить прилагательное *тробный* (с утратой начального гласного) в ‘анатомическом’ значении ‘диафрагма’ (Даль IV, 522). На базе основного значения ‘утроба, живот’ и производного от него ‘желудок’ в диалектах развиваются переносные употребления: ср. *утроба* ‘понос мыто’ (ряз., смол., иван.), ‘душа, совесть’ (*Как у ней утроба терпит*), ‘погибель’ (*Утробы на вас нет* – Даль IV, 522; Карт. СРНГ), *утроба* и *утробец* ‘обжора’ (калуж. – Карт. СРНГ; Новосиб. 560), *утробистый* ‘толстяк’ (Даль IV, 522), *тробный* ‘родной’ (Донск. 3, 162).

Диалектный вариант *нутроба* с начальным *-н-*, вероятно соотносится с общерусским *нутро*, др.-русск. *нутрь(-ь)* ‘внутренняя часть чего-л.’, ‘внутренность живого организма’ (СлРЯ XI-XVII вв. 11, 450), диал. *нутрѣ* ‘утроба и брюшные внутренности’ (Донск. 2, 189), где начальное *н-* отражает результат переразложения предлога *вън*: *вън жтр-* > *въ нжтр-*. В другом оформлении – с суф. *-ец-* и *-ин-* – та же основа в лексемах *нутрець*, *нутринá* ‘ливер, потроха’ (Даль II, 560). Диал. *нутреня* ‘нутро, внутренности’ (Донск. 2, 189), как и др.-русск. *нутреняя*, представляет собой, видимо, субстантивированное прилагательное: ср. *мнѣ же зелие то приимшию ... начя ми ся ср̑дце смущати и нутреняя моя начаша ся крутити* (Ж. Вас. Нов., XVI-XIV в. – СлРЯ XI-XVII вв. 11, 449). С ассимилятивной заменой начального *н-* на *м-* эта же основа в лексемах *мутрѣ* ‘нутро, внутренность’ (вят., арх.), ‘верхняя часть живота’ (новосиб.), *мутренность* ‘живот, брюшная полость’ (новосиб. – СРНГ 19, 33). Вероятно, в результате контаминации последнего с прилагательным *муторный* образовано диал. *муторность* ‘внутренности убитого животного’ (свердл. – Там же).

Русск. *утроба*, *нутроба* продолжают праслав. **otroba*, сложившееся на базе праслав. **otr* : **otro* (ср. др.-русск. *утрь* ‘внутренность’, *утрии* ‘внутренний’ – Срезн. III, 1314, 1316). Суффикс *-оба* обычно участвует в обра-

зовании абстрактных существительных: ср. **běloba*, **xudoba*, **x(v)oroba* (Sławski – Sł. prasl. I, 61). Славянские продолжения основы **ǫtr-* также, как и русские, не имеют строго терминологического значения. В одних языках они выступают как общее наименование внутренностей: чеш. *útroba*, словен. *voťroba*; в других – служат обозначением отдельных органов, расположенных в брюшной полости: польск. *wątroba* ‘печень’, н.-луж. *hutšoba* ‘сердце’. Иногда общее и конкретное значения сосуществуют: словц. *útroba* ‘внутренности’, ‘материнское чрево’, в.-луж. *wutroba* ‘внутренности’, ‘сердце’.

Наличие индоевропейских соответствий – др.-инд. *antrám* ср. р. ‘внутренности’, арм. *anderk* то же, греч. *έντερα* то же – позволяет считать данную основу одним из самых древних анатомических терминов, восходящих к и.е. **entro-m* ‘внутри, внутренний’, где *en-* – предлог-приставка “в”, *-tr-* – формант с пространственным значением (ЭССЯ 6, 72). Слав. **ǫtroba* первоначально, по-видимому, обозначало совокупность всего, что находится внутри организма. В дальнейшем шел процесс сужения, конкретизации значения: ‘то, что находится внутри’ > ‘внутренняя часть, внутренности живого организма’ > ‘брюшная полость, живот’ > ‘конкретный внутренний орган’.

Я ТРЕБ. Я ТРЕБА

В значении ‘живот, утроба’ данные слова отмечены в брянских и орловских говорах (Даль IV, 682; Карт. СРНГ). В сущности это вариант слав. **ǫtroba* с отражением в корне гласного *ę-*. Без суффиксального оформления основа *ямр-* < **ętr-* представлена в др.-рус., рус.-цслав. *ямро* ‘печень’, *ямра* мн. ‘внутренности’ (Срезн. III, 1673).

Чередование *е:о*, являющееся показателем древности, характеризует соответствующие славянские образования: ср. ст.-слав. *жтроба* ‘γαστήρ, κοιλία, та ’έγκата’ и болг. *ямро* ‘печень’, с.-хорв. *̀утробица* ‘печень’ и *jempa* то же, чеш. *útroba* ‘внутренности’ и *jatra* мн. ‘печень’, польск. *wątroba* ‘печень’ и ст.-польск. *jętry* то же (ЭССЯ 6, 72; Фасмер IV, 176; 568–569). Продолжения основы **ętro* чаще всего обозначают печень. Другие значения известны в лужицких языках: в.-луж. *jetro* ‘рубец (говяжий)’, *jatra* мн. ‘печень, легкое’, н.-луж. *jěša* то же (там же).

Б Р Ю Х О

В современном языке слово *брюхо* как обозначение живота человека имеет сниженную стилистическую окраску, но является основным наименованием

этой части тела у животных. В исторических словарях это слово в значении ‘живот’ отмечается, начиная с XIV в. (Ио. Злат. XIV в. – Срезн. I, 187). Однако, его производные – *брюхáč*, *брюхáтый* ‘человек с большим животом’ – фиксируются уже в XI в. (Арханг. лет, 1018 г. – СлРЯ XI–XVII вв. I, 342), что позволяет предположить активное функционирование слова *брюхо* в древнерусском языке. В старорусских памятниках медицинского характера это слово фиксируется в двух значениях: ‘брюшная полость’ и ‘наружный покров брюшной полости’ – причем, по наблюдению В.С.Тереховой, второе значение является более характерным, ср. *Тое же губу греческую, аще прикладываем к брюху, тогда утроба кровавая уймется* (Леч.Ф–VI, XVII в. – Терехова, 281); *Крапива варена и потом толчена, и то, аще прикладываем к брюху, тогда его мяхчит* (Там же).

Отмеченные в говорах фонетические варианты общерусск. *брюхо* – *брюхо* (вят.), *брюхо* (якут.) – СРНГ 3, 182, 211), а также суффиксальные производные – *брюшина* (арх., волог., олон.), *брюшенцó* (костром.), *брюховéня*, *брюховица* (костром., яросл. – СРНГ 3, 225) и *брюшничкó* (Приамур. 31) со сложными суффиксами *-ов-ен-, -ов-иц-, -н-ичк* – наряду с общим значением ‘живот’ характеризуются целым рядом конкретных значений, а именно:

- 1) ‘выпуклость’: *выпячиться брюхом*; *брюхо* ‘живот беременной’, *брющáтый* ‘выпуклый’;
- 2) ‘то, что находится в области живота’ – ‘внутренности’: *брюхá* мн. ‘внутренности’, *брюховица* ‘потроха, требуха’ (нижегор., костром., иван, волог., арх., урал.), ‘кишки’ (симб.); *брюшина* ‘внутренняя оболочка живота’, ‘рубец, желудок’ (арх., твер., тамб.); *брюшно́*, *брюхоша*, *брюшкó*, *брюхови́на* ‘коровий желудок, рубец’ (новг., пск.);
- 3) перен. *брюхóня* ‘обжора’; *брюховáя* ‘пища, съестное’ (костром.); *брюхо* ‘нужда, потребность’: *Хлеба с брюхо, денег с нужду* (Даль I, 133–134; СРНГ 3, 224–227).

Русское слово входит в широкий ряд севернославянских соответствий с общим значением ‘брюхо, живот’: укр. *брухо*, *бріх*, блр. *бруха*, чеш. *břicho*, словц. *brucho*, польск. *brzuch*, в.-луж. *brjuch*, н.-луж. *bruch* (ЭССЯ 3,33). На южнославянской территории данная основа засвидетельствована слабо, ее продолжения прослеживаются в болг. *брюк*, *брюка*, *брука* ‘нарыв, прыщ’ (ЭССЯ 3, 33). Соответствия со значением ‘живот’ в южнославянских языках отсутствуют.

Праслав. **br'uxo* /**br'uxъ* восходит к и.-е. **bhreu-* ‘набухать’ (ЭССЯ 3, 34). Древнюю семантику основы сохраняют русск. диал. *брюхнуть* ‘разбухать, отекасть’ (Даль I, 134), словен. *bruhniti* ‘разбухнуть’ (ЭССЯ 3, 33). Таким

образом, слав. **br'uxo* /**br'uxъ* сложилось по модели 'набухать' > 'утолщение, выпуклость' > 'живот'. О древности данного образования свидетельствуют такие индоевропейские соответствия как др.-ирл. *brū* 'живот', кимр. *bru* 'venter' < и.-е. **bhreu-*.

ЧРЕВО

Русское *чрево* и заимствованное из церковнославянского *чрево* даются в БАС с пометой *устарелое* (БАС 17, 858; 1105). По данным исторических словарей обе лексемы представлены уже в древнейших памятниках письменности. Полногласное *чрево* фиксируется в значениях 'живот, брюхо' (Быт. ХLI; Пов. вр. л. 6526 г.), 'утроба женская' (Мин. 1097 и др.), 'мех с брюха животного' (*на чревехъ бѣлыхъ* – Дух. Дм. Ив., 1509 г. – Срезн. III, 1500). В одном из поздних памятников отмечено употребление этого слова в значении 'кишки': *Скорбень миленкой был с перетуги великия, чревь изъ него вышло в одну пору три аршина, а в другую пору пять аршинъ* (Авв. ж. XVII в. – Карт. СлРЯ XI–XVII вв.). Цслав. *чръво, чрево*, выступающее в памятниках на равных правах с русской формой *чрево*, служит обозначением живота (Изб. 1073 г.), женской утробы (Остр., Ев.; Мин., 1096 г.), а также – внутренностей (в форме мн.ч.): *...ложесна же со внутренними чревесы, даже до хребетныхъ кости, ослабили есте...* (Посл. ц. Ив. Вас. Кирил. Бѣлос. мон., ок. 1578 г.). В ряде источников эта форма отмечена в переносных значениях 'пропасть, бездна' (Мин. 1097 г.) и 'добыча' (Ефр. Сир. XIV в. – Срезн. III' 1536).

Нетрудно заметить, что круг значений, фиксируемых для др.-русск. *чрево, чрево* близок семантике другого старого названия живота – *утроба*. Оба слова используются в памятниках в значениях 'живот', 'утроба', 'внутренности', конкретная соотношенность с денотатом в каждом случае определяется из контекста; ср. *Ости ми дѣю и тѣло, оумъ и сѣце, чревеса и оутробы* (Мин. общ., XV в. – Срезн. III, 1536); *Отнѣл ти гѣ сна, то похвали и прослави, и помолись бѣу избравшему его ж созда, и приемуци плодъ оутробы чрева твоего бескверныи* (Изм., XVI в.~XV в. – Карт. СлРЯ XI–XVII вв.).⁹⁶

⁹⁶ А.С. Львов, изучающий функционирование терминов *жтроба* и *чръво* в старославянских памятниках, отмечает, что в наиболее древних источниках каждое слово выступает со своим собственным значением: *жтроба* – как общее наименование внутренностей, *чръво* – как обозначение живота, а также женской утробы. Однако, уже в текстах XI в. встречаются случаи употребления одного слова вместо другого, т. е. наблюдается стирание этимологического значения. См.: А. С. Львов. *Очерки по лексике памятников старославянской письменности*. Москва, 1966, с. 272–280.

В диалектах широким распространением характеризуются полногласные формы *черево* и *черёво* обычно в значении ‘живот, утроба’ (ряз., яросл., влад., тамб., арх., онеж. – Карт. СРНГ). В некоторых говорах этим словом может обозначаться желудок (тул., перм., вят.) или совокупность всех брюшных внутренностей (яросл. *черёво*, арх. *черево* – Карт. СРНГ). Форма мн.ч. *черева* выступает в значении ‘внутренности, кишки, потроха’ (костр., брян., орл., сарат., вят., олон., арх., волог. – Карт. СРНГ). Переносное значение ‘все, что выпятилось дугой, выпучилось пузом’ – *черёво реки* – отмечено в архангельских говорах (Даль IV, 591).

Многочисленные суффиксальные производные расширяют указанный ряд значений: как наименование брюшины, “исподней” части тела животных отмечено *черевина* (Бурн. 2,335), в значении ‘брюшко меха’ – собирательное *черевья* и деминутив *черевце* (Даль IV, 591); лексемы *черевня* (твер., новг.), *черевунья* и *черевуха* (яросл.) известны как обозначения болезни – дизентерии, поноса (Даль, там же). Список производных можно дополнить суффиксально-префиксальными образованиями типа *почерёвок*, *почерёвка* ‘верх живота’, ‘утроба’ (ряз. – Карт. СРНГ), *подчерёвок* ‘место на животе ниже пупка’ (горьк.), ‘брюхо’ (орл.), ‘брюшная полость у свиней’ (брян. – Карт. СРНГ). В отдельных примерах развиваются черты псевдоосновы на *-es-*: *черевёсы*, *черевёса* мн., ‘дети, чада’; *черевёзо*, *черевязь* ‘брюшко меха’ (сиб. – Даль IV, 591) с озвончением *-с- > -з-*⁹⁷.

По наблюдениям О. Г. Пороховой, лексема *чрево* в диалектах встречается редко (ср. брян. Есть хочется аж в *чреве* урчит – Карт. СРНГ), оставаясь принадлежностью книжного языка⁹⁸. От этой основы образован ряд научных терминов: *надчревьё* ‘центральная часть живота выше пупка’, *подчревьё* ‘область живота ниже пупка’, *межчревьё* ‘центральная часть живота в области пупка’, *чревосечение* и др.

Русскому *чрево* соответствуют ст.-слав. *чръво* ‘живот’, болг. *чрево* ‘живот, внутренности’ (ст.-польск. *czerewo* ‘живот’, судя по полногласию, заимствовано из русского). В некоторых языках данное слово становится обозначением внутренностей вообще или одного из внутренних органов: ср. польск. *trzewia* мн. ‘внутренности, кишки’, чеш. *střevo* ‘кишка’, болг. *чрево* ‘кишка’, с.-хорв. *чрэво*, *чриво* ‘кишка’.

Достоверные соответствия в других индоевропейских языках отсутствуют, таким образом, можно считать данный термин собственно славянским

⁹⁷ О воздействии основ на *-es-* на слав. **červo* см.: С. Б. Бернштейн. *Очерк сравнительной грамматики славянских языков*. Москва, 1974, с. 159–160.

⁹⁸ См.: О. Г. Порохова. *Полногласие и неполногласие в русском литературном языке и народных говорах*. Ленинград, 1988, с. 61–62, 75.

образованием. Типологически в слав. **červo* выделяют формант *-v-*, относя основу к числу продолжений и.-е. **(s)ker-* ‘резать; кожа’ (ЭССЯ 4, 82). При таком понимании исходная семантика слав. **červo* реконструируется как ‘кожный покров живота’, в отличие от семантики **br’uxo* – общего термина, в основе которого лежит наиболее броский признак живота – утолщение, вздутие.

ПУЗО

Лексема *пузо* функционирует в русском языке как просторечное наименование живота (БАС II, 1665). Это слово известно также в значении ‘вздутое, выпуклое место, горб’: *пузо сосуда, сети* и т.п. (БАС, там же; Даль III, 536; Новосиб. 449). В говорах отмечено употребление слова *пузо* в переносном значении ‘жизненные запасы’: *Батраки проедят хозяину пузо* (смол. – Карт. СРНГ).

В диалектах находим многочисленные производные: *пузіно* на *-ин-* ‘брюшная полость’, ‘кишки и все другие внутренности’ (новг.); *пузовёня* ‘большое пузо’ (горьк.) и *пузовіна* ‘живот’ (пск., урал.) со сложными суффиксами *-ов-ен-* и *-ов-ин-* (Карт. СРНГ). В других говорах лексема *пузовіна*, наряду со словом *пузовьё* на *-ов-ј-*, отмечено в значении ‘выпуклое место, утолщение’ (пск., твер. – Карт. СРНГ; Даль III, 536). Ряд суффиксальных образований характеризуются семантикой ‘толстяк, человек с большим пузом’: ср. арх. *пузák*, сиб. *пузán*, калуж. *пузáч*, донск. *пузár* (Карт. СРНГ). Этимологически данной основе тождественно русск. *пузырь* на *-ырь-*. Особо следует отметить вариант этой же основы с древним суффиксом *-р-* и вставным *-д-*: ср. диал. *пузró* ‘брюхо, пузо’ (казан.), *пу́здо* ‘головатая часть брюха у животных ниже пупка’ (сиб.), *пуздрѣ* ‘большой живот’ (брян.), ‘мошонка у детей’ (пск., твер., – Даль III, 536; Карт. СРНГ), *пу́здря* ‘мочевой пузырь животного’ (Ср. Урал. 5, 42), ‘половые части у жеребца иди мерина’ (том., тобол. – Карт. СРНГ). С суффиксальным расширением *-ин-*, *-ин-к-* данная основа выступает в диал. *пуздрина* ‘живот, брюхо’ (Донск. 3, 72), *пуздрина* ‘изгиб месяца’ (Новосиб. 449). В ярославских и вологодских говорах отмечен деминутив *пузлёнок* ‘толстячок, малыш, карапуз’ (Карт. СРНГ) с ассимилятивной заменой *-р-* на *-л-*.

Рус. *пузо* и *пуздо* входят в широкий ряд славянских соответствий: ср. укр. *пуздо* ‘мочевой пузырь’, ‘мошонка’, блр. *пуздо* то же, с.-хорв. *pūzdro* ‘мошна’, *penis animalium*, польск. *puzdro* ‘футляр, сосуд округлой формы’, ‘яички’, *puza* ‘ребенок с румяным полным лицом’, *puziaty* ‘человек с толстым лицом’

(Картотека ЭССЯ). Как видно из приведенного материала, славянские соответствия соотносятся с разными органами и частями тела. По нашим наблюдениям, лишь на восточнославянской территории это слово функционирует в качестве обозначения живота (ср. укр. *пузо*, блр. *пузо*, *пузырь*). Восстанавливаемые для славянских образований праславянские формы **puzo* и **puz(d)ro* восходят к основе **puz-* ‘нечто разбухшее, округлое, комок’ связанной чередованием гласных с **puz-* (ср. русск. *пыж* ‘комок, клубок’, *пыжиться* ‘надуться’, польск. *пуза*, *пузаты* ‘человек с полным лицом’ – Фасмер III, 403, Карт. ЭССЯ). В слав. **puz(d)ro* выделяется формант **-ro*, характерный для названий частей тела (ср. **bedro*, **ědro*, **rebro* – Sławski. Sł. prasl. 2, 18). Ближайшие балтийские соответствия не имеют ‘анатомического’ значения: ср. лит. *pužrà* ‘грыжа’, *pūžas* ‘ёрш’, ‘пузатый человек’ (Fraenkel 682). Функционирование **puzo* / **puz(d)ro* в качестве анатомического термина – семантическое новообразование славянских языков.

Интересно отметить, что слав. **puzo* / **puz(d)ro* имеет ту же исходную семантическую базу, что и лексема **br'uxo* – ‘нечто набухшее’, однако реализация общей семантической модели ‘нечто набухшее’ > ‘живот, брюхо’ происходит в разные эпохи. Слав. **br'uxo*, как и др.-ирл. *brū*, приобретает функцию анатомического термина в раннюю эпоху, близкую к индоевропейскому состоянию, тогда как в случае **puzo* / **puz(d)ro* этот процесс проходил, вероятно, позднее – в эпоху диалектного развития праславянского языка.

ЖИВОТ

Слово *живот*, закрепившееся в восточнославянских языках в качестве основного термина (укр. *живіт*, блр. *жывот*), представляет собой семантическую инновацию по отношению к др.-русск. *животь* ‘жизнь’: *Тьгда находить съмръть члѣчу року; рекъше лѣту живота его коньявьшуся* (Изб. Св., 1076 г. – СлРЯ XI–XVII вв. 5, 103). В этом значении слово употреблялось еще в XIX в. (Даль I, 540; БАС 4, 120–121) и сохранилось до наших дней в выражении *не щадя живота своего*. В письменных памятниках лексема *живот* фиксируется также с семантикой ‘животное’, ‘домашний скот’, ‘имущество (все, что нажито)’ (Дм. XVI в. и др. – Срезн. I, 868–869; СлРЯ XI–XVII вв. 5, 103–104). Данные исторических словарей позволяют предположить, что в современном значении русск. *живот* стало употребляться не ранее XVI–XVII вв. К такому же выводу в результате изучения воронежской деловой письменности приходит В. И. Хитрова, отмечая что в воронежских деловых документах XVII в. более распространенной в качестве анатомического тер-

мина была лексема *брюхо*, в то время как слово *живот* чаще употреблялось как обозначение имущества, домашнего скарба⁹⁹. Примечательно, что в современном языке в значении ‘относящийся к животу’ функционирует прилагательное *брюшной*, тогда как в к. XVIII–XIX в., по данным “Словаря Академии Российской” (1789 г., 1806 г.), в том же значении могло употребляться и слово *животный*: *животная боль, животная грыжа*.

В словарях XVIII в. слово *живот* характеризуется как просторечное, стилистически сниженное: *живот – в простом употреблении означает ту пустоту тела у животных, в которой содержатся кишки, печень, селезенка...* (СлАкросс, 1789 г.). В специальной медицинской литературе этого времени данное слово практически не используется (см. “Сокращенную анатомию” Л.Гейстера, “Начальные черты анатомии” И.Пленка и др.), однако оно присутствует в популярных изданиях типа “Руководства к познанию и врачеванию болезней” (1781 г.), “Домашнего лечебника” Г.Бухана (1790 г.) и др. В некоторых из этих памятников словом *живот* обозначается не только брюшная полость, но также грудная и черепная полости: ср. *Тело человеческое разделяется на члены и три живота, или три пустых места, в которых кишки и различные внутренние части лежат, из оных нижнее чрево первое, грудь вторая, а голова третья* (Флорин. экономия 280; 1738 г.).

В говорах *животом* называют не только всю соответствующую часть тела, но иногда – только верхнюю, подвздошную ее часть (твер. – СРНГ 9, 156). В некоторых диалектах это слово известно в значениях ‘грудь’, ‘сердце, душа’ (*живот болит по ком-либо* – смол., калин., твер., перм., сиб.), ‘детородные органы’ (челяб., перм. – СРНГ 9, 156–157).

Слово *живот* имеет общеславянское распространение. В ряде славянских языков оно сохраняет древнее значение ‘жизнь’: таковы ст.-слав. *животъ* љоћ, болг. *живот*, с.-хорв. *живот*, чеш. *život*, словц. *živôt* (Фасмер II, 52). Семантическое развитие ‘жизнь’ > ‘тело; часть тела (как жизненно важное, то, в чем заключена жизнь)’ наблюдается в в.-луж. *život* ‘тело’, словен. *živôt* то же, с.-хорв. *живот* ‘мошонка’. Значение ‘живот’, кроме русского слова, характеризует укр. *живіт*, блр. *живот*, н.-луж. *žywot*, полаб. *zaiwät*¹⁰⁰, польск. *żywot* (Warsz. VIII, 741).

Слав. **životъ* образовано от **živъ* при помощи суф. *-ot-*. О древности образования свидетельствуют такие индоевропейские соответствия, как греч.

⁹⁹ В. И. Хитрова. Воронежская деловая письменность XVII в. и историческая диалектология / *Русская региональная лексика XI–XVII вв.* Москва, 1987, с. 128.

¹⁰⁰ См. Б. А. Ларин. *История русского языка и общее языкознание.* Ленинград, 1977, с. 113.

βίωτος, βιωτή ‘жизнь, ‘средства к жизни’, лат. *vita* ‘жизнь’, др.-прусск. *gīwato* то же, лит. *gyvatà* ‘жизнь’, ‘образ жизни’, ‘усадьба’ < и.-е. **gīwotā* (Фасмер II, 52). Как и в случае **puzo* /**puz(d)ro* здесь мы имеем дело с семантической инновацией, но уже – исторического времени.

НЕДРО. ЯДРО

Слово *недро*, характеризующееся в современном языке значениями ‘глубины земли’, ‘внутренность чего-л.’ (БАС 7, 856-857), строго говоря, не является анатомическим термином. Но в старых текстах наряду со значениями ‘недра, лоно, глубина’, ‘пазуха’ для этого слова отмечены также значения ‘живот’, ‘нижняя часть живота’: ср. *воздухи же и пелены шитыя и низаныя драгия ... на плещу свою вместо приволок ко брани воздеваху, и поясы священными опаясахуся по блудным недрам* (Сказ. Авр. Палицына, 1620 г. – СлРЯ XI–XVII вв. II, 106). В словаре Даля слово *нѣдро (недро)* поясняется следующим образом: ‘нутро, нутренность, утроба или глубь’, напр., *Скорбь в недрах моих; Материнские недра* (Даль II, 562).

Форма *недро* сложилась в результате переразложения первичного сочетания **чъпъ ѣдро* (ср. выше *нутро*). Сращение сохраняется в диалектной форме *внедро* ‘нутро, средоточие, центр чего-л.’, (арх. – СРНГ 4, 323). В древнем состоянии эта основа представлена в др.-русск. *ядро*, для которого отмечаются значения ‘недро, глубина, лоно’, ‘утроба женская’ (*Отъ ядрь матернихъ* – Стихир., XII в.), ‘печень’ (Гр. Наз., XI в. – Срезн. III, 1640, 1641). В словаре Даля отмечено употребление форм *ядра* мн. и *нѣдра (нядра)* мн. в разных списках одного и того же памятника, восходящего к XII в.: *Богъ отецъ жидеть его же прежде имѣ в ядрѣхъ* (в др. списке *въ ядрѣхъ, въ нѣдрѣхъ*) *съ собою* (Пам. Рск. Слв., XII в. – Даль IV, 673).

Семантическое содержание слова *ядро* Даль характеризует следующим образом: ‘середка, нутро, сущность, основанье; твердое, крепкое, самое главное; ‘круглое тело, шар’ (с припиской “из сих двух значений выводятся прочие” – там же). В ряду производных – диал. *ядрица, ядришка* ‘обдирная, не перемолотая крупа’ (твер.), глаголы *ядренѣть* ‘становиться ядреным (крепким, здоровым, спелым), *ядрѣть* ‘ядренеть, укваситься’ (сиб.), ‘зреть, спеть’ (пск.) (Даль IV, 673).

Славянский материал показывает, что вариантность основ **ѣдро* /**нѣдро* – явление общеславянского характера: ср. ст.-слав. *ядро* и *нѣдра*, мн. коллос, *sinus*, с.-хорв. *jadra* жр. ‘ножны’, ‘влагалище’ и *nedra* ‘недра, внутренность чего-л.’, словен. *jadro* ‘брюшко, опухоль’ и *nĕdro* ‘грудь’ и т.д. (Фасмер

III, 58; ЭССЯ 6, 43). Семантический признак ‘нахождение внутри чего-л.’, характеризующий слав. **nědro* соответствует его древней словообразовательной структуре (см. выше).

Слав. **jadro* < **ědro* характеризуется широким кругом значений, многие из которых несут в себе признак набухания: ср. ст.-слав. *ѡдро* *sinus*, с.-хорв. *jèdro* ‘парус’, польск. *jadro* ‘мотня сети’ и т.п. (ЭССЯ 6, 43). В некоторых славянских языках данная основа функционирует в анатомической сфере: с.-хорв. *jadra* ж.р. ‘влагалище’, словен. *jádro* ‘отвисшая часть тела, пузо’, ст.-чеш. *nadra* ‘внутренности’ (ср. ниже русск.-цслав. *ѡдро* ‘печень’, русск. диал. *ядра* ‘внутренности’ – Срезн. III, 1640; Даль IV, 673).

Наиболее вероятно объяснение слав. **ědro* из и.-е. **oid-ro* ‘набухать, пухнуть’ (ср. исходную семантическую базу лексем *брюхо*, *пузо*); архаическую семантику сохраняет производное от русск. *ядро* диал. *ядринка* ‘нарыв, чирей’ (твер. – Даль IV, 673). В индоевропейских языках слав. **ědro* соответствуют греч. *οιδάω* ‘набухать’, арм. *ait* ‘щека’, *aitnum* ‘опухаю’, герм. **aitra-* ‘гнойная опухоль, нарыв’ (ЭССЯ 6, 44; Sławski I, 185). Анатомические значения представляют семантическую инновацию славянских языков.

ЛОНО

Это слово многозначно. В современном литературном языке за ним закрепилось значение ‘грудь или чрево (матери)’ (БАС 6, 353). В памятниках письменности зафиксированы также значения ‘внутренность чего-л., недра’, ‘полость, пазуха’, ‘половые органы, мошонка’ (Пов. вр. л., Остр. ев. и др. – Срезн. II, 46; СлРЯ XI–XVII вв., 8, 281). В СлРЯ XI–XVII вв. отмечается употребление слова *лоно* в специфическом значении ‘проход из чрева’: *Въ походе во градъ, нарицаемъи Угличъ ... зѣло изнемогающе ми нутреню болѣзнию, яко и чрево мое изъ утробы лономъ моимъ изыде вонъ* (Ч.Серг. Р.Аз., 1654г. – СлРЯ XI–XVII вв. 8, 281). Этот отрывок интересен для нас также тем, что в нем употреблены сразу три слова, связанные с обозначением живота – *чрево*, *утроба*, *лоно*, причем соотносятся они с разными денотатами, подтверждая тем самым, что конкретное значение изучаемых слов в ряде случаев определяется лишь из контекста. В СлРЯ XI–XVII вв. отмечены формы с преобразованием (лабиализацией) корневого гласного – *луно*, *луна* ‘нижняя часть живота’, ‘мочеполовые органы, расположенные в нижней части живота’ (там же, с. 306). Фонетический вариант с корневым *-у-* известен и в отдельных диалектах, где данная основа также функционирует в качестве анатомического термина: *луно́* ‘нижняя часть живота, лобок’ (ворон., калуж.,

тобол.), ‘мошонка’ (ряз.), ‘половой орган жеребцов’ (ворон. – СРНГ 17, 196); *лунá* ‘пуп’ (Донск. 2, 122); суффиксальное *лунье* на *-j(e)* ‘кишки, желудок’ (смол. – СРНГ, там же). Лабиализация корневого *-o-* может быть связана с переносом ударения на конечный слог: то же фонетическое явление прослеживается в рус. диал. *нурá, нурё, нуря́* из *нора* (Донск. 2, 189). Преобразование корневого гласного отмечается также в укр. *луно* ‘лоно’. Ограничена сочетаемость данной основы с суффиксами: кроме упомянутого смол. *лунье*, словарями фиксируется производное на *-j(a) лонья* ‘охапка’ (смол. – СРНГ 17, 130), а также – *лонушко* ‘пах’ на *-ушк(o)* (Донск. 2, 120).

Примечательно, что и в других славянских языках соответствующие слова многозначны, анатомическое значение для них – лишь одно из многих. Так, для чеш. *luno*, кроме значений ‘нижняя часть живота’, ‘колени’, ‘половые органы’, отмечены и другие: ‘внутренняя часть чего-л.’, ‘одежда, сложенная так, чтобы в нее можно было что-н. положить’, ‘грудь’, ‘воплощение радости, блаженства’; польск. *lono* характеризуется значением ‘живот, внутренности’, а также – перен. ‘грудь, сердце, плечи, объятия’, ‘пазуха’, ‘место на коленях сидящего человека’ и др. (ЭССЯ 16, 32-33). В качестве названия утробы (лона) фиксируются болг. *лоно*, в.-луж. *lono*, полаб. *lönü* (ЭССЯ, там же; Фасмер II, 517). Ориентиром в поисках исходной семантики слав. **lono* служат значения, объединенные общим семантическим признаком ‘место, куда можно что-н. положить’ – ‘колени’, ‘пазуха’, ‘складка одежды’ и т.п. (ср. блр. *ланó* ‘место, где лежит скошенный хлеб’¹⁰¹; производное *улóнки* ‘часть руки, на которой носят ребенка’ – Фасмер II, 517; укр. *лонок* ‘одна из перекладин в ткацком станке, через которую перетягивается полотно на навой’¹⁰²). С учетом этой особенности семантики для слав. **lono* восстанавливается праформа **log-s-no* с суф. *-no*, связанная чередованием гласного с глаголом **legti* ‘лечь’. В пользу отглагольного происхождения слав. **lono* говорит вокализм *-o-* (ср. близкое по структуре **lož-es-no* ‘матка’ < **logo*, **ložese* < **legti*, **ležati* (Sławski. Sł. prasł. I, 116; II, 30; Фасмер II, 517, примечание Трубачева; ЭССЯ 16, 34). На базе исходной семантики ‘вместилище, полость, куда можно что-л. положить’ развиваются значения ‘место, где лежит плод, матка’, ‘утроба’, ‘низ живота’, ‘половые органы’. Данное образование сложилось на славянской почве, индоевропейские соответствия отсутствуют.

¹⁰¹ См.: В. В. Мартынов /Рец. на кн.:/ Ю. В. Откупщиков. *Из истории индоевропейского словообразования / Этимология.* 1968. М., 1970, с. 250-251.

¹⁰² О. С. Мельничук. *Об одном из важных видов этимологических исследований / Этимология.* 1967. М., 1969, с. 60. Близкое по значению однокоренное образование *lónja* отмечено в словенском языке, см.: Л. В. Куркина. *Словенско-восточнославянские лексические связи // Этимология.* 1970. М., 1972, с. 96.

* * *

Мы рассмотрели наиболее древние наименования, связанные с обозначением живота или брюшной полости в русском языке. Как показывает анализ, древние лексемы приобретают “анатомическое” значение в эпоху диалектного развития праславянского языка и в более поздний период самостоятельного развития восточнославянских языков. В отдельных случаях предпосылки такого семантического развития были заложены еще в индоевропейском языке: таковы производные от основы **ǵtr-*, имеющей индоевропейские соответствия со значением ‘внутренности’. Наследием балто-славянской эпохи можно считать слав. **puzo*. В праславянскую эпоху на базе индоевропейских основ **bhreu-* ‘набухать’ и **(s)ker-* ‘резать; кожа’ сложились обозначения **br’uxo* и **červo*. Близкие семантически, но не тождественные по структуре образования от основы **bhreu-* имеются в других индоевропейских языках (ср. выше др.-ирл. и кимр. соответствия). Отсутствие южнославянских соответствий позволяет считать слово **br’uxo* праславянским диалектизмом. Лексема **červo*, функционирующая как общеславянский анатомический термин, не имеет достоверных индоевропейских соответствий и может рассматриваться как собственно славянское образование. На праславянском уровне в сферу анатомической терминологии втянуты многозначные лексемы **lono* и **ědro/*nědro*, соматическое значение которых в русском языке зачастую определяется контекстом. Слав. **životъ*, с глубокими индоевропейскими корнями, в сфере анатомической лексики представляет собой семантическую инновацию отдельных славянских языков. В значении ‘живот’ данная лексема отмечается в восточнославянских, а также в некоторых западнославянских языках.

Анализ показывает, что в основе данных наименований лежат разные семантические признаки. Некоторые названия живота основаны на внешнем признаке набухания, утолщения (*брюхо, пузо*). Для других восстанавливаются семантические модели ‘кожный покров’ > ‘живот’ (*черево, чрево*); ‘жизненно необходимое, то, в чем заключается жизнь’ > ‘живот’ (*живот*). В основе наименований брюшной полости, утробы лежит признак глубины, нахождения внутри (*утроба, нутро, недро*), а также – сопоставление с емкостью, вместительностью (*лоно*).

* * *

Собственно русские обозначения живота в основном представлены узколокальными образованиями. Среди них выделяются наименования с прозрачной внутренней формой, основанные на переносе обозначения, переос-

мыслении. Можно выделить несколько семантических моделей, по которым сложились подобные наименования живота:

1. 'Конкретный анатомический орган' > 'живот':

Лито́нья 'брюхо' (костр.), с другим суффиксальным оформлением *лито́ха* 'большое брюхо' (сев.-двин.) < *литонья* 'желудок у жвачных животных' (см. ниже). Предполагается, что русское слово в сильно преобразованном виде продолжает слав. **elito* 'кишка, внутренности' (ЭССЯ 6, 21).

Гузно́, гузья́к 'живот' (свердл.) < *гузно* 'прямая кишка, задний проход' (арх., пск., перм., влад., твер., тобол., астрах. – СРНГ 7, 207, 211) < **gōzъно*. Корневая морфема восходит к слав. ***gōzъ / *gizъ* 'задница, задний проход', 'нарост, шишка' (ЭССЯ 7, 91).

Лексема *кишка* приобретает в некоторых контекстах значение 'брюхо, желудок': *напитал кишку* (пск.); *сытая кишка* (сиб.); *с кишкой ходить* – о беременной (олон. – СРНГ 13, 250).

2. Особенно продуктивна семантическая модель 'емкость,местилище' > 'живот'. В псковских и тверских говорах в значении 'брюхо, живот, желудок' известны лексемы *кише́ня, кише́нь*, являющиеся, видимо, переосмыслением *кише́нь* 'мешочек, кошелек, карман'¹⁰³ (СРНГ 13, 249) < праслав. **kyšěнь* 'карман, кошелек, торба' (др.-русс. *кишень* 'мешок', 'карман для денег', укр. *кишеня* 'карман', блр. *кішэнь* то же, польск. *kieszęń* 'карман'). Та же взаимосвязь значений наблюдается в полаб. *kesēn* 'желудок, живот' (Фасмер 11,242). Возможно, в результате преобразования формы *кишень* сложилось волог. *кэша* 'живот, брюхо' (ср. диал. *кёрка* < из *кирка*) Вишь ты как *кэшу*-то набил (СРНГ 13,192). Слав. **kyšěнь* генетически тождественно слову **kyšька*: мешочком, "карманом" в древности могла служить обработанная кишка (ЭССЯ 13, 278).

По той же семантической модели сложились диал. *күзов, кузовок* 'живот' (влад., олон.), *коше́ль* то же (калуж. – СРНГ 16,27; 15, 145), а также ряз. *корна́* 'живот, утроба' < *корна* (вариант *корма*) 'мешок, мотня рыболовного снаряда' (ряз., калуж., моск., влад., тул., томск. – СРНГ 14, 340; ЭССЯ 13, 220). О продуктивности данной семантической модели свидетельствуют также случаи окказионального употребления слов с семантикой 'полость, емкость' в значении 'живот, брюхо'. Примеры такого употребления можно встретить в художественной литературе, ср. у А. Платонова: *Дай нам пару кружечек – в*

¹⁰³ Г. В. Судаков предполагает участие белорусского и польского языков в проникновении этого слова на русскую почву, см.: Судаков Г. В. География и жанрово-стилевая дифференциация слов в русской письменности XVI–XVII вв. / *Русская региональная лексика XI–XVII вв.* М., 1987, с. 49.

полость налить (“Котлован”). В романе Б. Пастернака “Доктор Живаго” в значении ‘брюхо’ употреблено слово *пестерь* (... *наглотаётся он, паршивый пес, набьет, сатана, пестерь, и – шабаш!*), основное значение которого ‘большая корзина’, ‘плетенка раструбом’, ‘дорожный кошель’ (Даль III, 107). Русск. *пестерь* родственно, вероятно, словам *пест*, *пихать* (Преображ. II, 50) и представляет собой суффиксальное образование на *-ерь*.

3. Некоторые диалектные наименования основаны на метафорическом переосмыслении слов, означающих что-либо выпуклое, выступающее. Как правило, они служат обозначением большого живота, в частности, живота беременной. Таковы урал. *горбók*, олон. *козуля*, *казуля* ‘живот беременной’ (СРНГ 7, 22; 14, 74), костром. *кóроб* ‘живот беременной, утроба’ (ср. также смол. *ходить коробом* ‘быть беременной, *коробáтаться* ‘толстеть при беременности – СРНГ 14, 344).

В пермских и уральских говорах отмечаются лексемы *пúча*, *пучина* ‘живот, брюхо’ (Ср. Урал 5, 46; Карт. СРНГ), очевидно, образованные от глагола *пúчить*, *пучёт* ‘разбухать, выпирать’: ср. *Наелся, аж пучит; С жиру брюхо пучится* (там же).

По-видимому, тем же признаком набухания, утолщения мотивированы брян. *пугáн* ‘брюхо’, ‘толстяк’ и орл. *пúшка* ‘брюхо’ (Карт. СРНГ). Думается, оба слова производны от диал. *пугá*, обозначающего что-либо выпуклое: ср. *пугá*, *пúжка* ‘тупой конец яйца’, ‘пятка’, ‘гузка’ (южн.), ‘подушка, на которой плетут кружева’ (сиб. – Даль III, 535), *пугá* ‘возвышенность’ (киров. – Карт. СРНГ). В северных говорах зафиксировано прилагательное *пугúстый* ‘овальный, значительно выпуклый’ (арх. – Карт. СРНГ). В этимологической литературе русск. *пуга* сопоставляют обычно с лтш. *pàuga* ‘подушка’, *raĩgurs* ‘холм’, *pugulis* ‘вздувшееся возвышение’, др.-инд. *pūgas* ‘куча, множество, толпа’, греч. *πῦγῆ* ‘зад’ (Фасмер III, 399). Диал. *пугáн* ‘брюхо’, ‘толстяк’ можно рассматривать как производное на *-ан* со значением избыточного признака, ср. *пугáн*, *брюхáн*. Форма *пúшка* образовалась, вероятно, из деминутивного *пúжка* (ср. выше) в результате ассимиляции.

Несколько иным представляется семантическое развитие брян. *кутырь* ‘живот, брюхо’ (СРНГ 16, 177), известного также в значениях ‘желудок’, ‘мочевой пузырь животного’ (см. ниже). Данное наименование, родственное глаголу *кутúти* ‘крутить, вертеть’, представляет собой суффиксальное производное с *-ырь* от основы *кут-* < **kut-* < и.-е. **keu-t-/*kou-t-* ‘гнутое, выпуклое’. Первоначально *кутырь* – ‘то, что скручено, согнуто, а следовательно – выпукло’. На основе этих семантических признаков сложились конкретные значения ‘пузырь’, ‘желудок’, ‘брюхо’.

4. Прозрачной семантикой характеризуется пейоративное *пердёнъ* ‘брюхо’ – производное на *-ень* от глагола *пердѣть*: *Набил ле перден’- ѣт?* (вят. – Карт. СРНГ). Во владимирских говорах отмечается семантически близкое *яжжѹха* ‘брюхо’ (Карт. СРНГ), вероятно, происходящее от глагола *яжжѣть* ‘кричать, шуметь, вздорить’ (моск., яросл., влад. – Карт. СРНГ) < **eziti* ‘раздражать, сердить’ (ЭССЯ 6, 74). В подобных экспрессивных наименованиях явно просматривается укоризненно-язвительное отношение к животу, характерное для народной речи. Объяснение такому отношению можно найти в пословицах и поговорках, где живот как бы персонифицируется, выступая в роли ненасытного и требовательного бездельника, напр.: *Брюхо злодей: старого добра не помнит, что ни день, то есть давай* (Даль I, 133).

5. Характерно, что слова иноязычного происхождения также подверглись переосмыслению на русской почве, причем по тем же семантическим моделям: ср. твер. *кадык* ‘брюхо’ (СРНГ 12, 302) < тат. *kadyk* ‘твердый, выступающий’ (Фасмер II, 152); пск., твер. *лагун* ‘брюхо’ < *лагун* ‘бочка’ (СРНГ 16, 244) < нем. диал. *lāge* ‘сосуд’ (ЭССЯ 14, 16) и т.п. (ср. также поздние метафорические наименования живота типа *чемодан, барабан*).

* * *

В некоторых случаях трудно установить мотивирующие связи для лексем, функционирующих на очень ограниченной территории. В поисках исходной семантической базы таких наименований важно учитывать уже известные семантические модели.

На ограниченной территории отмечена лексема *бутрѡ* ‘большой жирный живот’ (казан.), ‘толстый пузатый человек’ (сиб. – СРНГ 3, 314), отношениями производности с которой связаны диалектизмы *бутряк, бутря* ‘толстяк, пузан’ (ср. выше *пуз(д)ро, пуздря*). Само *бутро* может быть определено как производное с суф. *-ро* (ср. *пузро, недро*) от основы глагола *бутѣть* ‘полнеть, жиреть’ < **but-* ‘нечто выпуклое, набитое’ (ЭССЯ 3, 101-103). Семантически близкие образования – пск. *бутѣня* ‘толстяк’ с суф. *-ен-*, прилагательное *бутнѡй* ‘здоровый, тучный’ (Даль I, 145; Доп. к Опыту 15). Существует, однако, вероятность другой этимологии диал. *бутро* ‘живот’: в ряде говоров известны лексемы *бѹтор, бѹторь* ‘внутренности убитого животного, потроха’, а также – ‘хлам, скарб, пожитки’ (моск., калуж., тамб., орл., курск., сарат. – СРНГ 3, 312). Предполагается, что диал. *бутор* ‘пожитки’ заимствовано из финно-угорских языков (ср. венг. *bútor* ‘багаж’), возможно, при посредничестве укр. *бутѡра* ‘дорожный скарб’ (Фасмер I, 253), Значение ‘потроха’, по всей вероятности, развилось на русской почве в соответствии

с продуктивной моделью ‘мелкие вещи, пожитки’ > ‘потроха’ (ср. ниже). Не исключена возможность, что *бутро* ‘живот’ сложилось в результате дальнейшего переосмысления заимствованного *бутор*, и все же более вероятной представляется версия об исконном происхождении диал. *бутро* ‘живот’, ‘толстяк’.

Другой регионализм – *зень* в значении ‘живот’ – отмечен только в уральских говорах (СРНГ 11, 265). В псковских и тверских говорах слово *зень* известно в значении ‘горло, глотка’. В отличие от этих локальных наименований, широким распространением характеризуется диал. *зень* ‘карман’ (влад., вят., нижегор., симб., самар., курск., казан., дон., оренб., перм., свердл., урал., север.). Все три слова приводятся в СРНГ (II, 265) как омонимы. В словаре Фасмера (II, 95) *зень* ‘карман, мешок’ и *зень* ‘горло, глотка’ этимологизируются как заимствование из тюрк. *džeb* ‘карман’. *Зень* в значении ‘живот’ в словаре не отмечено. Учитывая ареал последнего слова, а также продуктивность в говорах семантической модели ‘емкость’ > ‘живот’ (см. выше), можно предполагать, что *зень* ‘живот’ сложилось на основе переосмысления заимствованного *зень* ‘карман’. Нельзя, однако, оставить без внимания формальное сходство этого диалектизма с глаголами *зенать*, *зинать* ‘орать, раскрывать рот’, ‘клевать’, ‘глотать’ (СРНГ 11, 264, 284), наводящее на мысль о возможности исконного происхождения диал. *зень* (во всяком случае, в значении ‘горло, глотка’).

Не поддается однозначной интерпретации и брян. *кистень* ‘живот, брюхо’: ср. *Кистень набить* ‘отрастить живот’ (СРНГ 13, 238). Сопоставление с рус. диал. *кистень* ‘кисть руки’ (перм. – СРНГ, там же) и блр. диал. *кісцень* ‘кисть, гроздь’ (ЭСБМ 5, 41) позволяет думать об исконном образовании с суф. *-ень* от *кисть* < **kystь* < **kyt-ть* ‘кисть, пучок, охапка’ (ср. *брюховеня*, *кишень* с тем же формантом). В качестве семантической аналогии можно привести волог. *кирбуша* ‘брюхо’ (СРНГ 13, 219), образованное от *кирб(ь)*, *кербь* ‘пучок, вязанка (льна)’ < др.-сканд. *kiarf*, *kerf* (Фасмер II, 223). Однако, близость формы болг. *кестен*, *кестан* ‘каштан, тыква’ < тур. *kestane* (БЕР II, 344), а также тот факт, что в ст.-русс. памятниках отмечено *кистэня* ‘плоды каштана’ (Посол. Мышецк., 1643 г. – СлРЯ XI–XVII вв. 7, 140), наводят на мысль о заимствованном происхождении диал. *кистень* ‘брюхо’. Такой подход предполагает переосмысление тюркского слова по модели ‘нечто круглое, выпуклое’ > ‘живот’.

В ряде говоров в значении ‘брюхо, желудок’ отмечено слово *мбня*: *Набить мбню* (пск., кур., твер. – Даль II, 345; СРНГ 18, 254). Махек (Машек 383) сближает русский диалектизм с чеш. диал. *тийка* ‘утолщение на шее,

бородавка'. Фасмер (II, 651) отрицает возможность такого сопоставления, считая русск. *мóня* поздним образованием. В рязанских и тверских говорах для этого слова фиксируются значения 'сальник овечий, говяжий, особ. в пище с гречневой кашей', 'жирное кушанье из гречневой каши с бараньей головой и ногами' (Даль II, 345; СРНГ 18, 254). В "Сборнике рязанских областных слов" Диттеля (ЖСт 1898, II, 217) такое толкование сопровождается примечанием "татарское кушанье", вследствие чего можно предполагать, что данное название заимствовано из тюркских языков.

В основном на северной территории представлено слово *мерёховица* 'брюхо, живот', 'обжора' (СРНГ 18, 116), Можно думать, что это слово образовано от *мёрех* 'мерин' (там же): ср. близкие по значению и с той же основой *мерёховик* 'о здоровом толстом мужчине', 'о ленивом человеке' (костром., калуж.), *мерёховин* 'о неповоротливом, толстом человеке' (влад., калуж.). Слово *мерех*, по-видимому, восходит к старому славянскому заимствованию из немецкого, как и с.-хорв. *мърва* 'скот', словц. *marcha* 'кобыла', чеш. *mrcha* 'падаль', польск. *marcha* 'кляча' (Преображ. I, 528; Brückner 322; ср. также донск. *меряшка* 'лошадь').

Неясен источник сиб. *могун* 'живот, желудок' (иркут., якут. – СРНГ 18, 193). Естественно предположить, что слово, отмеченное на территории Сибири, заимствовано из языка коренного населения. Нельзя, однако, не отметить поразительное сходство формы и семантики со словц. диал. *могой* 'начиненный свиной желудок' (Bartoš. Slov. 204).

* * *

Итак, изучаемая группа терминов представлена анатомическими наименованиями разной хронологической глубины – с индоевропейскими истоками, восходящими к праславянской эпохе, восточнославянскими и собственно русскими.

Все слова многозначны, четкой соотнесенностью с животом или брюшной полостью характеризуются только некоторые лексемы: *брюхо, чрево, утроба*. Собственно русские наименования семантически вторичны и сложились в результате переосмысления не только исконной, но и заимствованной лексики. Поздние образования демонстрируют устойчивость и продуктивность некоторых древних семантических моделей: 'выпуклое, набухшее' > 'живот' (*брюхо, пузо, пуча, пуган, горбок* и др.); 'емкость, вместилище' > 'живот' (*доно, кишень, пестерь, кошель* и др.).

2. Общие наименования внутренних органов

В предыдущем разделе мы рассмотрели наименования брюшной полости. Ниже будут представлены термины, обозначающие совокупность органов, расположенных в этой части тела. Удалось выявить около 50 подобных наименований. Примерно пятую часть этой лексики составляют названия, которые могут относиться как к человеку, так и к животным. Более многочисленны специфические обозначения внутренностей животных, функционирующие, как правило, в качестве кулинарных наименований.

ОБЩИЕ НАИМЕНОВАНИЯ ВНУТРЕННОСТЕЙ (ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНЫХ)

Брюха́ (СРНГ 3, 222), *вну́тренности, животы́* (Даль I, 539), *нутро́, нутрь, нутроба́* (Даль II, 560), диал. *нутрё, нутрeня* (Дон. 2, 189), *нутерь* (твер.), *нутир* (тамб. – СРНГ 21, 317), *пузи́но* (новг. – Карт. СРНГ), *утроба́, у́трьник* (Срезн. III, 1318), *черевá* (Даль IV, 591), *я́тра* (Даль IV, 682).

НАИМЕНОВАНИЯ ВНУТРЕННОСТЕЙ ЖИВОТНЫХ

Аксён ‘внутренности рыбы’ (дон. – СРНГ 1, 227); *банду́ра* ‘внутренности животного’ (арх. – СРНГ 2, 93), *бо́рошень* ‘потроха’ (пск., твер., смол., новг. – СРНГ 3, 118), *брюхо́вица* ‘потроха’ (нижегор. – Даль I, 134), *бурдо́к* то же (забайк. – Элиасов 70), *бу́тарь* то же (моск., калуж., орл., тамб. – СРНГ 3, 309, 312), *во́хат(ь)* ‘внутренности коровы, птицы’ (пск. – СРНГ 5, 165), *вьи́порок* ‘ливер’ (СРНГ 5, 331), *вьи́пороток, вьи́поротки* ‘внутренности животных непригодные в пищу’ (забайк. – Элиасов 84), *гусáк* ‘ливер’ (БАС 3, 505), *гуся́тник* ‘внутренности гуся’ (влад. – СРНГ 7, 248), *избо́й* ‘внутренности животных непригодные в пищу’ (волог. – СРНГ 12, 9), *кабарга́* ‘потроха’ (ворон. – СРНГ 12, 282), *кне́я* ‘часть внутренностей животных, подобная круглому пирогу’ (пск. – СРНГ 13, 343), *ко́кыш* ‘внутренности рыбы’ (петерб. – СРНГ 14, 108), *корене́ц* ‘потроха крупного рогатого скота’, ‘овечий ливер’ (пск., твер., новг. – Даль II, 162), *ксень, ксе́ни, ксеньё* ‘внутренности рыбы’ (обск., арх., сиб. – СРНГ 15, 372-373), *ку́кша* то же (олон. – СРНГ 16, 49), *ли́вер, ле́вер* (моск. – СРНГ 16, 307), *макса́* ‘рыбьи потроха’ (Новосиб. 288), *мелу́зь* ‘мелкие внутренности животного’ (арх. – СРНГ 18), *му́торность* ‘внутренности убитого животного’ (свердл. – СРНГ 19, 32), *нутре́ц, нутри́на* ‘потроха’ (Даль II, 560), *осе́рдье* ‘потроха, ливер’ (БАС 8, 1090), *осе́рек* ‘потроха’ (Новосиб. 359), *осе́рье* (олон., арх. – СРНГ 23, 374), *падро́бки* ‘потроха гуся или утки’ (брян. – Карт. СРНГ), *плóщенник* ‘вареный ливер’ (Яроsl. 10),

пóтрых, потроха́, пóтרוхи, прибор ‘голова, ноги и внутренности животного, убитого на мясо’ (урал. – Карт. СРНГ), *пуздровiна* ‘брюшина, потроха’ (арх. – Карт. СРНГ), *рахмiнки* ‘внутренности рыбы’ (Дон. 3, 89), *сбой* ‘гусак с рубцом, все черева’ (Даль IV, 140), *требу́х(а), требуши́на* (Даль IV, 427), *трибу́х* (Срезн. III, 993).

Ряд названий из первой подгруппы рассматривались выше в качестве наименований живота. Как уже отмечалось, это обозначения синкретического характера, конкретное значение которых реализуется в контексте. Так, в некоторых памятниках в качестве обобщающего названия внутренностей используется слово *утроба*: *Како мощно живу быти человекѹ сущу... всю утробу свою погубившу сирѣчь печень, плу́чо, селезень и вся кишки* (М. Гр., XVI–XVII вв. – Карт. СлРЯ XI–XVII вв.). В диалектах в том же значении отмечается вариант *нутрѡба* (нижегор. – Карт. СРНГ), а также – *нутрѡ, нѹтир* (тамб.), *нѹтерь* (твер. СРНГ 21, 317). В некоторых случаях значение ‘внутренности’ выражается с помощью грамматического показателя – формы мн. числа, в то время как форма ед. ч. имеет значение ‘живот, утроба’. Таковы лексемы *брюха́, животы́, черевá, я́тра* ‘внутренности’ (ср. выше *брюхо, живот, черево, ятро*).

Часть изучаемых терминов представляют собой суффиксальные производные от названий живота. К числу подобных образований относятся продолжения древней основы **otr-*: др.-рус. *утръник(ы)* ‘внутренности, черева’ < **утр-* + *-ьн-ик-* (ср. *Оуницѡ закалаѡма бѡше и всѡ съжѡгаѡма бѡше съ главою же и съ кожею и оутръники*. Изб. XIII в. – Срезн. III, 1318), а также – основной термин *внутренности* (ср. в той же функции славянские соответствия: болг. *вътрешности*, польск. *wnętrzości*, чеш. *vnitřnosti* и др.). В диалектах отмечены названия потрохов, внутренностей животных, образованные от основ со значением ‘живот, утроба’. Таковы лексемы *брюхѡвица* < *брюх-* + *-ов-* + *-иц(а)*; *нутрѣц* < (*н*)*утр-* + *-ец-*; *нутрiна* < (*н*)*утр-* + *-ин(а)*; *пуздровiна* < *пуз(д)р-* + *-ов-ин(а)*, *пузiно* < *пуз-* + *ин(о)* (ср. *Солянка с нутриной, нутрецом; Пуздровину-то вынь* – Карт. СРНГ). Все эти лексемы уже рассматривались в предыдущем разделе. Однако подавляющее большинство названий, значение которых можно определить как ‘потроха’, представляют собой самостоятельные образования. Анализ этой лексики представлен ниже.

ПОТРОХА

В современном лит. языке слово **потроха** мн. ч. употребляется в 2-х значениях: ‘часть внутренностей животного, употребляемых в пищу (обычно птицы, рыбы)’ и – перен. ‘об имуществе, пожитках’; (*Возьмёшь, говорю, свои потроха и переберешься на корабль*. Станюк. “От Бреста до Мадеры” – БАС 10, 1645). Просторечное выражение *с потрохами* означает ‘весь, целиком’. Форма ед. ч. **пóтрох** ‘внутренности животных’ часто встречается в поздних памятниках (Дм. XVI в.; Флор. экон. XVIIIв.), а также присутствует в лексиконах XVIII в. (Целлариус 392, 1771 г.; Вейсман. Лекс. 230, 1731 г.). В древних источниках это слово не зафиксировано.

Развернутое толкование слова **пóтрох**, мн. **пóтрохи, потроха́** приводится в словаре Даля (III, 359): ‘внутренность животных, черева, но головные исключаются, грудные редко встречаются, более же брюшные’. По говорам значение этого слова может быть более узким, специальным: на побережье Белого моря так называют внутренности, кишки рыбы, а в русских говорах на территории Казахстана – внутренности птиц. В некоторых случаях отмечено употребление данного слова по отношению к человеку: ср. *Отбить кому-л. потроха* (тобол. – Карт. СРНГ).

В северных говорах отмечены формы с преобразованием коренного **-о-** в **-у-** (возможно, под влиянием слова *труха́*): **потру́х** ‘внутренности, кишки промысловой рыбы’ (беломор.), **пóтрыху** ‘внутренности животных и рыб’ (арх., ср. свердл. **потрух(-и)** ‘кора и прилегающие к ней слои дерева’ – Карт. СРНГ). Суффиксальные производные в диалектах имеют общее значение ‘потроха’, напр., **потроу́йна** (забайк.), **потрохови́ны** (пск., твер. – там же).

Русское слово обнаруживает соответствия только в польск. **patrochy**, причем последнее имеет особое значение ‘несъедобные внутренности промысловых животных’ (Warsz. IV, 87). В других языках оно не отмечено. Можно выделить, по меньшей мере, два подхода к этимологическому истолкованию слов. ***potrochъ**. Миклошич (Mikl. 233, 352) рассматривает его как префиксально-суффиксальное производное ***po-tr-ochъ** от глагола *тереть* > ***terti**. Преображенский (II, 117), Брюкнер (576) и Фасмер (III, 346) связывают слово ***potrochъ** со слав. ***troxa** ‘маленький кусочек, мелочь’: ср. русск. диал. **трóха, трóху, трóшки** ‘немного, мало’ (Даль IV, 435), болг. **трoxa** ‘крошка, кусочек’, чеш. **trocha, trochet** ‘немного’, словц. **trocha**, польск. **trocha, troche** то же (Фасмер III, 345). Такое понимание внутренней формы слова ***potrochъ** поддерживается семантическими отношениями ‘мелочь’ > ‘мелкие внутренности, потроха’, лежащими в основе других диалектных наименований: ср.

брян. *надрѡбки* ‘потроха гуся или утки’ (Карт. СРНГ), родственное болг. *дроб* ‘внутренности’, ст.-чеш. *drob* ‘крошка, малость’, ‘внутренности’ < **drobь(a)* ‘мелочь, малость’, ‘внутренности’ (ЭССЯ 5, 117); арх. *мѣлузь* ‘мелкие внутренности животного’ (Карт. СРНГ). Таким образом, существуют реальные основания считать слово **potroхъ* префиксальным образованием от основы **troх-* ‘мелочь’.

ТРЕБУХА

В современном литературном языке слово *требуха* имеет значение ‘внутренности убитого животного’ (БАС 15, 858). С тем же значением это слово и производное на *-ин- требуи́на* приводятся в словарях XVIII–XIX вв. (Целлар. 533, 1771.; СлАкРосс VI, 767). В “Материалах” Срезневского отмечается форма *трибухъ*, значение которой определяется как ‘требуха, брюшные внутренности’: *Се азъ ѡтлучѡ вамъ рамо и искидаѡ трибухы лютомыи на лица ваия (σκορπίω ’ένυστρον ’επι τα πρόσωπα ’ύμων... Малах. II. 3. Упыр. 1047 г. – Срезн. III, 993)*. Более широкая семантика характеризует данное слово в диалектах: *требуха* – ‘внутренности’, ‘рубец (желудок) у жвачных’ (Даль IV, 427); *требу́х* – ‘живот, брюхо’, ‘желудок’ (брян., прибалт.), ‘желудок животного, в котором засаливают внутреннее сало’ (брян.), ‘кишки’, ‘рубец, брюшина’ (пск.), ‘желудок свиньи’ (новосиб. – Карт. СРНГ). В псковских и тверских говорах это слово известно также в переносном значении ‘обжора’.

Неполногласная форма *требуха* указывает на заимствование из церковнославянского¹⁰⁴. Даль соотносит его рус.-цслав. *требѹти* ‘очищать, отделять негодное’, толкуя само *требуха* как ‘брюшные черева, от коих очищается... туша битой скотины’ (Даль IV, 427). Образования с полногласным *тереб-*, широко представленные в русских говорах, характеризуются кругом значений, производных от ‘драть, дергать, очищать’: ср. *теребить* ‘очищать лен от кострицы’ (арх., ленингр.), ‘ощипывать птицу’ (арх., волог.); *тѣреб* ‘место, очищенное от зарослей’, ‘холощенный жеребец’ (сев.); *терѣбка* ‘пота-совка’; *теребу́шки* ‘чесалки для прочеса хлопка, шерсти’ (зап. – Карт. СРНГ). С другим вариантом корня отмечено пск. *тербуи́ить* ‘дергать, рвать, тормошить’ (Даль IV, 400). Таким образом, можно предполагать, что внутренняя, глубинная семантика лексемы *требуха* – ‘то, что вычищается, отходы’ (ср.

104 К такому же выводу приходит О. Г. Порохова в раб. *Полногласие и неполногласие в русском литературном языке и народных говорах*. Л., 1988, с. 51-52, 88, 177.

диал. *ótreби, отрёбыш* ‘отходы от чесания льна’ – Карт. СРНГ). Такое понимание внутренней формы поддерживается семантикой соответствующих славянских глаголов: ср. укр. *теребі́ти* ‘чистить, шелушить’, болг. *трéбѧ* ‘очищаю, корчую’, с.-хорв. *тријéбити* ‘очищать’, чеш. *třibiti* ‘просеивать, очищать’, в.-луж. *trjebić* ‘кастрировать’ и др.

Слово *требух(а)* имеет общеславянское распространение, однако в значении ‘внутренности’ оно отмечено лишь на восточнославянской территории (ср. укр. *трибу́х, блр. трéбу́х*). Соответствия в других славянских языках характеризуются семантикой ‘живот’, реже – ‘желудок’: болг. *търбу́х* ‘желудок, живот’, с.-хорв. *трбу́х* ‘брюхо’, словен. *trébuch* то же, *třebucha, terbuch* ‘брюхо’, польск. *trybuch, terbuch, telbuch* ‘живот, брюхо’ (Фасмер IV, 96). Без суффиксального оформления отмечены укр. *тéреб* ‘брюхо’ (Фасмер, там же) и с.-хорв. *trba* ‘пузо, брюхо’ (Skok III, 493). В сочетании с суф. *-on-j(a)* эта основа представлена в с.-хорв. *třbonja* ‘толстопузый, толстобрюхий’ (Skok, там же).

Сложным моментом остается реконструкция праславянской формы, поскольку славянские соответствия имеют различия в структуре корневой морфемы (ср. выше обозначения с *treb-, trib-, trb-*). Одно из решений данной проблемы принадлежит Л.В.Куркиной, считающей, что в данном случае следует говорить о трех апофонических вариантах одной основы: с гласным в полной ступени, в ступени редукции и в нулевой ступени¹⁰⁵. Исходная форма соответствующих обозначений живота и требухи восстанавливается как **terb-ухь/ *tǃrb-ухь*, т.е. как производное с суф. *-ух-* от основы **terb-/ *tǃrb-* ‘терebить, чистить’ (ср. отглагольное **kǃlbuxь* ‘живот, внутренности’ с тем же суффиксом). Иерархия семантических отношений определяется следующим образом: ‘терebить, чистить’ > ‘то, что вычищается’ > ‘требуха’ > ‘то, что наполнено требухой’ > ‘брюхо, живот’.

Иная реконструкция и, соответственно, этимология предлагается Э. Хэмпом, возводящим название требухи к праформе **qtrь-br'ухь* ‘внутренний живот’ (intestinal belly)¹⁰⁶. О.Н. Трубочев считает более вероятной праформу **trь-br'ухь*, которая также предлагалась в работах Э. Хэмпса. Начальное *trь-* рассматривается как усилительная приставка-числительное, присутствующая, например, в сложениях *трьгубь* ‘тройной’, *трьногь* ‘треножник’ и др. Таким образом, реконструкция **trь-br'ухь* интерпретируется как ‘тройное брюхо’ (Фасмер IV, 858; дополнения О.Н. Трубочева).

¹⁰⁵ См. Л.В.Куркина. *Слав. *terbuxь/ *tǃrbuxь*. – ОЛА 1984. М., 1988, с. 273–277.

¹⁰⁶ Е.Р.Нарп. *Slavic *qtrь-br'ухь* / Сборник за филологију и лингвистику, XXVII–XXVIII. Нови Сад. 1984–1985, с. 88–89.

Восстановление праславянской формы затрудняется также из-за отсутствия точных лексико-семантических соответствий в индоевропейских языках. Известно предположение о родстве славянского слова с лат. *strebula* ‘мясо на бедрах жертвенного животного’ (Фасмер IV, 96). Такое сопоставление возможно лишь в случае признания первой этимологической версии, т.е. в случае возведения славянских обозначений требухи к основе **terb-/*turb-*.

КСЕНЬ

Это слово, отмеченное в приморских районах и в бассейнах крупных рек, функционирует как термин рыбного промысла: ср. арх. *ксень*, *ксеньё* ‘рыбы потроха’, обск. *ксени* мн. ‘внутренности осетра, идущие на приготовление жира’ (СРНГ 15, 372). В ряде говоров данное слово служит обозначением рыбьей печени (алт., том., тобол., олон.) или икры (сиб. – СРНГ 15, 372–373). С фонетическими преобразованиями – протетическими гласными, изменением корневого *-e-* в *-o-*, а также с отвердением конечного согласного – отмечается вариант *аксён* ‘внутренности рыбы’ (дон. – СРНГ I, 227).

В памятниках письменности слово *ксень* засвидетельствовано только в двух значениях – ‘рыбья (щучья) печень’ (Дм. XVIв. – СлРЯ XI–XVII вв. 8, 100) и ‘молоки крупных рыб’¹⁰⁷. Словарями современного литературного языка это слово не фиксируется.

Славянские соответствия, как правило, служат обозначением желудка: ср. блр. диал. *ксень* ‘желудок у щуки’, чеш. *ksenec* ‘желудок (особенно у некоторых рыб)’, полаб. *t'ěsin* ‘желудок’, ст.-польск. *ksieniec* ‘желудок некоторых рыб’, словин. *ksěń* ‘желудок’. Значение ‘внутренности рыбы’ характеризует польск. *ksieniec* и словин. *ksině* pl. tant. С другой семантикой – ‘чешуя и прочие отходы у рыбы’ – отмечено словин. *ksěne* ср. р. (ЭССЯ 13, 245). Распространение данного слова ограничено северно-славянской территорией, в южнославянских языках оно отсутствует.

Слав. **kьsenь*, сближаемое с **kysati* ‘киснуть’, рассматривается как производное с суф. *-en-* и возводится к и.-е. **kū̯t-s-* ‘кислый, киснувший, портящийся’ (ЭССЯ 13, 246). Эта же основа в другом славянском анатомическом термине – **kyšьka* ‘кишка’. Исходя из семантики индоевропейской основы, наиболее древним для слав. **kьsenь* следует признать значение ‘отходы у рыбы’, откуда могло произойти ‘несъедобные внутренности (рыбы)’ и далее – ‘внутренности’ с последующей конкретизацией – ‘желудок’, ‘печень’ и т.п.

¹⁰⁷ См.: А.И.Соболевский. *Из истории русского словарного материала.* / РФВ 70, Варшава, 1913, с. 88–89.

О СЕРДИЕ

Это слово, относящееся к кулинарной лексике, засвидетельствовано в памятниках XVI в. как обозначение ливера, внутренностей животных: *осърдие*, *осердие* (Кар. И.Г.Р.Х. пр. 462 – Срезн. II, 753); *осердьё* (Рим. имп. д. II., 1597 г. – СлРЯ XI–XVII вв. 13, 86). С тем же значением оно приводится в СлАкРосс, а также в БАС: *Двое бурлаков тащат на палке брюшину, осердие, старую, почти засохшую говядину* (Решетн. “Подлиповцы” – БАС 8, 1090).

В диалектах семантический спектр этого слова несколько шире: ‘внутренние органы человека и животного’ (север., арх., енис., том., тамб.); ‘внутренности животного, идущие в пищу’ (волог., ленингр., пск., перм., урал., сиб., тобол., новосиб.); ‘внутренности животного негодные в пищу’ (арх. – СРНГ 23,371). В некоторых говорах слово *осёрдие* известно как обозначение конкретных органов – сердца или печени животного (перм. – там же). Более древнюю семантику сохраняет арх. *осёрдьё* ‘сердцевина чего-л.’ (СРНГ 23, 371, ср. укр. *осёрдок* то же – Гринченко III, 66). В значении ‘потроха’ по говорам отмечены словообразовательные варианты: *осёрье* с утратой корневого *-д-* (олон., арх. – СРНГ 23, 374), бессуффиксальное *осёрды* мн. ч. (яросл. – СРНГ 23,372), а также производные на *-ек* и *-ин осёрек* и *осёрдинка* (Новосиб. 358, 359);.

Русскому слову соответствует польск. *osierdzie* с еще более широким кругом значений. В старопольских памятниках XV в. это слово отмечено с семантикой ‘печень’, ‘орган, расположенный в области сердца’, а также – ‘гнев, злость’ (Sł. stp V, 649). В современном польском языке *osierdzie* является анатомическим термином, обозначающим околосоердечную сумку, но в диалектах, по данным “Варшавского словаря” (Warsz. III, 845), оно имеет значение ‘легкие, сердце и печень коровы’, что соответствует семантике русского слова. Чешское *osrdi* функционирует как анатомическое обозначение околосоердечной сумки.

Данное слово имеет прозрачную внутреннюю форму, являясь префиксально-суффиксальным производным на *-ьj(e)* от основы *сепд-* < **serd-*/**sъrd-* ‘середина’, ‘сердце’. В русском языке по той же морфонологической модели образован ряд старых существительных, общее значение которых определяется как ‘то, что находится в области данной части тела’: *оплечье*, *оголовье*, *ощечье* и т.п. Соответственно, исходным значением лексемы *осердьё* может быть ‘то, что находится в середине, в области сердца’. Дальнейшее развитие семантики происходило в направлении конкретизации: ‘внутренности в области сердца (ливер)’ > ‘печень’.

ГУСАК. ГУСЯТНИК

Гуса́к, реже *гусь* – просторечное наименование ливера, которое, судя по данным словарей, широко употреблялось в XIX – нач. XX вв. (Брокг.-Ефр. 9^А, 924; Даль I, 40). О том же свидетельствуют производные: лавки, торгующие потрохами, назывались в народе *гусачными заведениями*, а диафрагма – *гусаковой перепонкой*, *гусачихой*, *гусачиной* (Даль I, 410). В настоящее время слово *гусак* сохраняется как термин мясного производства (БАС 3, 505).

Толкование, помещенное в словаре Даля (I, 410) проясняет внутреннюю форму данного слова: ‘грудной воловий потрох, духовая жила с легкими, сердцем и печенью, по сходству потрохов этих с летящим гусем’. В диалектах фиксируется вариант с другим суффиксом – *гусёк* ‘внутренности, потроха убитого животного (ливер)’ (тамб., пенз., куйб., сарат., урал. – СРНГ 7, 242). Эти обозначения, основанные на метафоре, известны только русскому языку.

Иной семантический признак – принадлежности – положен в основу еще одного наименования потрохов, производного от *гусь*: *гусятник* ‘внутренности гуся’. Это слово, образованное с помощью суффикса *-ят-ник-*, отмечено во владимирских говорах (СРНГ 7, 248).

* * *

Слова *потроха*, *требуха*, *ксень*, *осердь* и *гусак* широко представлены на русской территории, однако значительное число названий ограничено в своем распространении.

БОРОШЕНЬ

В некоторых говорах в значении ‘внутренности, потроха птиц и животных’ отмечено слово *борошень* (пск., новг., твер., смол. – СРНГ 3, 118). Обычно это слово используется в диалектах как наименование каких-либо вещей: ср. *борошень* ‘домашние вещи, пожитки, скарб’ (яросл., волог., арх., сиб., свердл., енис.); ‘разные мелкие вещи, сложенные вместе’ (арх., камч., сиб.); ‘дорожные вещи, багаж’ (арх., волог., яросл., камч., сиб.), ‘хлам, обноски’ (арх., волог., яросл., свердл., сиб. – СРНГ 3, 118–119). Варианты с другим исходом основы – *борошен* (ворон.), *борошино* (курск., ворон.), *борошина* (ворон.), а также субстантивированное прилагательное *борошиное* (курск.) зафиксированы в значении ‘ржаная мука’ (СРНГ, там же). В словаре Даля (I, 118) как

торговый термин приводится *борошня́* ‘мучной товар’, в говорах это слово известно как название корзины (смол. – СРНГ 3, 119).

В значении ‘пожитки’ слово *борошень* встречается в памятниках XVII в. (Дѣло о ссылкѣ Ром. 1602 г. – Срезн. I, 154). В более ранних источниках широко используются формы на *-но*: цслав. *брашьно* и собственно рус. *борошьно* ‘мучное кушанье, пища вообще’ (Остр. ев.; Р.Прав. Яр. по Ак.сп., XV в.; Ѳеод. Печ. Впр. Из. и др. – Срезн. I, 176; 154).

Русское слово вместе со ст.-слав. *брашьно* ‘еда, кушанье’, болг. *брашно́* то же, с.-хорв. *бра̀шно* ‘мука’, ‘пища’, ‘хлеб или другая еда в дорогу’, укр. *борошно́* ‘мука’ – продолжает праслав. **boršьno* (ЭССЯ 2, 212). Значения ‘потроха’ и ‘вещи, имущество’ известны только русскому языку.

Слав. **boršьno*, в составе которого выделяют суф. *-ьно*, соотносят с гот. *barizeins* ‘ячменный’, лат. *farīna* ‘мука’ (Фасмер 1, 196; ЭССЯ 2, 212). Суффиксальный вариант **boršьнь* на *-ьнь* представляет собой собственно русское образование (ср. с тем же суффиксом русск. диал. *бóлзень* < **bolzьno* – Sł. prasł. 1, 137). Можно думать, что данная основа, восходящая к и.-е. диал. **bhars-īn-* (ЭССЯ 2, 213), первоначально обозначала муку, нечто из зерна. На базе этого значения сложились семантические отношения ‘мука, мучное блюдо’ > ‘еда (в дорогу)’ > ‘дорожные вещи’ > ‘пожитки, имущество’ > ‘внутренности, потроха’ (ср. аналогичные семантические отношения у рус. *живот* ‘жизнь’ > ‘имущество’ > ‘утроба’; *мамон* ‘имущество’ > ‘живот’; потроха ‘внутренности’ > ‘пожитки’; польск. *bebechy* ‘пожитки’ > ‘потроха’).

КОРЕНЕЦ. КОРЕШОК

В функции анатомического термина в диалектах выступают производные от *корень* – *корене́ц* и *корешо́к*. Слово *коренец* ‘потроха крупного рогатого скота’, ‘овечий ливер’, отмеченное в северо-западных говорах (пск., твер., новг. – СРНГ 14, 314), имеет структуру уменьшительного производного на *-ьсь*. Соответствующие славянские образования не имеют отношения к анатомической терминологии: ср. болг. *коренец* ‘корешок’, с.-хорв. *korijènac*, словен. *korènc* то же, чеш. *kořenec* ‘пряник’ и др. (ЭССЯ 11, 65).

Название *корешок*, отмеченное в одном из поволжских говоров в значении ‘легкое, печень, сердце и горло убойных животных’ (сарат. – СРНГ 14, 328), представляет специфически русский тип деминутивов с суф. *-ок* от старых основ на *-теп* (ср. *ремень* – *ремешок*, *гребень* – *гребешок* и т.п.).

Интерпретация внутренней формы данных названий может быть следующей: как известно, ливер убойного животного вынимается целиком через

горло, так что внутренности остаются не отделенными друг от друга, вид их в какой-то мере напоминает разветвленный корень, а само движение – выдергивание растения с корнем. Такая ассоциация, основанная на внешнем признаке, может дополняться более глубоким сравнением метафорического характера: внутренние органы, подобно сокрытым от глаз корням растений, могут восприниматься как основа, корень жизни (ср. выше семантические отношения ‘жизнь’ > ‘то, что необходимо для жизни’ > ‘живот’).

К Н Е Я

Слово *кнёя*, известное псковским говорам, толкуется следующим образом: ‘часть внутренностей животных, подобная круглому пирогу’ (СРНГ 13, 343). На основной территории это слово не связано с обозначением внутренних органов и используется чаще всего как рыболовный термин: ср. *кнёя* ‘мотня невода’ (новг., пск., петерб., беломор., олон., арх., смол.), ‘рыбачья сеть’ (карел.), ‘мешок из сети для перевозки живой рыбы’ (пск. – СРНГ 13, 343). С той же семантикой оно отмечено в памятниках XVII в. (Кн. прих. – расх. Тихв., 1631г. – СлРЯ XI–XVII вв. 7, 195). В словаре Даля (II, 124) без указания ареала приводится другое значение: ‘отъемный лесок, лесной остров; охотничий гон или участок, захваченный облавою, сплошной кустарник, лесок’.

Примерно тот же круг значений характеризует славянские соответствия: ср. польск. *knieja* ‘большая рыболовная сеть, невод’; ‘участок леса или зарослей, отведенный для псовой охоты’; ‘лесное или ботаническое угодье’; словин. *kńeja* ‘кустарник, чаща’ и др. (ЭССЯ 13, 199). Употребление этого слова в значении ‘внутренности’ отмечено только в русских диалектах. В этимологической литературе слав. **кньеја* рассматривается как производное с суф. *-eja/-ěja* от корневого имени **кньь/ь*, продолжения которого сохраняются в западнославянских языках: польск. *kień* ‘пень, колода’, словин. *kno* ‘рукоять весла’ (ЭССЯ 13, 199; 205). Праслав. **кньь/ь* возводится к и.-е. **kū-*, семантика которого реконструируется как ‘разбухать’ (ЭССЯ, там же). Признак набухания, округлости отчетливо просматривается в производных значениях ‘большая сеть, мешок’, ‘пень, колода’, а также – в метафорическом ‘часть внутренностей, подобная *круглому пирогу*’.

П Л О Щ Е Н Н И К

Этим словом в ярославских говорах именуют вареный ливер – легкое, печень, сердце животного (Яросл. 10). Структура и семантика данного регио-

нализма совершенно прозрачны: оно произведено от *площеный* ‘сделанный плоским’, в свою очередь образованного от глагола *плóщить* ‘делать плоским’ (Даль III, 130; СлАкРосс 4, 1159). Название *плóщенник*, вероятнее всего, отражает особенность приготовления ливера, которому придается плоская форма. Соответствия в других языках нами не обнаружены.

П Р И Б О Р

В бассейне реки Урал отмечено слово *прибор* ‘голова, ноги и внутренности животного, убитого на мясо’ (Карт. СРНГ). По всей видимости, здесь мы имеем дело со специализацией слова *прибор* ‘общность вещей, собранных в одно целое’, ‘набор принадлежностей для чего-л.’ (ср. бытующее выражение *суповой набор*, подразумевающее набор костей, мяса и приправ для супа).

ИЗБОЙ, СБОЙ. ВЫПОРОК, ВЫПОРОТОК

Данные диалектные наименования с прозрачной внутренней формой сложились по модели ‘вычищать (выбивать, вырезать)’ > ‘то, что вычищается’ > ‘внутренности, потроха’.

Слово *избóй* с регулярным вокализмом *-о-* отглагольного имени в вологодских говорах приобретает значение ‘внутренности животного, негодные в пищу’ (СРНГ 12, 93-94, ср. казан. *избóйна* ‘отходы при молотьбе’). В мясном производстве известно образование с другим префиксом – *сбой* ‘голова и ноги убитой скотины’, реже ‘гусак с рубцом, все черева’ (Даль IV, 140).

Диал. *вы́порок* ‘ливер’ (СРНГ 5, 331), *вы́пороток* ‘внутренности животного, негодные в пищу’ (забайк. – Элиасов 84) сложились на базе глагола *вы́пороть* ‘выпотрошить’ (Даль I, 305).

К О К Ы Ш

Это этимологически трудное слово со значением ‘внутренности, потроха рыбы’ отмечено в районе Петербурга (СРНГ 14, 108). Фонетически близкие *кóкиши* и *кóкша* далеко отстоят от *кóкыши* в плане семантики. Первое – *кокиши* – характеризуется двумя значениями: ‘крайний суставчик птичьего крыла’ и ‘палка, распорка у бредня’ (симб. – Даль II, 134). Второе – *кокша* – обозначает в говорах ряд предметов (орудий) неровной, изогнутой формы: ср. новг. ‘крюк, поддерживающий потолок’, волог. ‘дерево, скрытое водою и замытое на дне реки...’; твер., калуж. ‘навозные вилы с двумя зубьями’, олон. ‘же-

лезный молот...’, ‘мотыга’ и др. (Даль II, 134; СРНГ 14, 108). На севере этим словом называют шелуху, отходы льняного семени (волог. *кокиа*), а также головки льна, отбитые от стебля и освобожденные от семени (арх., волог. *кóкиши* мн. – СРНГ 14, 108). Прояснить внутреннюю связь между *кокиа* ‘топор, мотыга’ и *кокиа* ‘шелуха’ позволяет сближение этого слова с глаголами *кóкишатъ* ‘долбить’ (арх.), ‘рубить, копать’ (олон.), *(у)коко́шить* ‘бить, колотить кулаками’, ‘убить’, *кóкишитъ* ‘бить, лупить’ (калин., волог., вят., перм., нижегор., тамб.), ‘взрыхлять (землю)’ (олон., новг., яросл., калин., КАССР), ‘стаскивать с телеги навоз специальными вилами – *кокией*’ (калин. – СРНГ 14, 108; Даль II, 134). В одних случаях *кокиа* – орудие, чем бьют, в других – объект, то, что бьют (головки льна) и, наконец, – то, что выбивается, остается (отходы, шелуха). Вероятно, здесь мы подошли к пониманию внутренней формы петерб. *кокыш*: как и некоторые другие названия внутренностей (особенно несъедобных), это слово могло сложиться по модели ‘бить, вычищать’ > ‘то, что вычищается’ > ‘внутренности, потроха’ (ср. *требуха*, *избой*, *выпорок*).

Направление поиска этимологических связей диал. *кокыш*, *кокиа* определяет предложенное Далем сближение этих слов с *кокóва* ‘резное украшение на коньке избы’, ‘деревянный молоток на долгом черене...’, ‘клюка’, ‘кочерга’ и т.п. (новг., твр.); *кокóрь*, *кокóра* ‘бревно или брус с корневищем, с коленом для судостроения’, ‘кокша на дне реки’ (Даль II, 134). Для этих образований восстанавливается исходная форма **kok-/ *koš-*, семантика которой определяется как ‘нечто изогнутое, выпуклое’: ср. с.-хорв. диал. *kôkorica* ‘завиток’, словен. *kokora* ‘завиток, локон’, болг. *кóчка* ‘кочка’, чеш. *koš* ‘большая гора в Татрах’ и т.п. (ЭССЯ 10, 106; 114). Рус. *кокыш* и связанное с ним *кокиа* образованы от этой основы с помощью экспрессивного суф. *-ушь/-ъща* привносящего, по всей видимости, пейоративный оттенок (ср. Sławski. Sł. prasl. I, 79).

КУКША

Слово *ку́кша* ‘рыбьи потроха’, ‘желудок налима’ (олон., карел. СРНГ 16, 49) объясняется Фасмером как заимствованное из фин. *kupsu* ‘рыбий пузырь’ (Фасмер II, 408). Действительно, в данном случае – учитывая ареал и формальное соответствие – нельзя исключать возможность заимствования. И все же, на наш взгляд, есть основания для иного этимологического решения. В словаре Фасмера рассматривается только олон. *кукша* ‘потроха’, в то время как данная лексема имеет в северных говорах ряд других значений: ‘шелуха,

скорлупа, кожура с орехов, злаков, плодов' (север.), 'шелуха конопляного или льняного семени' (арх., волог.), 'пальцы' (олон.). В других диалектах отмечаются значения 'рука без пальцев' (нижегор.) и 'железные вилы с загнутыми концами для стаскивания с телеги навоза' (калин. – СРНГ 16, 49-50). Выше рассматривалась возможность семантического перехода 'шелуха (то, что выбивается, выбрасывается)' > 'потроха' по отношению к слову *кокыш*. Можно предположить, что в основе *кукиша* 'потроха' – те же семантические отношения.

В ЭССЯ (13, 92) *кукиша* 'кулья, пальцы' включено в одну статью с семантически близким *кукса* 'кулья, кулак; удар кулаком' и др. < **kukosa* и рассматривается как производное с суф. *-osa* от основы **kuk-* 'нечто выпуклое, изогнутое', ср. болг. *кѹка* 'крюк', макед. *кука* то же, с.-хорв. *кѹка* 'крюк, кочерга', 'изгиб, поворот', русск. *кука* 'кулак, кулья', 'деревянный молот на длинной рукоятке' (пск.) (ЭССЯ 13, 87). Слав. **kuka* родственно лит. *kaĩkas* 'шишка', вместе с которым восходит к и.-е. **keu-k-*, **kou-k-* 'изгибать, искривлять; загнутое' (ЭССЯ, там же). В некоторых славянских языках, в том числе в русском, отмечаются глаголы с той же основой: ср. русск. диал. *кѹкать* 'бить, колотить кого-л.' (пск., твер., яросл.), с.-хорв. диал. *кѹкати* 'затыкать, забивать', 'кастрировать, оскоплять'; 'ковырять в зубах' < **kukati* (ЭССЯ 13, 89); русск. диал. *кѹкишить* 'бить кулаками' (пск., твер.), 'долбить' (карел. – СРНГ 16, 50); блр. *куксіць* 'бить кулаками', польск. *kuksać* 'биться на кулачки' < **kuksiiti* (ЭССЯ 13, 92). В свете этих данных можно предполагать, что русск. диал. *кукиша* 'потроха' – исконное образование, в основе которого лежит следующая модель семантического развития: 'нечто выпуклое, изогнутое' > 'орудие изогнутой формы'; 'кулак' > 'бить, колотить' > 'то, что выбивается (шелуха, отходы)' > 'потроха' (ср. выше *кокыш*, а также *избой*, *выпорок*).

ВОХАТ (Ь)

Этимологически темным словом признается пск. *вóхат(ь)* 'внутренности коровы, птицы' (СРНГ 5, 165). Учитывая ареал этого диалектизма, можно было бы предположить в нем финно-угорские заимствование, однако, на наш взгляд, здесь скорее следует говорить о сильном фонетическом преобразовании – с протетическим *в-* (ср. диал. *вóрган* 'орган') и следами "аканья" – старого русского названия кишечника *óход* (Даль II, 773) ← **xod-* (ср. пол. *odchód* 'прямая кишка', ср. также семантически близкие пол. *okrażnica*, *przewód* 'кишечник' – Warsz. III, 575, 749; V, 241). Это один из тех случаев,

когда фиксация в диалектных словарях сугубо фонетической записи слова, отражающей особенности местного говора, становится основной причиной трудностей при изучении формальных и семантических связей регионально-го наименования.

* * *

Итак, данная лексическая группа, как и предыдущая, представлена названиями разной хронологической глубины. Наиболее древние термины с обобщающим значением ‘внутренности’ восходят к праславянской основе **qtr-/*ętr-*, семантика которой восстанавливается как ‘внутреннее, внутренности, утроба’ (*утроба, утрянник, нутро, внутренности, ятра*). Праславянским (и общеславянским) анатомическим термином является **terbuxь/*tǫrbuxь*, на большей части славянской территории известный как обозначение живота. Значение ‘внутренности, требуха’ это слово развивает лишь в восточнославянских языках. Распространение древнего *кчень* < **kъsenь* ограничено севернославянской территорией (польск. *ksieniec*, чеш. *kšenec*, полаб. *t’ësin* и др.). Старое название ливера *осердьє* < **serd-/*sǫrd-* имеет ‘анатомические’ соответствия в польском (*osierdzie*) и чешском (*osrdi*) языках. Русско-польскую изолексу образует *потрох(a)* < **trox-* (польск. *patrochy*) – основное для русского языка название внутренностей животных. Остальные наименования сложились на русской почве в результате переосмысления ряда древних основ, т.е. представляют собой собственно русские семантические новообразования.

Наиболее характерными для изучаемой группы можно признать следующие семантические модели:

- 1) ‘живот, утроба’ > ‘внутренности’: *брюха, животы, черева* и др.;
- 2) ‘то, что вычищается, отходы’ > ‘внутренности’: *требуха, избой, выпорок* и др.;
- 3) ‘мелкие предметы, мелочь’ > ‘(мелкие) внутренности’: *потроха, надробки, мелузь*;
- 4) метафорическое переосмысление названий, основанное на внешнем признаке, ср. *зусак, корешок, кнея*.

Заемствованные названия немногочисленны. Из германских языков пришло слово *ливер*, диал. *лэвер* (СРНГ 16, 307), ср. нж.-нем., нидерл. *lever*, англ. *liver* ‘печень’ (Фасмер II, 493); из финского – *максá* ‘потроха, печень рыбы’ < фин. *maksa* ‘печень’. Диал. *кабаргá* ‘внутренности животного, потроха’ (ворон. – СРНГ 12, 282), по всей вероятности, является переосмысленным тюркизмом, ср. тур. *kaburğa* ‘ребро’, туркм. *γарурγа* то же (Фасмер II, 149).

Другой тюркизм – забайк. *бурдюк* ‘внутренности животного’ (Элиасов 70) < *бурдюк* ‘кожаный мешок’ < азерб. *burduk* ‘мех для вина’ (Фасмер I, 244).

Диал. *рахманки* ‘съедобные внутренние части рыбы (печень, икра, молоки и пр.)’, ‘несъедобные внутренние у рыбы’ (Донск. 3, 89), по-видимому, происходит от прилагательного *рахманный* ‘пышный, красивый, полный’, ‘расхожий’, ‘плохой’ (Донск., там же), которое предположительно связано с греч. *βράχμανοι* ‘брахманы’ (Фасмер III, 449).

3. Наименования желудка

Как известно, желудок – основной орган пищеварительной системы позвоночных, в нем под воздействием ферментов осуществляется механическая и химическая обработка пищи. Строение и форма желудка у разных биологических видов неодинаковы. Человек, а также большая часть млекопитающих имеют простой однокамерный желудок. Более сложным строением отличается желудок парнокопытных (жвачных), состоящий из 3–4 отделов¹⁰⁸.

О пищеварительной функции желудка было известно издревле. Согласно античным представлениям, пищеварительные органы и, в частности, желудок выполняют не только физиологическую, но и некоторую психическую функцию, непосредственно влияя на общее душевное состояние человека. Желудок, как и некоторые другие органы (печень, селезенка), считался “вместилищем” гнева, раздражительности, ср. лат. *stomachari* ‘гневаться, сердиться’ < *stomachus* ‘желудок’. Подобные представления были унаследованы другими народами, в том числе славянами: ср. англ. *stomach* ‘желудок, живот’, уст. ‘злость, гнев’, ‘обижаться, оскорбляться’, польск. разг. *żółdkować się* ‘гневаться, раздражаться’ < *żółdek* ‘желудок’ (вероятно, латинская калька). В русской народной речи проявления гнева, злости обычно соотносятся с другим внутренним органом – печенью (ср. ниже). Однако и в русской фразеологии можно проследить некоторую связь между состоянием пищеварения и состоянием души, настроением человека: ср. *Живот крепче, на сердце легче* (Даль I, 540); разг. *Не переваривать кого-л., что-л.* ‘не любить кого-л., что-л.’, ‘раздражаться при виде кого-л.’.

Желудки животных, как и другие внутренности, издавна использовались в хозяйстве. Из них делали торбы и кошельки. Кусочки сушеного желудка применяли в качестве закваски для створаживания молока¹⁰⁹. Говяжьих рубцы и сычуги варили, начиняли, в них засаливали сало. Деликатесом считался начиненный свиной желудок, его подавали в Рождество, на Новый год и в другие праздники.

В результате изучения словарей и других источников нами получен список, содержащий около 90 лексем, связанных с обозначением желудка у человека и животных. В материале могут быть выделены следующие подгруппы:

¹⁰⁸ Подробное описание строения и физиологии желудка животных см.: А. И. Акаевский и др. *Анатомия домашних животных*. М., 1968.

¹⁰⁹ Приведем одно из описаний процесса приготовления закваски: “...из убитого пятидневного ягненка вынимается желудок, в котором молоко осело в виде творога; желудок вымывают... распяливают и высушивают на солнце; когда нужно делать сыр, желудочек снимают и кладут его в самое парное овечье молоко, которое через четверть часа сгустеет; тогда его кипятят и отдавливают под гнетом в холщевом мешочке” (СРНГ 6, 226).

1. Общие наименования желудка (человека и животных);
2. Наименования желудка у животных;
3. Наименования отделов желудка у жвачных (парнокопытных);
4. Кулинарные наименования.

Следует отметить, что границы выделенных групп размыты, в некоторых случаях трудно однозначно определить принадлежность лексемы к тому или иному ряду (ср. ниже *брюшина*, *кутырь* и др.).

ОБЩИЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЖЕЛУДКА (ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНЫХ)

Барабán (Даль I, 46); *брюшина*, *брюшинка* (волог., арх. – СРНГ 3, 225, 226); *ёдер* (казан. – СРНГ 8, 319); *желудок*, др.-рус. *желудь*, *жолудь* (СлРЯ XI–XVII вв. 5, 86), диал. *желуток* (волог. – СРНГ 9, 120), *ожелудок* (двин. – СРНГ 23, 75); *животы́* мн. (Даль I, 539); *кавбу́х*, *кавбу́шина*, *кавбушо́к* (брян. – СРНГ 12, 291); *кезюк*, *кизюк* (пск., твер. – СРНГ 13, 176, 202); *кижма́*, *кижмо́* (нижегор. – СРНГ 13, 202); *курсáк* (груз., арм., урал., куйб., орл. – СРНГ 16, 144); *куты́рь*, *куты́рик* (курск., орл. – СРНГ 16, 176–177); *лу́нье* (смол. – СРНГ 17, 197); др.-рус., диал. *мамóн*, *мамóна* (Срезн. II, 109; СРНГ 17, 351); *марá* (олон. – СРНГ 17, 367); *меч* (волог. – СРНГ 18, 145); *óход* (сев., вост. – Даль II, 773); *пéндюх*, *пéнтюх* (твер., ряз. – Даль III, 29); *пестерь* (Пастернак); *пíтер* (вят. – Карт. СРНГ); *сёрце* (сиб. – Макаренка 69), *сёрче* (новг. – Герасимов 160); др.-рус. *сы́рище*, *сы́рище* (Срезн. III, 875); устар. *сто́мах* (БАС 14, 941); *требу́х*, *трябу́х* (брян., прибалт. – Карт. СРНГ); *утрóба* (Срезн. III, 1315), диал. *у́троб*, *у́труб* (урал.), *утрёба* (калуж. – Карт. СРНГ); *чемодáн* (Даль IV, 589); *черéво* (брян., тул.), *черéвья* (арх. – Карт. СРНГ), рус.-цслав. *чрѣвце*, *чревесцѣ* (Поликарпов); *ятреб* (орл.), *ятрёба*, *ятрёба* (калуж. – Карт. СРНГ).

НАИМЕНОВАНИЯ ЖЕЛУДКА У ЖИВОТНЫХ

Брюхо́вица (симб.), *брюшина* (арх., иркут. – СРНГ 3, 225–227); *жарóнки* (пск.), *жерный* (калуж.), *жёрня* (пск.), *жерёнки* (твер.), *жерóнки* (моск.) ‘желудок птицы’ (СРНГ 9, 84, 141); *кэндюк* ‘свиной желудок’ (курск., влад. – СРНГ 13, 181); *куты́рь* ‘желудок животного, птицы’ (дон., брян.), ‘желудок и кишки рыбы’ (касп.), ‘куриный пупок’ (брян. – СРНГ 16, 176–177); *ланту́х* ‘желудок у коровы’ (брян. – СРНГ 16, 256–257); *пáюс* ‘желудок птицы’ (мурман. – Карт. СРНГ); *пищевíк* ‘желудок животных’ (Даль III, 117); *почечу́й* ‘желудок медведя’ (краснояр.), *почуцуй* ‘желудок свиньи’ (моск. – Карт.

СРНГ); *пупок* ‘желудок птицы’; *тамák* ‘рыбий желудок’ (урал. – Даль IV, 389); *требух* ‘желудок животного’ (пск.), ‘желудок коровы’ (брян.), *требуха* то же (арх. – Карт. СРНГ).

НАИМЕНОВАНИЯ ОТДЕЛОВ ЖЕЛУДКА У ЖВАЧНЫХ

‘1-й (большой) желудок’: *брюховина* (Даль I, 531); *брюшина* (твер., тамб.), *брюшно* (пск.), *брюхоша* (новг.), *брушина* (якут. – СРНГ 3, 212, 226, 227); *ветрюх* (пск. – Даль I, 188); *кутырь* (Даль II, 228); *литонья* (яросл. – СРНГ 17, 73); *роговушка* (Даль IV, 100); *рубёц*; *требух*, *требушина*, *требушник* (пск. – Карт. СРНГ; Даль IV, 427).

‘2-й желудок’: *книга* (пск., твер., орл., новосиб. – СРНГ 13, 343); *летушка* (твер. – СРНГ 17, 26); *рукáв* (Даль I, 531); *сётка*.

‘3-й желудок’: *книга*, *книжка*; *книжник* (новосиб. – СРНГ 13, 344); *листанья* (БСЭ 21, 474); *листовик* (Даль II, 255); *литóка* (арх.), *литómия* (орл.), *литонья*, *литóшка* (СРНГ 17, 73–74; Даль II, 256); *переберуха* (Даль III, 125); *псалтырец* (Даль II, 225);

‘4-й желудок’: *кандюк* (зап. – СРНГ 13, 40), *кэндюк* (курск.), *кэндюх* (рост., терск. – СРНГ 13, 181); *подбрюшина* (Гоголь 32); *роговушка* (твер. – Даль IV, 100); *сычу́г*.

КУЛИНАРНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ

Бог ‘начиненный свиной желудок’ (Донск. 1, 32); *васюк* то же (калуж. – СРНГ 4, 67); *гляк*, *гьяканка* ‘сушеный овечий желудок для приготовления сыра’ (южн. – СРНГ 6, 231); *жарёнка*, *жáренка* ‘куриные пупки как пища’ (великолук. – СРНГ 9, 76; 84); *кандюк* ‘отваренный свиной желудок’ (твер., ряз., курок., ворон., поволж.), *киндюк* то же (зап. – СРНГ 13, 40; 181); *кёзевó* ‘отваренный свиной желудок’ (вост., нижегор. – СРНГ 13, 175); *корсу́к* ‘желудок, в котором засаливают сало’ (брян. – СРНГ 14, 373); *ня́нька* ‘начиненный свиной желудок’ (тул. – СРНГ 21, 332); *пэндюх* то же (твер., зап. – Даль III, 29).

ЖЕЛУДОК

Данное слово, являющееся основным общерусским термином для обозначения желудка, отмечается уже в древнейших памятниках: *Въ чрѣвѣ кытовѣ въ самомъ желудцѣ* (Злат. XII в. – Срезн. I, 849); *От многояденья ражається отокъ желудку* (Пч. XIV–XV вв. ~XIII в. – СлРЯ XI–XVII вв. 5, 86).

Описание внешнего вида, а также физиологической функции желудка (разумеется, в общих чертах) находим в “Словаре Академии Российской”: ...*в телах животных то внутреннее вместилище... наподобие мешка, в которое проходит пища через пищеводную трубку и в оном варится, т.е. превращается в питательные соки* (СлАкрОсс II, 414, 1807 г.). В БАС (4, 69) для этого слова приводится ряд производных значений: ‘кушанье, приготовленное из желудка какого-л. животного’; перен. ‘о физиологических потребностях человека’ (*Человек, конечно, властелин земли, но он также и раб своего желудка.* – Гончаров. *Обыкн. история*); устар. ‘поверхность тела около груди’ (видимо, в области желудка – В. У.), например, в выражении *сложить руки на желудке*.

Диалектам известно еще одно “анатомическое” значение – ‘птичьи потроха’ (вят. *желудки* – СРНГ 9, 119), а также – метафорическое *желудок* ‘едок’ (Прибайк. 1, 115). В некоторых регионах это слово используют для обозначения хозяйственных устройств, напоминающих своей формой желудок, например, для обозначения ледника в погребе и т.п. (костр. – Даль I, 531; СРНГ 9, 119). В основном значении ‘желудок’ отмечены варианты *ожелудок* (сев.-двин. – СРНГ 23, 75) с протетическим *о-* и *желуток* (волог. – СРНГ 9, 120) с оглушением *-д-*, вероятно, под влиянием слова *желток* (ср. пск. *желудок* ‘яичный желток’ – там же).

Русское слово вместе со славянскими соответствиями – ст.-слав. *желждькъ*, болг. диал. *желждьк*, с.-хорв. *желудац*, чеш. *žaludek*, польск. *żółdek* (Фасмер II, 44), ст.-укр. *жалудок* (Преображ. I, 227), ст.-блр. *жолудок*, *желудок* (Сл. Скорины I, 186) – продолжает праслав. **želodькъ*. В современных белорусском и украинском языках это слово вытеснено из употребления, его функции выполняют слова *страўник* и *илунок* (соответственно). В болгарском общепринятым термином стало заимствованное из греческого *стомах*.

Общепринятой этимологии слав. **želodькъ* не имеет. Брюкнер (Brückner 665) возводит это слово к слав. **želodь* ‘желудь’, основываясь на высказывании Потоцкого *bo i żółdek od niej (żółdzi) nazwany podobno* (Potocki XV в.). Этой же точки зрения придерживается Зубатый, относящий **želodь* и **želodькъ* к этимологическому гнезду праслав. **žely* ‘вздутие, опухоль’ (ст.-слав. *желы*, словен. *želva*, рус. *желвь* и др.)¹¹⁰. Против сближения слав. **želodькъ* с **želodь* возражает Мейе, указывая на интонационные различия между этими словами: слабое, безударное *-o-* в **želodь* (с.-хорв. *žělūd*, рус.

¹¹⁰ J. Zubatý. *Slavische Etymologien.* / AfsIPh, XVI, 1894, 424.

жёлудь) и сильное в **želodьkь* (с.-хорв. **želudac*, рус. *желудок*)¹¹¹. Покорный (Роконь 435) сближает слав. **želodьkь* с греч. *χολάδες, χόλικες* ‘внутренности, кишки’ < и.-е. **ghel-/ *ghol-* ‘желудок, живот, кишки’, а Махек (Machek² 590) – с лит. *skilāndis* ‘копченый свиной желудок’. Наконец Голуб (Holub 356) сопоставляет **želodьkь* со словами **gьlati* ‘глотать, поглощать’, **goldь* ‘голод’ < и.-е. **ghel-* ‘пожирать’¹¹².

Нам представляется наиболее убедительной первая точка зрения, согласно которой слав. **želodьkь* следует рассматривать как суффиксальное образование с *-ьkь* от **želodь*. Такое понимание внутренней формы подтверждается, в частности, фактами употребления самого слова *желудь* в значении ‘желудок’: ср. др.-рус. *желудь, жолудь* в этом значении (*Голова и сало, и ноги, и жолудь, и кишки... в осень и в зиму пригодитца*. Дм.К., XVI–XVII вв. – СлРЯ XI–XVII вв. 5, 86), с.-хорв. *жёлūd, жёлуд* ‘желудок’ (Речник V, 335), болг. диал. *жёлуд* ‘птичий желудок’ (БЕР 1, 534). Конечно, во всех этих случаях нельзя исключить возможность позднего усечения и переосмысления основы – именно так трактуется польск. *żeląd* ‘желудок’ в ‘Варшавском словаре’ (Warsz. VIII, 714). И все же приведенные примеры, на наш взгляд, заслуживают внимания. Болг. диал. *жълѣдник* с суф. *-н-ик* ‘желудок птицы’ (БЕР 1, 534) может рассматриваться как словообразовательный вариант к *желудьkь* ‘желудок животного, птицы’ (там же) и, следовательно, как еще один аргумент в пользу генетического тождества **želodь* и **želodьkь*.

Славский выделяет в слав. **želodь* суф. *-od-* (Sławski – Sł. prasł. 1, 63–64). Известная болгарским диалектам форма *жел* ‘желудь’ (БЕР 1, 532) представляет основу в простом, бессуффиксальном виде. Эти данные поддерживают предположение Зубатого об этимологическом родстве **želodь* и **žely* ‘вздутие, опухоль’ (ср. выше). Таким образом, можно думать, что в основе мотивации слав. **želodьkь* лежит признак утолщения, набухания, возможно, внешнее сходство с желудком: первоначально это слово могло относиться к желудку мелких животных и птиц, действительно напоминающему по форме желудь.

СЫРИЦЕ

Займствованное из цслав. *сырице* ‘Magen, stomachus’ (SJS 41, 372), данное слово оставалось принадлежностью исключительно литературного языка:

¹¹¹ А. Meillet. *Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave*. Paris, 1902–1905, с. 322.

¹¹² Обзор этимологической литературы, посвященной слову **želodьkь* см. также: Преображ. 1, 227; Фасмер II, 44.

по нашим данным, в русских говорах оно не зафиксировано. В “Материалах” Срезневского (III, 875) формы *сырище*, *сирище*, *сыриште* ‘желудок’ иллюстрируются примерами из памятников XI–XVI вв.: ср. *Острим же... сыриштѣмъ же болаштимъ и чрѣвъмъ цѣлительъ юсть* (Изб. 1073 г.); *Сырища своего ради и чѣстныхъ недугъ* (*διὰ τὸν δτόμαχον*; Злат. Ант. XVI в.). Материалы Картотеки СлРЯ XI–XVII вв. позволяют думать, что в XVII–XVIII вв. данное слово функционировало также в значении ‘то, что переваривает пищу в желудке (т.е. кислота или желудочный сок)’: ср. *Аще будетъ в желудке сырище умножилось... то бобковъ толчи четверть гривенки а опрятику четыре а меду пресного полтары гривенки и все вместе варитъ легко и ясти на тоще сердце* (как наименование самого желудка в двнном случае выступает слово *сердце* – Леч.2, к.XVII–н.XVIII вв.). Г. Дьяченко в “Полном церковнославянском словаре” (1899 г.) дает следующую справку: *Слово это, в древних рукописях часто заменяющее стомахъ, собственно значит то, от чего свертывается молоко, славяне же употребляли для этого телячьи желудка*¹¹³. Такое толкование объясняет значение слова *сырище* в приведенном выше отрывке из лечебника и подтверждается данными других славянских языков: ср. болг. *сѣрище* ‘сычуг, сычужина (закваска)’, с.-хорв. *сѣриште* то же, *сѣришнѣ сок* ‘желудочный сок’, макед. *сѣриште* ‘часть желудка ягненка, используемая как закваска’, словен. *siriščnik* ‘сычуг’, чеш. *syříště* ‘сычуг, закваска’, польск. *serzysko*, *syrzysko* ‘закваска’, ‘молоко, скисшее в желудке молодого животного’.

Слав. **syrišče* связано с **syrь*, **syriti* ‘делать кислым, квасить, творожить’: ср. с.-хорв. *сѣриштити* ‘створаживать’, макед. *сѣросѣ се* ‘густеть, сворачиваться (о молоке, крови), чеш. *syřiti* ‘квасить молоко для сыра’, польск. *serzyć* ‘превращать в сыр’. Таким образом, семантическое развитие слова **syrišče* шло в направлении ‘то, что квасит, творожит’ > ‘желудочный сок’ > ‘желудок (сычуг)’. Тот же семантический переход – в основе диал. *гляк* ‘сушеный овечий желудок, используемый для приготовления овечьего сыра’ (южн. – СРНГ 6, 231), заимствованного через укр. *кляг*, *гляг* ‘сыворотная закваска’ из рум. **cl’ag* ‘закваска’ (Фасмер 1, 418)¹¹⁴.

¹¹³ В качестве свертывающего фермента употребляются желудки разных животных: телят, ягнят, козлят и даже зайчьи, ср. польск. *serzysko zajęcze* (Warsz. VI, 76).

¹¹⁴ О географии слова и его семантике см. Г. П. Клепикова. *Славянская пастушечья терминология*. М., 1974, с. 150–156.

ЛИТОНЬЯ

По нашим данным, это слово впервые отмечено в словаре Нордстета (1, 332; 1780 г.), где оно толкуется как *die fitten Gedarme im Rindvieh, les tripes ou tripaillies du gros be'tail*, т.е. 'рубец или требуха (кишки) крупного рогатого скота'. В значении 'второй желудок у жвачных животных' **литонья** приведено в СлАкрРосс (3, 571) с пометой "простонародное". Даль (II, 256) дает это слово без локальных помет в ряду синонимов со значением 'третий желудок у жвачных': **литонья**, **книжка**, **перебериха**, **листовик**. Диалектный материал с учетом суффиксальных вариантов позволяет расширить семантический спектр рус. **литонья**: ср. костр. **литонья** 'брюхо', сев.-двин. **литоба** на **-ох(а)** 'большое брюхо', 'обжора', пенз. **литобски** мн. 'не употребляемые в пищу части требухи и мяса' (СРНГ 17, 73–74). Однако на большей части территории слово **литонья** и его варианты обозначают один из желудков жвачных, таковы моск. **литонья** '3-й желудок', яросл. **литонья** '1-й желудок', орл. **литомия** (с заменой **-н-** на **-м-**) 'книга, 2-й желудок'; с другим суффиксальным оформлением – арх. **литоба** '3-й желудок жвачных', сиб. **литобшка** 'малый желудок жвачных' (СРНГ 17, 73–74). Твер. **летушка** '2-й желудок жвачных' (СРНГ 17, 26) следует, видимо, рассматривать как вариант с преобразованием гласных основы: переход корневого **-и-** в **-е-** мог произойти в результате "еканья" в первом предупредном слоге перед твердым согласным.

В словарях современного литературного языка слово **литонья** отсутствует, однако в "Словаре терминов мясной промышленности" (СТМП 54) форма **летобшка** приводится как синоним термина **книжка** '3-й желудок у жвачных'.

Русское слово, не имеющее точных соответствий в других славянских языках, в этимологической литературе рассматривается как производное от слав. ***elito** 'кишка, внутренности': ср. с.-хорв. **jelito** 'колбаса', диал. **olito** 'кишка, колбаса', польск. **jelito** 'кишка, в.-луж. **jelito** то же, н.-луж. **jelito** 'потроха, кишки', словин. **àlèta** 'конечности и внутренности, потроха' (Фасмер II, 503; ЭССЯ 6, 21). В семантическом плане наиболее близки русскому слову словц. **jelito** 'желудок', н.-луж. **jèlito** 'желудочная колбаса' (ЭССЯ 6, 21). На индоевропейском уровне наиболее вероятно родство слав. ***elito** с др.-прусск. **luitian** 'колбаса', а также с нем. **Aal** 'угорь', др.-инд. **āli** – 'полоса, линия' < и.-е. ***ēlō-** 'лента, полоса'. Славянское слово может рассматриваться в таком случае как образование на **-ito** от основы ***el-**. У рус. **литонья**, продолжающего слав. ***elito** в сильно преобразованном виде, значение 'желудок' сложилось на базе более древнего 'кишки, внутренности, потроха'.

ПУПОК

В современном литературном языке слово *пупок* выступает в следующих значениях: 1. Круглый рубец на середине живота, оставшийся на месте отпадения пуповины; 2. Задний толстостенный мышечный отдел птичьего желудка, вообще птичий желудок (*гусиные пупки*); 3. Тонкая, жирная срединная часть рыбьего брюшка (*пупок осетровый*); 4. Шкура с середины брюха зверя, имеющая особенную мягкость (БАС 11, 1690–1691). Как обозначение срединной части шкурки или брюшка рыбы это слово широко представлено в памятниках XVI–XVII вв. (*пупькъ* – Срезн. II, 1726; Карт. СлРЯ XI–XVII вв.). С семантикой ‘птичий желудок’ оно отмечено в СлАкРосс (V, 726), позже в “Опыте” Бурнашева (II, 175).

Диалектам слово *пупок* известно в нескольких “анатомических” значениях: ‘пуп’, ‘птичий желудок’ (повсеместно), ‘желудок рыбы’ (азов.), а также – ‘половой член ребенка’ (пск., твер. – Карт. СРНГ).

Рус. *пупок* – производное с суфф. *-ькъ > -ок* от слова *пуп*, имеющего в древнерусском языке значения ‘umbilicus’ и ‘почка, нераспустившийся цветок’ (*пъль, пупь* – Срезн. II, 1725). Последнее значение отражено в некоторых диалектных образованиях: ср. *опупок* ‘завязь плода’ (Донск. 2, 205), *пупулёк, пупушók* ‘бутон’ (каз.-некрас. – Карт. СРНГ). С другой семантикой словарями фиксируются производные *пупочка* ‘небольшая шишечка, выпуклость, вырост’ (БАС 11, 1691), *пупыр* ‘прыщ, пузырь’ (СлАкРосс V, 762), диал. *пупом* ‘выпукло’ (тамб. – Карт. СРНГ) и т.п. Все слова объединяет общий семантический элемент ‘нечто выпуклое, набухшее’. Та же семантика характеризует славянские соответствия: укр. *пуп* ‘почка’, болг. *пъп* то же, с.-хорв. *пъп* ‘почка’, *пупак* ‘пуп’, макед. *пъмп* ‘почка’, чеш. *pirek* то же, польск. *pepek* ‘пуп’, н.-луж. *pip* ‘пуп, почка, бугор’, полаб. *pop* ‘пуп, бугорок’ (Фасмер III, 407). Исходная основа **popъ* родственна лит. *paĩpti* ‘разбухать’, *piĩpuras* ‘почка’, лтш. *paĩpt* ‘набухать, надуваться’, *peĩpis* ‘толстяк’ (Фасмер, там же). В этимологической литературе допускается вариантность основ **pop-* и **bop-*¹¹⁵. Последнюю характеризует примерно тот же круг значений, в том числе – ‘пуп’ и ‘желудок’: ср. укр. диал. *буба* ‘зерно гороха, боба’, ‘болячка’, болг. *буба* ‘букашка’, с.-хорв. *бубац* ‘желудок у птиц и животных’, а также родственное лит. *bamba* ‘пупок’ (Фасмер III, 407; ЭССЯ 2, 229–230; Речник II, 232). Таким образом, рус. *пупок* ‘желудок’ мотивировано приз-

¹¹⁵ См. И. Поповић. *О словенским коренима *bop- и *pop- и неким ныховим дериватима.* / ЈФ XIX, 1951–1952, с. 162–163.

наком набухания, утолщения. Возможно, что в основе данного наименования лежит сравнение с почкой, бутонем (ср. *желудок*).

ЖЕРНЫ, ЖЕРЁНКИ, ЖЕРНОВКИ

Лексема *жерны* и ее производные, известные как обозначение жерновов (СлРЯ XI–XVII вв. 5, 93; СРНГ 9, 141–143), в западных и центральных говорах приобретают значение ‘желудок птицы’: калуж. *жёрны*, пск. *жерня*, твер., смол., моск. *жерёнки* с суф, *-к-*, новг., костр. *жернёвки* с *-ов-к-* (СРНГ 9, 141–143). В отдельных диалектах формы *жерёнки*, *жеронки* отмечены с семантикой ‘известковые кружки, находящиеся у рака рядом с желудком’ (пск., смол. – там же). СлАкРосс (II, 425) приводит в этом значении другой словообразовательный вариант – *жерновки*.

“Анатомическое” значение отмечено в блр. *жаронцы*, *жаронки* ‘птичий желудок’ (БЭС 3, 215), болг. *жерка* < **žьгнѣка* то же (БЕР 1, 537). Исходная форма **žьгнѣ* с основным значением ‘мельница, жернов’ (ср. ст.-слав *жеръны* ‘жернов’, с.-хорв. *жръаь* ‘ручная мельница’, чеш. *žerna* то же, блр. *жорны* то же и др. – Фасмер II, 49) принадлежит к основам на *-ŷ*¹¹⁶ и имеет точные индоевропейские соответствия: лит. *gìrna* ‘жернов’, лтш. *džir̃nus* ‘мельница’, д.-в.-н. *kuerna* ‘жернов, ручная мельница’ и др. (Фасмер, там же). Значение ‘желудок’ основано на сравнении с жерновами, как бы перемалывающими пищу. Истоки такого семантического развития, по-видимому, сложились еще в праславянскую эпоху, но реализовались лишь в отдельных славянских диалектах (ср. болг. *воденица* ‘мельница’ и ‘желудок птицы’).

ПИТЕР. ЕДЕР

В некоторых диалектах в значении ‘желудок’ выступают два слова с исходом на *-ер* – *пiтeр* и *eдeр* (вят., казан.), известные прежде всего как обозначения питья и еды: ср. арх. *пiтeрa* ‘питье’ (Даль III, 116), ст.-рус. *ѣдeрa* ‘еда, пища’ (*Велели отпустить... в Шелохову Кабарду... купить на eдeрy, что не стало у них хлеба*. Посол. Толчан., 1652 г. – СлРЯ XI–XVII вв. 5, 16), волог. *eдeрa*, арх., перм. *eдeрo*, олон. *и́дeр* то же (СРНГ 8, 319–320; 12, 76; Карт. СРНГ). Для лексемы *пiтeрa* в диалектах отмечены еще два значения, мотивированные основной семантикой – ‘жажда’ (нижегор.) и ‘обжора’ (курск. – Карт.

¹¹⁶ С.Б. Бернштейн. *Очерк сравнительной грамматики славянских языков*. М., 1974, с. 224–225.

СРНГ). В северном фольклоре бытуют устойчивые сочетания *питеp* – *едер*, *питеp* – *идер*, *питеp* и *ядер* ‘питье и яства’ (Карт. СРНГ). В Картотеке СЛРЯ XI–XVII вв. приводится отрывок из былины, записанной в к. XVII в.: *Мал час пойдойдучи, приѣхали ис поля добрые молодцы его удалые, привезли питеpы и ѣдеры всякие* (Две был., к. XVII–XVIII вв).

Рус. *едер(а)* < **ēd(e)r-*, имеющее точные индоевропейские соответствия, представляет собой архаичное производное с суфф. *-r-* от и.-е. основы **ēd-* ‘есть’: ср. др.-греч. *εἶδαp* ‘еда, корм’, хетт. *etri-* (*edri-* ‘кушанье, еда’, лувийск. *adri-* то же, лит. *ėdrà* ‘корм, еда’¹¹⁷). Семантическое развитие ‘еда’ > ‘тот, кто ест; обжора’ (ср. лит. *ėdrūs* ‘прожорливый, ненасытный’) > ‘желудок’ реализуется только в русских диалектах.

Рус. *питеp* не имеет соответствий в других языках. Вероятно, это позднее образование от глагола *питеь*, сложившееся на русской почве как рифма к *едер* (*идер*) и претерпевшее подобное развитие семантики (ср. выше диал. *питеp* ‘жажда, обжора’).

КАВБУХ

В брянских говорах зафиксировано *кавбух* ‘желудок у человека и животных’ и его производные – *кавбушина* ‘большой желудок’, *кавбушок* ‘небольшой желудок’: *У коровы кавбушина во-он яка! А у коня кавбушок совсем малый.* (СРНГ 12, 291). В другом ‘анатомическом’ значении – ‘кишки, внутренности’ – в говорах отмечены варианты *кельбухи*, *келобухи* мн. (Донск. 2, 56). С иной семантикой диалектам известны *колáбух*, *кулáбух* ‘пресная лепешка’ (ворон. – Путинцев, ЖСт XV, 1906, 1, 116), *колáбушки* ‘небольшие сдобные булочки’, *колбушка* ‘бревно, из которого выдалбливают лодку’ (Донск. 2, 67), *калáбуха* ‘толстый человек’ (Доп. к Опыту 76).

Рус. диал. *кавбух* ‘желудок’ имеет точные соответствия в диалектах белорусского и украинского языков: блр. *каўбух* ‘желудок у скотины’, ‘желудок, начиненный мясом’; с другим суффиксальным оформлением – блр. *коўбык* ‘желудок животного’, ‘начиненный желудок’, укр. *кóвбик* то же (ЭССЯ 13, 182). В этом же значении в белорусских и украинских говорах отмечены корневые имена: блр. *коўб*, *коўп*, *ковб*, укр. *ковб* (там же), что позволяет рассматривать изучаемое слово как производное с суфф. *-ух-* (ср. *требух*) от многозначного слав. **kylbъ* ‘узел’, ‘бугорок’, ‘обрубок’ и др. Слав. **kylbuxъ* родс-

¹¹⁷ R.Eckert. *Spuren des r-Stammes von der Wurzel *ēd- ‘eesen’ im Slavischen.* (ZfS, XIX, 1974, 491; Р.Эккерт. *По поводу некоторых производных от корня *ēd- ‘есть’ в балтийских и славянских языках.* / Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980, с.72–73.

твенно глаголу **kьlbati*, для которого восстанавливается семантика ‘мять’, ‘долбить’, ‘набивать’ (напр., желудок или колбасу, ср. **kьlbasa* – ЭССЯ 13, 178–183)¹¹⁸. Значение ‘желудок’ данная основа развивает только на восточнославянской почве. Таким образом, **kьlbuxь* ‘желудок’ следует признать восточнославянским диалектизмом. Исходную семантику можно определить как ‘нечто набитое’ > ‘утолщенное, выпуклое’.

КУТЫРЬ

Диал. *кутырь* характеризуется широким кругом значений, большая часть которых может быть отнесена к разряду соматических: ср. ‘рыбий пузырь’ (дон., терск., новг., урал.), ‘мочевой пузырь животного’ (дон., тер., астрах.), ‘брюшина’ (сиб.), ‘живот, брюхо’ (брян. – СРНГ 16, 177). В ряде говоров этим словом называют желудок животного или птицы (курск., орл., брян., новг., дон.), в прикаспийских районах – желудок и кишки рыбы (СРНГ 16, 177). Другие, несоматические значения объединены семантическим признаком ‘нечто выпуклое, согнутое, надутое’: ср. дон. ‘дождевой пузырь’, ‘сборка на одежде’ (Донск. 2, 103), астрах. ‘надутый воздухом пузырь для плавания’, сиб. ‘бурдюк’ (СРНГ 16, 177). В Сибири отмечено производное *кутырка* ‘сустав на пальцах рук’ (Элиасов 178) и семантически близкое *кутышка* ‘большой палец’ (том. – СРНГ 16, 169) с другим суффиксальным оформлением.

В качестве славянских соответствий рус. *кутырь* можно отметить укр. *кутір* ‘конец мотни рыболовной сети’, с другими вариантами суффикса – болг. *кѹтре, кѹтро, кутель, кѹтле* ‘мизинец’, *кутрият* ‘бедный (человек)’. Неясно происхождение слвц. *kutel’*, мн. *kutle* ‘кишки, внутренности’, в.-луж. *kutlo* ‘брюхо’, в отношении которых, несмотря на семантическую близость русскому слову, предполагается заимствование из нем. *Kuttel* ‘внутренности’ (ЭССЯ 13, 140–141).

Слав. **kutyрь/*kutyрьь/*kutyль* рассматриваются как суффиксальные производные от **kut-*, лежащего в основе **kutiiti* ‘крутить’, ‘гнуть(ся)’, ‘суетиться’ < и.-е, **keu-t-/*kou-t-* ‘гнутое, выпуклое’, откуда могли развиться значения ‘пузырь’, ‘сустав’, ‘палец’, а также – ‘желудок, брюхо’ (ЭССЯ 13, 141).

¹¹⁸ О семантическом развитии данной основы см. также: Ж.Ж. Варбот. *Славянские этимологии (Некоторые продолжения гнезда слав. *(s) kelb-/*(s) kolb- в слав. языках)*. / ОЛА.. М., 1975, с. 136.

РУБЕЦ

Данное слово является основным наименованием первого, самого большого отдела желудка у жвачных, а также – названием блюда, приготовленного из этой части желудка (БАС 12, 1504). По нашим наблюдениям, как кулинарный термин слово **рубец** (**рубцы**) впервые фиксируется в “Российском Целлариусе” (434, 1771 г.). Первая фиксация ветеринарного значения ‘желудок у жвачных’ относится, по данным БАС, к 1794 г. (1-е изд. “Словаря Академии Российской”). Довольно подробную справку о применении рубца в кулинарном производстве находим в словаре Брокгауза и Ефрона (XXVII, 201): *Рубцы сырыми сбываются в гусачные заведения (лавки, специально торгующие вареными гусаками и требухой), где, по очищении от пищевой массы, вывариваются и сворачиваются в толстые цилиндрические трубки и поступают в продажу под именем требухи*. В диалектах это слово известно в функции как ветеринарного, так и кулинарного термина: ср. твер. ‘брюховина, желудок жвачных, употребляемый в пищу’, моск. ‘требушник, желудок телячий, говяжий’, иван., свердл. ‘коровий желудок’ и краснояр. ‘изрубленная брюшина’ (Карт. СРНГ).

В качестве ветеринарного термина это слово функционирует также в украинском и белорусском языках (**рубець** и **рубец** соответственно). У западных и южных славян этот отдел желудка имеет иные названия: болг. **шкембе**, с.-хорв. **бураг**, чеш. **bachor** и др. Кулинарные наименования, как правило, не совпадают с ветеринарными: ср. болг. кулин. **чорба**, с.-хорв. кулин. **филеки** и т.п.

Для понимания внутренней формы анат. **рубец** важно установить, откуда идет название, не является ли первичной кулинарная сфера. Диалектными словарями данное слово обычно толкуется как ‘пригодный в пищу желудок жвачных’¹¹⁹, а известные рецепты приготовления рубца позволяют считать кулинарное наименование производным от глагола **рубить** ‘нарезать, насекать’: *Брюшину выхолощить, вычистить, выморозить, на рубить. Вот рубец.* (краснояр. – Карт. СРНГ). Таким образом, есть основания считать, что именно способ приготовления дал наименование блюду, а также желудку, из которого это блюдо готовилось. Другими словами, анат. **рубец** сложилось в соответствии с моделью ‘рубить, нарезать’ > ‘название кушанья’ > ‘название продукта, из которого обычно готовят это кушанье’ > ‘анатомическое название’.

119

В кулинарии в основном используют 1-й и 4-й желудки жвачных, т. е. рубец и сычуг.

Другая семантическая модель вырисовывается в том случае, если принять во внимание характерные особенности строения рубца. Известно, что внутренняя стенка этой части желудка покрыта многочисленными складками и выступами, напоминающими рубцы. Можно предположить, что именно эта особенность лежит в основе ветеринарного термина, т.е. *рубец* ‘желудок жвачного’ < *рубец* ‘шрам, след от раны, шва’. Возможность такой этимологии подтверждается названиями других отделов, отражающими их анатомические особенности: *книга*, *листанья*, *сетка* (см. ниже). Неровность внутренних покровов рубца послужила, как нам кажется, исходным семантическим признаком и для старого польского названия этого отдела *losia skóra* (Warsz. VI, 724).

СЫЧУГ

Слово *сычуг*, как и предыдущее *рубец*, функционирует в современном языке в качестве анатомического (ветеринарного) и кулинарного термина, обозначая четвертый отдел желудка у жвачных, а также кушанье из фаршированного желудка (коровьего, свиного и т.п. – БАС 14, 1380). Можно предполагать, что это слово появилось в русском языке не позднее XVI в.: в “Актах писцового дела” этого периода зафиксирована фамилия *Сычуговь*, очевидно, представляющая собой производное от *сычуг* (Карт. СЛРЯ XI–XVII вв.). В языке XVIII–XIX вв. это слово функционировало в следующих значениях: ‘толстая кишка животного’ (Рос.Цел. 510); ‘горло пищеприемное’; ‘кишка у четвероногих животных, протянутая от глотки к литонье и отверстием своим кончающаяся в оную (СлАкРосс VI, 639); ‘свиной желудок, начиненный изрубленным мясом с приправами’ (там же); ‘один из желудков жвачных’ (Даль IV, 378).

В диалектах слово *сычуг* может обозначать как весь желудок животного (пенз., орл. *сычуг*), так и один из его отделов (калуж. *сычух* ‘книжка в желудке’ – Карт. СРНГ). В ряде говоров это слово известно в кулинарных значениях: ‘блюдо из свиного желудка’ (орл. *сычух*, ряз. *сычуг*), а также ‘бараньи кишки, начиненные кашей’ (забайк., якут., бурят.), ‘бычачья или коровья толстая кишка, заполненная кашей’ (пск., твер. – Карт. СРНГ). Последнее соответствует толкованию в “Целлариусе” (ср. выше).

Слово *сычуг*, известное лишь восточнославянским языкам (укр. *сичуг*, блр. *сычуг* 4-й желудок у жвачных), имеет две этимологии. Фасмер (III, 822) считает его заимствованием из тюркских языков, сравнивая с половецк. *suzuk* ‘кишка, внутренности’, кыпч. *sučuk* ‘колбаса’, чагат. *sučuk* ‘начиненные киш-

ки', тур. *sudžuk* 'колбаса'. Другая точка зрения принадлежит О.Н. Трубачеву, полагающему, что название этого отдела желудка должно определяться его способностью выделять квасящий фермент, который издавна используется в сыроварении¹²⁰. Так, нем. *Lab, Labmagen* 'сычуг' происходит от глагола *laben* 'тешить, услаждать, квасить'; осет. *axsæn* 'желудок, сычуг' – от *axsyn* 'створаживать'. Напомним, что подобное развитие семантики испытало и слав. **syrišče* 'сычуг, закваска' < **syriti* 'квасить'. Учитывая такого рода примеры, а также греческое выражение *τρέφειν γάλα* 'створаживать молоко', буквально означающее 'питать молоко', Трубачев предполагает, что. рус. *сычуг* могло быть образовано от глагола *сытими*. В пользу такой этимологии мог бы свидетельствовать отрывок из Лечебника к. XVII в.: *А желудок в человеке, что сыто, а живот и все в человеке что в свинье* (Леч.2 – Карт. СлРЯ XI–XVII вв.). Кроме того, отметим, что глагол *сытить* (др.-рус. *сытими*, диал. *сычими*) в памятниках и в диалектах встречается не только в значении 'насыщать', но и 'квасить (пиво медом)', что соответствует исходной семантике обозначений сычуга в других языках (ср. выше).

Трубачев указывает на неточность, допущенную Фасмером в толковании кулинарного значения слова: *сычуг* – *часть желудка млекопитающих, из которой делают колбасу* (Фасмер III, 822). Начиненный желудок, по мнению Трубачева, нельзя назвать колбасой, следовательно, семантически русское слово не вполне соответствует приведенным тюркизмам¹²¹. Однако, как отмечалось выше, в русских говорах это слово активно функционирует в значении 'кишки, начиненные кашей', т.е. 'колбаса'. Формы с этой семантикой – *сычуг* и *сычук* – особенно широко отмечены на территории Сибири (якут., бурят., забайк. – Карт. СРНГ). Кроме того, стоит обратить внимание на то обстоятельство, что в старых словарях изучаемое слово толкуется как 'часть кишечника животных' (ср. выше). Учитывая эти данные, не следует, видимо, категорически отрицать возможность заимствования. Можно предположить, что слово *сычуг*, заимствованное как кулинарный термин, впоследствии подверглось переосмыслению, не без влияния глагола *сытить*.

КНИГА, КНИЖКА. ЛИСТАНЬЯ

В современном языке это слово функционирует как ветеринарный термин, строго закрепленный за 3-им (листовидным) отделом желудка у жвачных

¹²⁰ О.Н. Трубачев. *Об этимологическом словаре русского языка*. / ВЯ, 1960, N 3, с. 68.

¹²¹ Там же.

(БСЭ 21, 474). Слизистая оболочка данного отдела образует мощные продольные складки, напоминающие листы книги. Этой особенностью и обусловлено название.

В диалектах наблюдается отсутствие закреплённости данного термина за определенным отделом желудка: в ряде говоров словом *книга* обозначается второй желудок жвачных (пск., твер., орл., новосиб.) именуемый в анатомии *сеткой*; в говорах Новосибирской области производное *книжник* на *-н-ик* отмечено в значении ‘преджелудок животных’ (СРНГ 13, 343; 344). В памятниках и старых лексиконах анат. *книга* не зафиксировано.

Как ветеринарный термин слово *книга* известно всем славянским языкам: ср. болг. *книга* ‘литонья’, с.-хорв. *knjga* ‘3-й желудок у жвачных’, словен. *knjiga* то же, чеш. *kniha* то же и т.д. (ЭССЯ 13, 203). Семантически славянские обозначения точно соответствуют лат. *liber* ‘книга’ и ‘3-й желудок у жвачных’ (Брандт 219). Учитывая, что латинская терминология оказала значительное влияние на формирование национальной анатомической номенклатуры, следует признать славянский термин латинской калькой. В результате калькирования сложилось также рус. диал. *псалтырец* ‘3-й желудок жвачных’ (Даль II, 225) < лат. *psalterium* ‘книга, псалтырь’ и ‘3-й желудок’ (Брандт 219), ср. польск. ветерин. *psalterz* (Warsz. II, 608) и нем. *Psalter* (СТМП 54) с тем же значением.

Внешним сходством 3-го отдела желудка с книгой обусловлены и другие его названия – *листовик* (Даль II, 225) и *листанья* (БСЭ 21, 474), ср. польск. анат. *żółdek listkowy*, нем. анат. *Blatter magen*.

С Е Т К А

Этим термином в анатомии обозначается 2-й отдел четырехкамерного желудка жвачных. Как и предыдущее слово, данное название основано на метафоре и отражает особенности строения соответствующего отдела желудка: название *сетка* происходит от того, что слизистая оболочка в этом отделе имеет сетчатый, ячеистый вид (Брандт 219). По нашим данным это слово как ветеринарный и анатомический термин впервые приводится в “Опыте” Бурнашева (II, 310): *Сетка ... второй желудок в животном, отрывающем жвачку. В этом-то желудке происходит процесс отрывания.* В словаре Даля (IV, 382) оно дается без локальных помет в ряду синонимов – *книжка, листовик, перебериха, литонья*, из которых первые два, как правило, соотносятся с третьим, листовым отделом желудка.

Рус. анат. *сетка* соответствует польск. *siatka* ‘2-й отдел желудка у жвачных’ (Warsz. VI, 89; ср. также польск. анат. *żółdek siatkowy* – Warsz. VIII,

714). В других славянских языках этот отдел желудка имеет другое наименование – производное с суф. *-ьсь* от **щерьь*: ср. чеш. анат. *щерес*, слвц. *щеріес*, польск. *szepies*. Оба термина, по всей вероятности, представляют собой кальку с лат. *reticulum* ‘2-й желудок у жвачных’ < *reticulum* ‘сеточка, наголовная сетка (т.е. разновидность женского чепца)’.

ПОЧЕЧУЙ

В литературном языке *почечуй* известно как название геморроя (БАС 10, 1717 с пометой *устар.*) В этом значении оно впервые зафиксировано в “Целлариусе” (392), т.е. в 1771 г. Развернутое толкование приводится в СлАкРосс (V, 106): *почечуй* – *болезнь, состоящая в истечении крови через отверстия золотых кровезовратных жил нижним проходом... или шишки, сделавшиеся от напора в отверстиях помянутых жил...* Здесь же отмечено сочетание *почечуйная трава* с пояснением: *простолюдины прикладывают листья к почечуйным шишкам*. В “Опыте” Бурнашева (II, 125) *почечуй* определяется как ‘запор у крупного рогатого скота в самой сильной степени’.

В интересующем нас значении ‘желудок (животного)’ слово функционирует в некоторых говорах: краснойр. *почечуй* ‘желудок’ (в *почечуе* у медведя одна рябина), моск. *почучуй* (с ассимиляцией гласных) ‘свиной желудок’ (Карт. СРНГ). В смоленских и уральских говорах форма *почечуй* отмечена как специфическое наименование болезни копыта лошади – пузыря, возникающего от ушиба (там же). Естественно, напрашивается вопрос, каким образом связаны значения ‘запор’, ‘геморрой’, ‘пузырь’ и ‘желудок животного’. Изучению этого вопроса посвящен один из разделов статьи В.А. Меркуловой, предлагающей свою этимологию рус. *почечуй*¹²². В основном соглашаясь с ходом рассуждений автора, мы хотели бы внести некоторые дополнительные соображения относительно семантического развития и генетических связей данного слова.

Обозревая этимологии рус. *почечуй*, Фасмер (III, 347) останавливается на двух объяснениях: одно принадлежит Бернекеру, который производит это слово от глагола *чесать*; другое – Соболевскому, связывающему *почечуй* со словом *течь*. Меркулова справедливо замечает, что ни одна из этих этимологии не объясняет значения ‘желудок’. Напомнив, что словом *дна* < *дно* (< **dъbno* – ЭССЯ 5, 174) обозначались как внутренние болезни, так и

122

В.А. Меркулова. *Три русских медицинских термина.* / ОЛА. 1983. М., 1988, 307–309.

внутренности¹²³, она предполагает, что слово *почечуй* могло первоначально относиться к внутренним органам, в частности, к геморроидальным шишкам. Другими словами, данное название болезни могло сложиться по модели ‘нарост, вздутие’ > ‘геморроидальные шишки’ > ‘геморрой’. В качестве возможной семантической параллели приводится арабское заимствование *басур* ‘нарост, опухоль’, ‘геморрой’¹²⁴.

Исследование русского исторического и диалектного материала подтверждает возможность такого семантического развития слова *почечуй*. Параллельно с этим словом в старых травниках и лечебниках употребляются другие родственные названия геморроя: *чечуй* (Леч. 1763 г. – Карт. СлРЯ XI–XVII вв.), *чечуйная немощь* (Травн. Любч., 1534 г. – там же), *чечуйная болезнь* (Мат. ист. мед. 4, 431). Эти факты позволяют рассматривать само *почечуй* как префиксальное образование, сопоставляя его с диал. *чечинка* ‘порошинка, крошка’ (тул.), *чэча, чечуля* ‘ломоть хлеба’ (костр., тамб. – Карт. СРНГ), *чечина* ‘геморроидальная трава’ (Даль IV, 603). Меркулова сюда же включает блр. *чичка, чачотка* ‘нарост на дереве’, полагая, что слова с корнем **щєщ-* обозначают мелкие предметы, кусок чего-л. а также – вздутие, нарост¹²⁵. Слово **щєщийь* рассматривается ею как расширенный суффиксом *-j-* мягкий вариант *и-*основы с корнем **щєщ-* < *(s)kek-¹²⁶. Принимая эту реконструкцию, добавим, что данная основа представляет собой, по всей вероятности, вариант с корневым вокализмом *-e-* к основе **kok-/ *koщ-*, исходное значение которой можно охарактеризовать как ‘нечто выпуклое, неровное’; ‘шишка, нарост’¹²⁷. Первичную семантику сохраняют производные: рус. диал. *кочора* ‘ком (грязи, земли)’, ‘сучковатый обрубок дерева’, словен. *kokora* ‘завиток’ < **kok-* (ЭССЯ 10, 114); рус. диал. *коч* ‘кочка, кочерыжка’, *кочэра* ‘кочка, обрубок сучковатого дерева’, с.-хорв. диал. *кѠч* ‘крупный орех в детской игре’ < **koщ-* (ЭССЯ 10, 103–107). Развитие анатомического значения наблюдается в слове *кочыш* < **кочушь* ‘внутренности рыбы’ (ср. выше). Таким образом, существуют вполне реальные основания считать, что русское название болезни *почечуй* сложилось по модели ‘вздутие, нарост’ > ‘геморроидальные шишки’ > ‘геморрой’; ‘болезнь копыта лошади (пузырь в заусенице копыта)’.

¹²³ Подробнее об этом названии болезни см.: В.А.Меркулова. *Народные названия болезней. I.* / Этимология. 1967. М., 1969, с.160.

¹²⁴ В.А.Меркулова. *Три русских медицинских термина...*, с. 308.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ О вариантности основ **kek-/*(s)kek-* см.: Ж.Ж. Варбот. *К реконструкции и этимологии некоторых праслав. глагольных основ и отглагольных имен. VI.* / Этимология. 1976. М., 1978, с. 41–42.

¹²⁷ Принимая данную вариантность основ, можно объяснить и диал. *чечэниться* < **щєщ-* ‘ломаться, чваниться’ (Даль IV, 603), связав его с диал. *кочэриться, кочевряжиться, кочуриться* ‘тримасничать’ < **koщ-*.

Значение ‘желудок’ Меркулова объясняет отношениями типа ‘маленький кусочек’ > ‘потроха’, приводя в качестве семантической аналогии слав. **drobь* ‘потроха’ (болг. *дроб*, чеш. *drob*, польск. *podróbce* и др. – ЭССЯ 5, 120) < **drobь* ‘маленький кусочек’¹²⁸. Напомним, однако, что словом *почечуй* в русских диалектах обозначается желудок таких крупных животных как свинья и медведь. Вряд ли в этом случае оправдано сравнение с мелкими вещами, кусочками и т.п. Нам кажется, что в основе названия желудка лежит все тот же признак неровности, выпуклости: как правило, внутренняя оболочка этого органа бывает покрыта разного рода складками, выступами, это и могло послужить основанием для именованя желудка животного *почечуем*.

МЕЧ

В вологодских говорах в значении ‘желудок человека’ зафиксирована лексема *меч* (СРНГ 18, 145), тождественная *меч* ‘мяч’ (там же), ср. яросл. *мэчик*, арх. *мечок*, кур. *мэчка* ‘мяч’ (СРНГ 18, 145–146). Корневой вокализм *-е-* в данных словоформах обусловлен позиционно: *-а-* в положении между мягкими согласными переходит в зону артикуляции *-е-* (ср. *петь* вм. *пять*). Зная, что в системе названий желудка достаточно актуальна семантическая модель ‘выпуклое (набитое, надутое)’ > ‘желудок’, можно предположить, что в основе названия *меч* лежит метафорическое сравнение с мячом, т.е. чем-то округлым, выпуклым (ср. пск. *мячек*, арх. *мэчик* ‘грузило из камня, оплетенного лыком’, свердл. *мячик* ‘наземный плод картофеля’, а также болг. *мечка* ‘хлеб с сыром в форме шара’, словен. *тѣѣ* ‘мяч’, чеш. *тїѣ* то же < праслав. **теѣь* ‘мягкое, мятое’, ‘мяч’ (СРНГ 18, 146; 19, 93–94; Фасмер III, 32).

ПАЮС

Слово *паюс*, известное в северных говорах как наименование желудка птицы (ср. мурман. *паюс от рябчика* – Карт. СРНГ), отмечено также в значениях ‘плавательный пузырь рыб и морских зверей’ (арх.), ‘волдырь’, ‘мочевой пузырь’ (урал.), ‘сушеная плева, вставленная в окно’ (сев. – Карт. СРНГ). Наиболее распространенным является значение ‘мышечная плева, в которой лежит икра в рыбе’ отсюда – *паюсная икра*, т.е. неразделенная, цельная икра в рыбе (Даль III, 27). Последнее словосочетание функционирует в современном языке.

128

В.А. Меркулова. Три русских медицинских термина..., с. 308.

Исторические словари несколько расширяют семантический спектр слова *паюс*: кроме значения ‘пузырь, икряной мешочек различных рыб, а также пленка из него, заменяющая слюду’ (ср. *Два паюса на окончины дал*; Кн. расх. Корел. м., 1551 г.), отмечено ‘телячья кожа или брюшина’ (*В плат полотнян чистой положимь или в паюсь телячеи недѣланой лечебный камень, и то аще носимо будетъ под лѣвою пазухою*; Травн. Любч., XVII в.~1534 г.), а также – ‘сосуд из икряного мешочка, использовавшийся как торговая мера’ (*паюсь сала ворвань*; Кн. Прих.-расх. Корн., 1572 г. – Карт. СлРЯ XI–XVII вв.).

В этимологической литературе высказывались предположения о заимствовании рус. *паюс* из финского языка (Преобр. II, 31; Фасмер III, 224). О.Н. Трубачев рассматривает это слово как исконное образование, развившееся из первоначального **паюз* (ср. др.-рус. *паусокъ* ‘лодка’ вм. *паузокъ* < *па-во-зокъ*), производного с префиксом *па-*, от глагола *вязать* < **vęzati*; в качестве соответствия рус. *паюс* < **паюз* приводится чеш. *praviz, rauiz* ‘жердь, с помощью которой привязывали снопы к возу’¹²⁹. Связь с исходной семантикой основы сохраняется в значении ‘неразделенная (т.е. связанная) икра в рыбе’. *Паюс* ‘желудок’, очевидно, сложилось на базе промежуточного значения ‘мышечный мешочек, емкость’.

РОГОВЕШКА

В словаре Даля (IV, 100) это слово дается как региональное (тверское) название сычуга, т.е. 4-го отдела желудка жвачных. Даль помечает это обозначение вопросительным знаком, что указывает на сомнение автора в точности толкования или написания слова. В других словарях, в том числе областных, слово *рогоवेशка* нами не обнаружено. Однако в “Материалах” Срезневского (I, 1211) в статье *кишка* приводится отрывок, где в значении ‘желудок’ выступает словосочетание *кишка роговая*: *Да дастъ жерцю... кишку роговую* (*’ѣвѣстров, ventriculum*, по др.сл. *оутробу*; Втз. XVIII~XIV в.). Этот отрывок послужил ключом к пониманию внутренней формы твер. *роговѣшка*, по всей вероятности, представляющего собой производное с суф. *-еш-к-* от прилагательного *роговой* ‘относящийся к рогу, напоминающий рог’ (ср. также глагол *роговеть* ‘обращаться в роговое вещество, твердеть’). Как известно, оболочка желудка очень толстая, жесткая, неровная и в какой-то мере напоминает роговое вещество. Такое сравнение, вероятно, и легло в основу наименова-

¹²⁹ О.Н. Трубачев. *Славянские этимологии*. 29–39. / Этимологические исследования по русскому языку. Вып.2. М., 1963, с. 32–34.

ния *роговешка*. Соответствующие образования на остальной славянской территории как будто бы не засвидетельствованы.

ВЕТРЮХ

Недостаточно изученным остается пск. *вѣтрю́х* ‘рубец из рогатой скотины’ (Даль I, 188; СРНГ 6, 80). Фонетический вариант *витрю́х*, отмеченный в “икающих” тверских говорах, характеризуется значением далеким от анатомической сферы – ‘домосед’. В других диалектах данное слово не обнаружено. Скупость диалектного материала затрудняет установление его генетических связей. Существующие этимологические версии исходят из признания вторичности формы *ветрюх*, оставляя предполагаемые фонетические изменения без какой-либо мотивации. Так, Даль предполагает развитие лексемы *ветрюх* из первоначального **вотрюх*, сопоставляя последнее со словами *вóтря*, *вóтря* ‘опилки и стружки’, ‘обитый, обмолоченный колос’, ‘мелкая солома, мелкий корм для скота’ (пск. – Даль, там же). Само *вотря(-а)* рассматривается в этимологической литературе как приставочное образование от глагола *тереть*: **о-търа* < **об-търа* (Фасмер I, 358). Переход префиксального *о-* в *е-* объяснить трудно, что создает серьезное препятствие для сопоставления *ветрюх* с *вотря*. Другая этимология предлагается в ЭССЯ (6, 72), где пск. *ветрюх* включается в гнездо слав. **ĕtro-* ‘внутренности, утроба, печень’. Однако, такой подход, как и предыдущий, предполагает значительное преобразование первоначальной формы слова, требующее доказательств.

На наш взгляд, продвижению в глубь внутренней формы диал. *ветрюх* способствует привлечение исторического материала, позволяющее установить достаточно прозрачную связь данного слова со ст.-рус. *вѣт(е)рь*, *вѣтры* мн. ‘газы в кишечнике’, *вѣтрость* ‘скопление газов в кишечнике’, *вѣтрогонный* ‘способствующий выходу кишечных газов’ (СлРЯ XI-XVII вв. 2, 124–125). По наблюдениям Н.А. Богоявленского (1970, 129), приведенные слова используются в старых лечебниках как устоявшиеся медицинские термины, ср.: *Анисъ выгонитъ вѣтрь ис кишек, которой вѣтрь надъымает кишки*. (Травн. Любч. 104, XVII 1534). Параллели в славянских и других индоевропейских языках указывают на значительную древность семантической модели ‘ветер’ > ‘кишечные газы’, ср. хорв. *vjètri* в отмеченных значениях, чеш. *větry* то же, польск. *wiatr*, *wiatrunek* то же, англ. *wind* то же, лит. *vėjuoti* ‘веять, дуть’ и ‘портить воздух’.

В свете всего вышеизложенного слово *ветрюх* ‘желудок (рубец)’ можно рассматривать как суффиксальное производное от *вет(е)р* ‘кишечные газы’.

В основе такого наименования, должно лежать представление о желудке как о “производителе” внутренних газов. Суффикс *-юх* привносит оттенок пейоративности. Значение ‘домосед’ (*витрюх*) могло развиваться через промежуточные ‘обжора’, ‘бездельник’.

ПЕРЕБЕРИХА

Это слово обнаружено нами в словаре Даля (III, 125), где оно приводится без локальных помет с пояснением ‘желудок жвачных, откуда рыгается жвачка’. В качестве синонимов к *перебериха* Даль приводит слова *кни́га*, *листови́к*, *лито́нья* (ср. выше). В других источниках, а также в славянских языках это название не зафиксировано, что позволяет считать его собственно русским диалектным образованием. Очевидно, что лексема *перебериха* образована суффиксальным способом (суф. *-их-*) от глагола *перебирать*. В основе данного наименования – указание на процесс, происходящий в желудке, где пища как бы “перебирается” благодаря многочисленным ячеекам и складкам слизистой оболочки.

* * *

Значительная часть наименований желудка сложилась в результате переосмысления других анатомических терминов, в том числе – названий живота, ср. рус. *живот*, *животы* ‘желудок’ (Даль I, 539), блр. *жыво́т* то же, польск. *żuwoł* ‘живот, желудок’. Многочисленны обозначения желудка или его отделов производные от брюхо – *брюхо́вина*, *брюши́на*, *брюшино* и т.п. (СРНГ 3, 225–227). В диалектах в этом значении отмечено слово *черево* (тул., брян. – Карт. СРНГ), в “Лексиконе” Поликарпова приводятся его суффиксальные производные *чре́вце*, *чревесце*. Значение ‘желудок’ может приобретать слово *утроба*, а также его варианты: *у́троб*, *у́труб* (урал.), *утрёба* (калуж.), *ятрёб(а)*, *ятри́ба* (орл., калуж. – Карт. СРНГ). Тот же семантический переход наблюдается в диал. *лу́нье* ‘желудок’, производном от лексемы *лоно* (см. выше). Интересно, что в качестве обозначения желудка используются в основном старые названия живота, имеющие индоевропейские истоки. Можно предполагать, что в сознании древнего человека представление о насыщении связывалось с животом, утробой вообще. Назначение желудка, как, впрочем, и других пищеварительных органов, не детализировалось. Во всяком случае для и.-е. **qtr-* восстанавливается синкретическое значение ‘внутреннее, внутренности, утроба’ (см. выше). Конкретные общеиндоевропейские термины для обозначения желудка, кишки, пищевода неизвестны. Синкретизм

значений ‘желудок’ – ‘живот’ – ‘кишка’ проявляется и теперь в выражениях типа *набить живот* – *набить желудок* – *набить кишку*.

Другая модель семантического развития – ‘внутренности, потроха’ > ‘желудок (животного)’ представлена в диал. *требу́х, трябу́х* ‘желудок’ (брян., прибалт.), *требу́х* ‘желудок животного’ (пск.), *требуха́* ‘коровий желудок’ (арх.), *требуши́на, требуши́ник* ‘1-й желудок жвачных, рубец’ (Карт. СРНГ; Даль IV, 427).

В некоторых говорах в значении ‘желудок’ отмечено слово *сердце* (сиб. *се́рце*, новг. *се́рче*), что, на наш взгляд, опять-таки подтверждает синкретизм семантики старых наименований: ср. *На месте желудка предполагается сердце... при болезнях желудка и кишек симптомы выражают следующим образом: сердце ссёт... подкатилось под сердце* (Герасимов – ЖСт, 1898 г., 1, 160); *Болятки подкатываются к сердцу – при... поносах и других желудочных и кишечных болях* (Макаренка – ЖСт, 1897 г., 1, 69). Вероятно, такому употреблению термина *сердце* < **serd-/sьrd-* способствуют как объективные факты – трудности различения сердечных и желудочных болей в ряде случаев, так и чисто языковые особенности его внутренней формы, основанной на синкретичном признаке нахождения в середине (ср. *сердцевина* ‘внутренняя часть’). Подобная подмена соматизмов наблюдается и в других языках: ср. укр. бойк. *серце* ‘желудок’, считающееся заимствованием из слов. *serce*¹³⁰.

* * *

Интересны кулинарные наименования приготовленного свиного желудка, который как бы персонифицируется: ср. дон. *бог* ‘начиненный мясом или кашей свиной желудок’ (Донск. 1, 32), калуж. *васю́к* то же (СРНГ 4, 67), тул. *нянька* ‘свиной желудок, сваренный в соленой воде и начиненный свиной с луком’ (СРНГ 21, 332). Последнее может быть связано с урал., сиб. *ня́ння, нянь* ‘пирог с мясной начинкой, печеный хлеб’ (там же), подобно тому как дон. *кульба́к* ‘свиной желудок, начиненный кашей’ связано с *кульба́к, кульба́ка* ‘кулебяка’ (Донск. 2, 99). Название *васю́к* появилось, вероятно, из-за традиции подавать на стол свинью 1 января, в Васильев день, именуемый в народе “Василием-свинятником”, ср. поговорку *Свинку да боровка для Васильева вечерка* (Даль I, 167). Подобные наименования известны и другим языкам, ср. блр. *иванчик* ‘свиной желудок, начиненный мясом и залитый рассолом’¹³¹.

¹³⁰ М.О. Онышкевич. *Словацко-украинские лексические связи*. / Вестник ЛГУ. Серия истории языка и литературы. 1963, №14, Вып.3, с. 74.

¹³¹ См.: *Лексика Полесья*. М., 1968, с. 413.

* * *

Анализ показывает, что данная группа терминов складывалась преимущественно в эпоху самостоятельного развития славянских языков и частично – в эпоху диалектного развития праславянского языка. Собственно древним термином общеславянского характера является только одно слово – *желудок* < **želǫdъkъ*. Древнее *сырище* < **syrišče*, получившее распространение в западно- и южнославянских языках, в русский язык было заимствовано из церковнославянского. Рус. *кавбух* < **kъlb-* и *требух* < **tъrb-/terb-* имеют соответствия со значением ‘желудок, рубец’ в украинском и белорусском языках. Использование этих основ в качестве обозначения желудка следует, видимо, признать инновацией восточнославянского характера. Архаическое *литонья* восходит к праслав. **elito* ‘кишка’, спорадически развивающему в некоторых славянских языках значение ‘желудок, желудочная колбаса’ (слвц., н.-луж.). Большую часть изучаемой группы составляют собственно русские названия, многие из которых носят узколокальный характер (ср. смол. *лунье*, волог. *меч* и др.).

В ходе исследования выявлены следующие семантические модели:

- ‘утроба, живот’ > ‘желудок’ (*утроба, черев*о, *брюшно, лунье*);
- ‘внутренности, потроха’ > ‘желудок’ (*требух, требушник* и т.п.);
- ‘другой внутренний орган’ > ‘желудок’ (*кишка, сердце, литонья*);
- ‘выпуклое, набухшее’ > ‘желудок’ (*желудок, пупок, кавбух*);
- ‘согнутое, выпуклое’ > ‘желудок’ (*кутырь*);
- ‘емкость, вместилище’ > ‘желудок’ (*кишень, паюс*);
- ‘еда, питье’ > ‘тот, кто ест, обжора’ > ‘желудок’ (*едер, питер*).

Некоторые наименования желудков у жвачных мотивированы особенностями строения – *книга, листовик, сетка*. Ряд наименований представляют особый интерес, поскольку указывают на наличие определенных знаний о процессах, происходящих в желудке: *сырище, перебериха, жерня, жерны*.

4. Наименования печени

Печень – самая крупная железа у животных и человека, участвующая в процессах пищеварения, обмена веществ, кровообращения. Медики называют ее “депо крови”: сосуды печени человека способны задерживать ок. 20% всей крови организма. В этом органе синтезируется желчь – горький секрет темно-зеленого цвета, необходимый для пищеварения и обмена веществ.

Не зная настоящего назначения этого органа, древние тем не менее отводили печени важную роль, считая ее источником снов, любви, а также –местилищем гнева, злобы¹³². Долгое время считалось, что причиной раздражительности является избыточное выделение печенью желчи. Эти представления получили отражение в семантике ряда терминов медицины и психологии, ср., напр., *холерик* из лат. *cholericus* < греч. *χολή* ‘желчь’; *меланхолия* < греч. *μέλας*, род. *μελανος* ‘черный’ + *χολή* ‘желчь’ (ср. также рус. *желчный человек*). Образ печени как источника гнева, раздражительности фигурирует и в славянской фразеологии, напр., в польских идиомах *Coś leży komuś na wątrobie*; *Mieć coś na wątrobie* ‘нервничать, злиться’ (дословно “иметь что-л. на печени” – Warsz. III, 845), а также в рус. *Говорить печенкой* ‘сердиться’, диал. *печёниться* ‘сердиться’, ‘ворчать’ (Даль III, 109).

Печень животных издавна считалась лакомым блюдом, что подтверждается существованием специальных кулинарных наименований. На Руси особым деликатесом почиталась печень крупной рыбы – щуки, налима, сига, осетра; ее жарили, солили, добавляли в качестве приправ. Рецепты и описание соответствующих блюд содержатся во “Флориновой экономии”, “Артикуле поварня”, в “Росписях царским кушаньям” и др. памятниках.

В ходе изучения диалектного и исторического материала удалось выявить около 20 обозначений печени. Бóльшую часть составляют наименования локального распространения. Заимствований немного, причем все они из кулинарной сферы и обозначают печень рыб. Ниже приводится список названий.

Вóкса, вóикса ‘печень рыбы, морского животного’ (помор. – СРНГ 4, 354; 5, 169); *жéльцо* ‘печень или желчь’ (новг. – СРНГ 9, 121); *золозá* ‘печень у рыбы’ (карел. – СРНГ 11, 328); *кровенíк* ‘печень’ (твер. – СРНГ 15, 267); *ксень* ‘печень рыбы’ (алт., том., тобол., олон. – СРНГ 15, 372), *кисéнь, иксéнь, яксéнь* то же (том. – СРНГ 13, 228; 12, 183); *мáйка* то же (олон. – СРНГ 17, 307); *максá* то же (БАС 6, 517); *макáска* ‘печень белуги’ (помор. – СРНГ 17, 309), *максéшка* ‘печень рыбы’ (Приамур.

150); *осёрдые* ‘печень’ (перм. – СРНГ 23, 371); *пéчень, печёнка*, ст.-рус. *печенець, печенцы* мн.ч. (Карт. СлРЯ XI–XVII вв.); *псень* ‘печень у скотины, рыбы’ (волог. – Карт. СРНГ); *рбжны* ‘части печени, испеченные на деревянных рожнях’ (волог. – Карт. СРНГ); *синяк* ‘воловьё печенка’ (оренб. – Даль IV, 187); *ўтрьник* ‘печень’ (Даль IV, 522); рус.-цслав. *ядро* ‘печень’ (Срезн, III, 1640–1641); др.-рус., рус.-цслав. *ятро* то же (Срезн. III, 1673).

Ряд наименований, представленных в данном списке, уже рассматривались выше в качестве обозначений других органов, поэтому здесь мы считаем возможным ограничиться перечислением этих слов с указанием источников и ареала.

Я Т Р О . У Т Р Ы Н И К

В др.-рус. и рус.-цслав. памятниках в значении ‘печень’ фиксируется слово *ятро, ятра* мн.ч.: *Съ же рече: ѡклиши ми ятра... (їпар)* (Гр. Наз., XI в. – Срезневский III, 1673). В ряде памятников это слово отмечено как обозначение внутренностей (утробы), почек, мошонки (ср. выше). В русских говорах *ятро* ‘печень’ известно на территории Карелии (Карт. СРНГ). Это древнее славянское название печени: ср. болг. *ятро* ‘печень’, с.-хорв. *јѣтра* то же, чеш. *jatra* мн. ч., польск. *jętry* то же < праслав. **ętro-/*ętro-* ‘внутренности’, ‘печень’ < и.-е. **entro-m* ‘внутреннее’, ‘внутренности’ (ЭССЯ 6, 72).

В словаре Даля (IV, 522) с пометой *стар.* приводится слово *ўтрьник* ‘печень’, также восходящее к праславянской основе **ętro-/*ętro-*. Выше это слово рассматривалось как наименование утробы, внутренностей.

Я Д Р О

В некоторых рус.-цслав. памятниках в качестве названия печени отмечено слово *ядро* < **ędro* (Гр. Наз. XI в. – Срезн. III, 1640–1641), характеризующее широким кругом значений, в том числе анатомических – ‘лоно, утроба, мошонка, яички’ (ср. выше как наименование живота, утробы).

К С Е Н Ъ

В говорах в значении ‘печень рыбы (налима)’ известно слово *ксень* (алт., том., тобол., олон. – СРНГ 15, 372) < **късень* ‘внутренности (рыбы)’ < и.-е.

**kŭt-s* ‘кислый, портящийся’ (ср. выше). В некоторых диалектах отмечены формы с протетическими гласными – *иксѣнь, яксѣнь* (томск. – СРНГ 12, 183; Карт.СРНГ; ср. пск. *истог* из *стог*), а также – *кисѣнь* с долгой ступенью вокализма (том. – СРНГ 13, 228).

О С Е Р Д Ь Е

В отдельных говорах как обозначение печени отмечается слово *осёрдые* (перм.), для которого более характерно значение ‘ливер, потроха’ (СРНГ 23, 371). Рус. *осердые* ‘печень’ имеет соответствие в польск. *osierdzie* ‘печень’, ‘орган, расположенный в области сердца’, а также – ‘гнев, злость’ (Warsz. V, 649; ср. выше).

П Е Ч Е Н Ь

Слово *печень* функционирует в современном языке как основное обозначение пищеварительной железы, вырабатывающей желчь (БАС, 9, 1146). Деминутивная форма *печѣнка* характеризуется двумя значениями – анатомическим и кулинарным (с пометой *прост.*), в форме мн. ч. используется в фразеологизме *Сидеть в печенках у кого-л.* ‘о чем-л., ком-л. надоевшем’ (БАС, там же).

Изучение исторического материала показывает, что в наиболее древних источниках в значении ‘hepar’ обычно употребляется термин *ятро*. Слово *печень* фиксируется в памятниках, начиная с XV в.: *Обѣ почки и лои... и печень Ѡтрении, с истесемъ да отиметсѧ* (*τὸν λόβον τὸν ἐστὶ τοῦ ἡπατος*) (Лев. VII по сп. XV в. – Срезн. II, 927). В данном отрывке в значении ‘hepar’, строго говоря, выступает словосочетание *печень Ѡтрении*. Можно предположить, что необходимость определения *Ѡтрении* диктовалась неоднозначностью слова *печень* в языке того времени. В словаре Срезневского (II, 927) отмечено употребление этого слова в форме мн.ч.: *Члвкъ есмь болень, ни ꙗ с ними могу повѣстити, а проѧли мь оуже и на печенехъ* (Ип. л. 6795 г.). Определить значение лексемы *печень* в этом случае Срезневский затрудняется. Вероятно, выражение *проѧли на печенехъ* в данном контексте приобретает связанно-фразеологическое значение ‘донять, надоестъ’, подобно известной идиоме *сидеть в печенках* (ср. также польск. *Leżeć na wątrobie*).

Как анатомические названия формы *печень* и *печенка* широко используются в памятниках XVI–XVIII вв.: ср. *...въ нижнем животѣ лежитъ печенка и желудок съ кишками* (Флор. Ек. 317); *Воин Яропола... селъ ему на груди*

и *возделъ сердце и печень* (Яропол., XVIII в. – Карт. СлРЯ XI–XVII вв.). В лечебниках и травниках этого периода часто встречаются прилагательные *печенный* и *печеночный* ‘принадлежащий печени’: ср. *кипение кровавое печенное; жила печеночная* (Леч. V, XVI–XVII вв. и др. – Карт. СлРЯ XI–XVII вв.). В качестве кулинарного термина в ряде памятников XVI–XVII вв. отмечается лексема *печенець*, мн. *печенцы* с суф. *-ец-*: ср. *печенцы курАчи* (Дм. XVI–XVII вв. – Карт. СлРЯ XI–XVII вв.). В лексиконах и словарях XVIII в. эта форма не зафиксирована. Даль (III, 109) приводит слово *печенець* с пометой *стар.*

В диалектах спектр значений изучаемого слова значительно шире. Как название соответствующего органа употребляется форма не только единственного, но и множественного числа в разных фонетических вариантах: ср. брян. *печѡнки, печѣнне*, пенз. *п'еч'ніі*, урал. *печ'ніі, пѣчы* (Карт. СРНГ). В некоторых говорах этим словом называют разные печеные кушанья: *печѣнка* ‘печеная репа’ (пск., новг., арх.), ‘печеная рыба’ (вят.), ‘печеный картофель’ (новосиб); *пѣчень* ‘мучное печеное изделие’ (Даль III, 109; Карт. СРНГ). Широко отмечено еще одно характерное значение – ‘запекшаяся кровь, сгусток крови’ (там же). В ряде поздних памятников, а также в СлАкросс (4, 1064) с этой семантикой фиксируется производное с суф. *-ј-* *печеньє*: *Дочь моя... ударилаь в мою спину и крови печеньє из горла рыгнуло...* (Авв. ж., XVIIв. – Карт. СлРЯ XVI–XVII вв.).

Славянские соответствия характеризуются двумя значениями: ‘печень’ (укр. *печінка*, блр. *печань, пячонка*, словц. *pešienka, pešěj*, польск. диал. *pieczonka*) и ‘жаркое’ (польск. *pieczeń*, чеш. *pečenka* – Фасмер III, 255; Karłowicz IV, 87). В южнославянских языках это слово не отмечено. Форма **pešєнь* представляет собой производное на *-јь* от страдательного причастия **pešєнь* ‘печеный, жареный’. Параллельное развитие семантики наблюдается в лит. *kėpenys* мн. ч. ‘печень’ < *kėpti* ‘жарить’ (Фасмер III, 255; ср. лит. *kepsnys* ‘жаркое’).

На наш взгляд, возможны два пути семантического развития данного слова как анатомического термина. Во-первых, исходя из славянских соответствий, объединенных общим признаком ‘нечто печеное’, можно предполагать, что первоначально это название функционировало в кулинарной сфере. В качестве семантической параллели, кроме отмеченного лит. *kėpenys*, можно привести кашуб. *rovarka* ‘почка’, производное от глагола **variti* ‘варить’ (Фасмер III, 255). Во-вторых, следует принять во внимание достаточно характерное для слова *печень* значение ‘запекшаяся кровь, сгусток крови’, а также тот факт, что своим видом и цветом этот орган очень напоминает сгусток

запекшейся крови. Иначе говоря, анатомическое значение могло сложиться по модели ‘запекать’ > ‘сгусток запекшейся крови’ > ‘печень’.

ЗОЛОЗА

Отмеченное в Карелии слово *золóзá* ‘печень у рыбы’ (СРНГ 11, 328), вероятно, представляет собой фонетический вариант общерусского **железа**. Эта форма, явившаяся результатом ассимиляции согласных, выступает в других говорах в значении ‘желчный пузырь у рыбы’ (арх.), а также в своем основном значении, ср. *залоза, золоза* ‘железа, опухоль’ (пск., смол., брян., арх., север., якут. – СРНГ 10, 217; 11, 328). Преобразование **ж-** в **з-** наблюдается также в диал. *зелéзо* ‘железо’ (пск., петерб., новг., твер., влад., костр., ряз., калуж. и др. – СРНГ 11, 245).

Основная форма **железа** известна др.-рус. и рус.-цслав. памятникам в значении ‘glandula’, ‘жила’, ‘опухоль’ (Златоостр., XII в.; Псков. I л., 6868 г.; Ник.лет., 1406 г. – Срезн. 1, 849; СЛРЯ XI–XVII вв. 5, 81). В современном литературном языке это слово выполняет функцию анатомического термина с закрепленным за ним значением ‘орган, выделяющий необходимые для организма вещества или выводящий из организма вредные вещества’ (БАС 4, 56).

Славянские соответствия – укр. *залóза*, блр. *залóзá*, болг. *жлeзá*, с.-хорв. *жлужeзда*, словен. *žléza*, чеш. *žlaza*, польск. *zólza* и др. – имеют значение ‘glandula’. Слав. **želza* родственно лит. *gēležuonės, geležūnės*, мн. ч. ‘железы’ и арм. *gelj-k’* то же, являясь, таким образом, анатомическим термином с индоевропейскими истоками. О. Н. Трубачев предполагает этимологическую тождественность слав. **želza* ‘железа’ и **železo* < **želzo* ‘железо’, опираясь на литовские соответствия – *geležis, gelžis* ‘железо’ и ‘железа’¹³³. При таком подходе внутреннюю форму слав. **želza* можно определить как ‘нечто твердое, крепкое’. В основе диал. *золоза* ‘печень’ и ‘желчный пузырь’, по всей видимости, лежит сравнение с опухшей, увеличенной железой, т.е. признак набухания, выпуклости.

ЖЕЛЬЦО

Слово **жéльцо** фиксируется в новгородских говорах в значении ‘желчь или печень’: *Убей ты его, достань ты у него жельца* (СРНГ 9, 121). Очевидно, данное наименование представляет собой словообразовательный вари-

¹³³ О. Н. Трубачев. *Славянские этимологии. 1–7.* / Вопросы славянского языкознания. Вып. 2. М., 1957, с.32, 34.

ант общерусского *желчь* < праслав. **zьlьь* ‘желчь’ (др.-рус. *зълчь*, ст.-слав. *зльчь*, болг. *жльч* и др.), этимологически связанного с *зеленый* (Фасмер II, 45). Значение ‘печень’ сложилось в результате метонимического переноса названия с субстанции на орган ее выделяющий.

Большую сложность представляет объяснение структуры новг. *жельцо*. На наш взгляд, возможны две интерпретации. Во-первых, учитывая “цоканье” новгородских говоров, можно предполагать, изменение конечного *-ч-* в *-ц-* с последующим оформлением по типу деминутивов на *-це/-цо* (ср. *сельцо*, *тельце* с мягким *-л’-*). Во-вторых, нельзя исключать возможность архаического образования, восходящего к **zьлько* ‘зеленый, зелье’, ср. диал. *зель* ‘молодые озимые’, *зелко* ‘зельице, лекарство’ (Даль, I, 676).

КРОВЕНИК

Это название печени отмечено в тверских говорах (Даль II, 196; СРНГ 15, 267). В словаре Даля *кровеник* приводится также в значениях ‘кровавый веред, чирей, боляток’, во мн. ч. – ‘кровяные колбасы’ (без локальных помет). Это слово имеет прозрачную семантическую и морфологическую структуру и соотносится с прилагательными *кровеной* ‘к крови относящийся’, *кровяной* ‘из крови, с кровью’: *кровяные* сосуды, *кровяное* пятно (Даль, там же). Образовано от основы прилагательного с помощью суф. *-ик-*, обычно приносящего значение ‘носитель признака’ (ср. *утреник* ‘внутренности’). Таким образом, исходную семантику *кровеник* ‘печень’ можно определить как ‘кровяной орган’, что вполне оправдано, поскольку весь этот орган как бы пропитан кровью.

СИНЯК

Другим внешним признаком – цветом – мотивировано еще одно региональное название *синяк* ‘печень, воловья печенка’ (оренб. – Даль IV, 187). Как известно, обычное значение этого слова ‘кровоподтек, синее пятно на теле’ (Даль, там же; БАС 13, 843). Слово образовано от прилагательного *синий* с суф. *-як-*. Как название печени отражает особенность цвета этого органа (ср. *синюха* ‘кишка’).

ПСЕНЬ

Не поддается однозначной интерпретации волог. *псень*, род. *псня* ‘рыбья печень’, ‘печень у скотины и рыбы’ (Карт. СРНГ). Форма слова позволяет рассматривать его как отглагольное образование м. р. на *-ень* (ср. *плетень*, *цветень*) от диал. *псить* ‘вонять псиной’, *псетъ* ‘постепенно делаться вонючим’ (Даль, III, 105). В таком случае исходную семантику *псень* можно было бы определить как ‘воняющие, протухшие потроха, печень’. Аналогичные семантические отношения лежат в основе другого названия печени – *ксень* < **късень*, внутренняя форма которого определяется как ‘прокисшие, протухшие внутренности’ (ср. выше). Нельзя не заметить, что между словами *псень* и *ксень* наблюдается также внешнее подобие. Известно, что в говорах заднеязычное *з* и *к* подвержены ассимиляционным преобразованиям. В связи с этим напрашивается мысль о возможности вторичного преобразования в слове *псень* начального *к-* в *п-* в результате продвижения в более переднюю зону артикуляции под влиянием *-с-* т.е. *псень* < *ксень*. Как было показано выше, последнее широко распространено в северных и сибирских говорах.

РОЖНЫ

Слово *рожны* выступает как кулинарное наименование, обозначая части печени, испеченные на деревянных рожнях (палочках) (волог. – Карт. СРНГ). Очевидно, что здесь мы имеем дело с метонимическим переносом названия по способу приготовления.

* * *

Заемствованные названия печени – финно-угорского происхождения. Широким распространением характеризуется слово *макса* ‘печень налима или трески, рыбы потроха’ (БАС 6, 517; СРНГ 17, 314) из фин. *maksa* ‘печень’ (Фасмер II, 562). В диалектах известны уменьшительные образования: *макáска* ‘печень некрупной белуги’ (помор. – СРНГ 17, 309), *максюшка* ‘рыбья печень, молоки’ (Приамур., 150). В олонецких говорах отмечено слово *ма́йка* ‘печень рыбы’, вероятно, тоже заимствованное из финского: ср. фин. *maidit* ‘молоки’, *mäti* ‘рыбья икра’. Еще одно название – *вóекса*, *вóикса*, *вóюкса* ‘печень рыбы, морского животного, имеющая промысловое значение как сырье для вытапливания жира’ восходит к саам. *vuoija* ‘жир’, *vuoivns* ‘печень’ (СРНГ 5, 169; 4, 354).

* * *

Таким образом, русские названия печени представлены в основном исконными словами. Наиболее древние термины – *ядро* и *утрьник* – являются продолжения праславянской основы **otro-*, имеющей и.-е. истоки. Значение ‘печень’ данная основа развивает на славянской почве. Для древнего *ксень* < **kъsenь* значение ‘печень’ отмечено только в русском языке. Слово *печень* < **ре́сенъ* как анатомический термин представляет семантическую инновацию восточно- и западнославянских языков. Поздним образованием является термин *осердьё*, образующий русско-польскую изоглоссу.

Названия печени имеют следующую исходную семантическую базу:

- ‘внутренности’ > ‘печень’ (*ядро, утрьник, ксень*);
- ‘то, что находится в области сердца’ > ‘печень’ (*осердьё*);
- ‘набухшее, выпуклое’ > ‘печень’ (*ядро, золоза*);
- ‘печеное, жареное’ > ‘печень’ (*печень*).

Интересны наименования, содержащие в себе указания на физиологические субстанции, связанные с печенью, т.е. на желчь и на кровь: таковы слова *желъцо* и *кровеник*, а возможно, и само *печень*, для которого нельзя исключить семантическую модель ‘сгусток запекшейся крови’ > ‘печень’. Наконец, диал. *синяк* мотивировано внешним признаком – особенностью цвета.

5. Наименования почек

Почки представляет собой парный орган мочевыделительной системы. В “Анатомии” Л. Гейстера (140) приводится следующее описание этого органа: *Почки суть две внутренности, цветом вишневые, фигурою на зерно боба турецкого похожие в пояснице по обе стороны лежащие.*

Насколько нам известно, древние не приписывали почкам особого предназначения, как, например, сердцу, селезенке (ср. выше). Один из польских авторов к. XVI в. свидетельствует, что в народе почку называют “глупым мясом”, ибо “в самом жиру сидя, она худой остается” (*w samym tłuszczu siedząc chuda pozostaje*, S. Jagodziński – Warsz. III, 244). Функция этого органа до становления научной медицины вряд ли была известна, однако лечению заболевания почек издавна уделялось большое внимание: почечная боль (колика) приносит человеку огромные страдания (считается, что зубная боль уступает ей по интенсивности).

Русские наименования почек, как и названия печени, относительно немногочисленны. Можно разбить их на 2 семантические подгруппы – общие наименования и названия этого органа у животных.

ОБЩИЕ НАИМЕНОВАНИЯ ПОЧЕК:

Иста (Срезн. I, 1146); *лядвѣя* (Срезн. II, 98); *пѳчки*; *ѣтра* (Карт. СлРЯ XI–XVII вв.); *чресла* (Поликарпов 1704 г.).

НАИМЕНОВАНИЯ ПОЧЕК У ЖИВОТНЫХ:

Бѳрюшки (сиб. – СРНГ 3, 123); *бубрѣги* (Срезн. I, 188); *мѣзка* (терск. – СРНГ 17, 298); *мотылѣк* (зап. – СРНГ 21, 324); *нѣрки* (якут. – СРНГ 18, 307).

ЛЯДВЕЯ, ЛЯДВИЯ

Это старое слово. В древнерусских памятниках формы *лядвита*, *лядвета*, *лядвѣя* мн.ч. отмечаются в двух значениях – ‘поясница, чресла’ и ‘почки’ ср.: *Отъ чрьслѣ и лядвѣи* (*lumbi*, Изб. 1073); *Яко лядвѣи моя наплѣнишияся поруганиши и несть исцѣления въ плѣти моеи* (*ѣбаи*, Библ. Генн. 1499 г.); *Нѣкто братъ Вавила лядвѣями боля* (*renes*, Сим. Посл. Пат. Печ. – Срезн. II, 98; СлРЯ XI–XVII вв. 8, 349). В словаре Срезневского (II, 98) приводится производное *лядвѣньи*, значение которого можно определить как ‘находящийся в области поясницы’: *Иже камень онъ на лядвѣвноу истоу възливъ*

(Жит. теод. Ст.). В памятниках XVI–XVIII вв. слово *лядвия* характеризуется более широким спектром анатомических значений: ‘промежность, наружные половые органы’ (Травн. Любч. 183, 1535 г.), ‘ляжки’ (Мат. медиц. 681, 1657 г.), ‘почки’ (Леч. XVII в. – Терехова 358). В.С. Терехова, изучавшая медицинскую лексику XVII–XVIII вв., отмечает, что особенно часто это слово встречается в лечебниках в значении ‘ляжки’, реже как название почек, однако и это значение можно считать достаточно устойчивым (Терехова 358).

В СлАкРосс (3, 661) форма *лядвевя* толкуется как ‘верхняя часть ноги, от начала до колена простирающая’, т.е. бедро. В том же значении и с пометой *устар.* данное слово приводится в БАС (6, 457): *У него на правой лядвее вскочил прыщ* (Салт. В сфере влияния).

Преображенский отмечает книжный характер русск. *лядвевя*, рассматривая его как заимствование из церковнославянского (Преобр. I, 497). Однако диалектный материал свидетельствует в пользу исконности русского слова: кроме формы *лядвѣя* ‘бедро, ляжка’ (вят., костр.), ‘верхняя мягкая часть задней ноги у животного’, ‘ягодица’ (костр.), в говорах отмечается архаичное по структуре *лядѡва* ‘бедро’ (вят., костр.) (СРНГ 17, 263).

Тот же круг значений характеризует славянские соответствия: ‘бедро’ (с.-хорв. *ledva* мн. ч., словен. *ledevjè* ср.р., укр. *лїдѡви* мн.ч.), ‘поясница’ (слвц. *l'advie*, польск. *łędźwi* мн.ч.), ‘почки’ (слвц. *l'advu* мн. ч., *ledva*). Ст.-слав. *ладѡвѡа* мн.ч. и ст.-чеш. *ledví* мн.ч. развивают обобщающее значение ‘внутренности’. Совмещение указанных значений наблюдается в с.-хорв. *leda* мн.ч. *lumbus, genes, dorsum*; ст.-чеш. *ledvie* мн.ч. ‘почки’, ‘бедро’; в.-луж. *ladźba* ‘бедро’, ‘поясница’; н.-луж. *ladwo* ‘поясница’, ‘почки’ (ЭССЯ 15, 49). Для праславянского состояния реконструируются варианты основ с показателями *-ĭ, -o, -a*: **lędvь, *lędvo, *lędva* (ЭССЯ, там же). Имена на *-ьje, -ьja* представляют собой производные со значением собирательности.

Славянский термин имеет древние индоевропейские истоки, ср.: др.-в.-н. *lentī* ‘ляжка’, др.-исл. *lend*, нем. *Lende* то же < **lendhy-*, с другим вокализмом – лат. *lumbus* ‘ляжка’ < **lond-ou-s*, норв. *lund* ‘бедро, ляжка’ < **lundō*, англос. *lendenu* мн.ч. то же, *lund-laga* ‘почки’, *lynd* ‘почки’, ‘сало, жир’ (ЭССЯ 15, 49). Исходя из семантики индоевропейских соответствий, наиболее древним можно считать значение ‘бедро, ляжка’. Развитие значения ‘почка’, по всей видимости, представляет собой результат метонимического переноса (нередкого в сфере соматизмов): ‘поясница’ > ‘то, что находится в области поясницы’ > ‘почки’. В качестве семантической аналогии можно привести цслав. *чресла* ‘почки’ (Поликарпов 1704 г.) < *чресла* ‘бедро’, ‘поясница’.

ИСТА

Данное слово – древний анатомический термин. В качестве обозначения почек широко представлено в древнерусских и русских церковнославянских памятниках: *Что ли истеса* (*renes*, Гр. Наз. XI в.), *Испытати срѣдца и истеса Бъ* (Панд. Ант. XI в.), *Обѣ истѣ и лои* (*δύο νεφρούς*, Исх. XIX по сп. XIV в. – Срезн. I, 1146). В ряде памятников формы мн.ч. на *-s-* *истесы* и *кстеса* используются в других соматических значениях – ‘шулята, детородные яйца’ (Никон. Панд. сл., Изб., 1073 г.) и ‘чресла, поясница’ (Поликарпов, 1704 г.). По наблюдениям С. Б. Бернштейна, в церковнославянских памятниках русского извода слово *исто* встречается значительно чаще, чем в старославянских. В последних форма мн.ч. *истеса* отмечается в значениях ‘почки’ и ‘утроба’ (Супр. рук.)¹³⁴.

Материал старорусских письменных источников демонстрирует широкое распространение данного термина в лечебной литературе XVI–XVIII вв. В Травнике Любчанина (1534 г.) он используется в 2-х значениях – ‘почки’ и ‘шулята’, в ряде лечебников – только в значении ‘шулята, детородные яйца’: *Тою водою помазуй болячки кои бывают на истех мужеских* (Леч. XVII в. – Терехова 87). В русских врачебниках XVII–XVIII вв., опубликованных Л. Т. Змеевым, слово *иста* ‘*renes*’ используется параллельно с другим названием – *почки*: *О болести в устахъ и въ кишкахъ... О камени в пузыре и въ почкахъ* (Благоприятный Цветник, 1616 г. – Змеев 31). В лексиконах и словарях XVIII–XIX вв. данное слово отсутствует. Не используется оно и в первых русских изданиях по научной анатомии (Л. Гейстер, Н. Амбодик и др.). Этот факт позволяет предположить, что к XVIII в. слово *исто* вышло из активного употребления.

Данное слово имеет соответствия в ряде славянских языков: серб. диал. *jisto* ‘почка’, полаб. *jaista* мн.ч. ‘почки’ (ЭССЯ 8, 242). Тот же корень в словен. *obist* ‘почка’, *obisten* ‘почечный’; в сербохорватских говорах отмечено собирательное *obistje* ‘область почек’¹³⁵. Значение ‘детородные яйца’ известно только русскому языку, однако можно считать его достаточно древним, на что указывают индоевропейские соответствия: др.-исл. *eista* ‘яичко’ < и.-е. **oid-sto* от **oid-*, для которого восстанавливается значение ‘раздуваться, набухать’ (ЭССЯ 8, 242–243).

Праславянская форма реконструируется как **jbs-to* с суф. *-to*. Вариант **jbstes-* с оформлением по типу основ на *-s-* признается вторичным (Sławski

¹³⁴ См. С. Б. Бернштейн. *Очерк сравнительной грамматики славянских языков*. М., 1974, с. 156.

¹³⁵ Там же.

– Sł.prasl. 2, 39; ЭССЯ 8, 242)¹³⁶. Слав, **jbsto* < **ǰd-sto* отражает ступень редукции и.-е. **ǰd-sto*.

Таким образом, слав. **jbsto* – древний анатомический термин с индоевропейскими истоками. В основе его семантики лежит признак набухания, округлости.

ПОЧКИ

В современном литературном языке слово *почки* мн.ч. выступает в качестве единственного термина для обозначения соответствующего органа у человека и животных. БАС (10, 1727) приводит два значения – анатомическое и кулинарное: 1. Орган мочеотделения у человека и позвоночных; 2. Этот орган некоторых животных как пища. По отношению к *почка* ‘зачаток листа’ анат. и кулин. *почка* квалифицируется словарями современного языка как омоним.

По данным исторических словарей, как название внутреннего органа данное слово появляется в русских памятниках начиная с XV в.: *Объ почки и лои, иж на нею* (*δβο νεφροῦς*, Лев. VII по сп. XV в.); *...так почкамъ того свѣдтель ѿт бѣ* (*renes*, Библия. Генн. 1499 г. – Срезн. II, I330; Карт. СлРЯ XI–XVII вв.). В более ранних источниках оно выступает в другом значении – ‘единица веса : 1/20, 1/25 золотника’ (Новг. I л., 6954 г. – Срезн. II, I330). В качестве анатомического термина это слово приводится в Лексиконе Поликарпова (*почки*, 1704 г.) и Российском Целлариусе (*почка*, 1771 г.). В СлАкРосс (V, 111) и “Опыте” Бурнашева (II, 132) наряду с анатомическим отмечено значение ‘древесные почки’. Даль (III, 372) добавляет к ним специальные геологические: ‘всякий округло-шишковатый камень’ (*почка* малахитная, колчеданная); ‘гнездовая руда, сидящая в матке как бы почками’ (рудная *почка*).

Диалекты дополняют семантический спектр этого слова “ботаническими” значениями (‘картофельные клубни удлиненной формы’, ‘сережки, соцветия березы’), а также необычным кулинарным – ‘заяц после снятия шкуры, заячий задок’ (тамб. – Карт. СРНГ).

Как наименование внутреннего органа слово *почка* известно только русскому и украинскому языкам, причем в украинском форма мн.ч. имеет еще одно соматическое значение – ‘внутренности тела’ (Гринченко III, 393). В

¹³⁶ Иная точка зрения принадлежит В. В. Мартынову, признающему основу на *-s-* первичной. Впоследствии, по его мнению, произошла унификация склонения под влиянием существительных ср.р. с *-ǰ-* основой. См. В. В. Мартынов. *Из славянских этимологий.* / Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 2. М., 1962, с. 50.

сфере ботанических наименований фиксируются укр. *почка* ‘зернышко тыквы’, польск. *pecka* и *pestka* ‘косточка (плодовая)’, чеш. *pecka*, словен. *pečka* и *peček* ‘семечко, косточка’ (Гринченко III, 393; Фасмер III, 348). Ст.-слав. *поцька* отмечено в значении ‘камешек’¹³⁷.

Для понимания внутренней формы слова *почка* очень важен семантический аспект. Представляется, что значения ‘внутренний орган’ и ‘зачаток листа, семечко’ генетически едины, хотя в этимологической литературе *почка 1* (орган) и *почка 2* (древесная) обычно представлены как этимологические омонимы (Преображ. II, 118; Фасмер III, 348 и др.). Миклошич (EW 234, 254) рассматривает анат. *почка* как производное с чередованием корневого гласного от глагольной основы **рек-* (*печь, пеку*), т.е. как образование одного происхождения с анат. *печень*. Фасмер считает такую этимологию маловероятной. Точка зрения Бернекера, предполагающего этимологическое тождество анат. и ботан. *почка*, также представляется Фасмеру неубедительной (Фасмер III, 348). На наш взгляд, генетическое единство этих слов не вызывает сомнений: как было показано выше, наименования внутренностей, основанные на метафоре – довольно частое явление, ср. *желудок, пупок* и др. Приведем фрагмент анатомического описания почек, типичный для старых изданий по анатомии: *Почки человека напоминают нераспустившиеся древесные почки, сидящие на позвоночнике как на ветви. Вид их подобен турецкому бобу* (т.е. плоду фасоли)¹³⁸. Подобные описания внешнего вида почек свидетельствуют в пользу метафорического характера названия. Таким образом, мы предполагаем этимологическое тождество анат. и ботан. *почка*. С учетом славянских соответствий праформа может быть реконструирована как **ръська* < **ръйька*. Эта же основа в другом народном соматизме – пск. *потка* ‘membrum virile’ (у мальчиков) < **ръька* (Карт. СРНГ; Фасмер III, 398). Последнее имеет семантически близкое соответствие в лит. *pūtė* ‘cunpus’ (Фасмер, там же, см. *птица*). Архаическая семантика данной основы сохраняется литовским глаголом *pūsti, puīta, pūto* ‘набухать, надувать’ (Фасмер III, 348). Это позволяет интерпретировать семантическое развитие рус. *почка* следующим образом: ‘нечто набухшее, твердое’ > ‘плодовая косточка, семечко, древесная почка’ > ‘почки (орган)’.

¹³⁷ См. также: А. Вайян. *Этимологические заметки*. / Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971, с. 86.

¹³⁸ Приводится по: Н. Т. Соколов. *Русская анатомическая терминология*. Дисс. ... канд. мед. н. Астрахань, 1965, с. 595.

ЯТРА

Этот древний анатомический термин обычно выступает в славянских языках как обозначение печени, а также – как обобщающее наименование внутренностей. В некоторых русских и русских-церковнославянских памятниках он приобретает значение ‘почки’: *Ятра* – *почки* внутрь утробы сушая (Алф. 446, XVII в. – Карт. СлРЯ XI–XVII вв.), *ятра* зри *почки* (Поликарпов, 1704 г.). В данном случае значение ‘почки’ следует рассматривать как результат сужения более общего значения ‘внутренности’ (праслав. **qtr-/*etr-* < и.-е. **entro-*; см. выше).

БОРЮШКИ

Диал. *бóрюшки* ‘почки животного’, отмеченное в Сибири (СРНГ 3, 123), представляет собой деминутивное производное на *-юшк-* от слова *борá* ‘сборка, складка, сгиб’ (Даль I, 114; СлАкРосс I, 292) < **borь* ‘морщина, складка’ (ЭССЯ 2, 218). Старую семантику сохраняет вариант *бору́шка* ‘воротник в мелких складках, сборках’, ‘низаное ожерелье’ (костр., волог. – Даль I, 114). Надо полагать, *бóрюшки* как наименование почек обусловлено особенностями строения данного органа – наличием складок и перегородок на внутренней поверхности. Этот же принцип номинации лежит в основе целого ряда соматических наименований (ср. выше названия желудков у жвачных).

МОТЫЛЕК

Другое сибирское наименование – *мотылёк* – характеризуется значением ‘гусиные почки’ (СРНГ 18, 307). Думается, что это слово представляет собой семантическое производное, основанное на метафоре, от *мотыль*, *мотылек* ‘бабочка’ (СРНГ, там же; СлАкРосс 3, 867): симметрично расположенные почки могут напоминать своей формой крылья бабочки. Подобные метафорические наименования внутренностей встречаются в диалектах, ср. *зусак* ‘ливер’ (по сходству с летящим гусем).

МАЗКА

На территории Терской области отмечено *ма́зка* ‘почки рыбы’, известное также в значении ‘слизь, покрывающая тело рыбы во время зимовки на дне водоема’ (касп. – СРНГ 17, 298). Последнее значение, а также форма слова

позволяют соотнести его с глаголом *мазать(ся)*. Однако, возможна и другая интерпретация: *мазка* может быть локальным вариантом заимствованного *максá* ‘печень рыбы’ < фин. *taksa*, переоформленным под влиянием глагола *мазать*.

БУБРЕГ

Данное слово представляет собой старое заимствование из тюркских языков: ср. тур. *böbrek*, азерб. *böbrak* ‘почки’. В русских церковнославянских памятниках отмечаются варианты *бубръкъ* и *бубрекъ* ‘νεφρος, γεν’ (Гр. Наз. с толк. Ник. пр., XVII в. – Срезн. I, 188). Форма *бубръкъ* приводится в лексиконах Берынды и Поликарпова. СлАкрОсс (I, 327) дает для этого слова значение ‘почка у животных’, сопровождая его пометой *вышедшее из употребления*.

В значении ‘почка (у животного)’ данное слово отмечается также в болгарском (*бубрек*) и сербохорватском (*бубрег*) языках (Фасмер I, 226). Ввиду наличия конечного *-тъгъ* предполагается заимствование из древнеболгарского (Фасмер I, 226).

НЫРКА

Это слово, отмеченное на западной территории, заимствовано через посредство блр. и укр. *нырка* ‘почка животного’ из польск. *nerka, nyrka* ‘почка’ (Warsz. III, 244). Польский термин в свою очередь является заимствованным из ср.-в.-н., нов.-в.-н. *Niere* с тем же значением (Фасмер III, 91; Brückner 358).

* * *

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что русские наименования почек в большинстве своем представлены исконными словами. Древние названия *лядвия* < **lədvija* < и.-е. **lendh₂-* и *усто* < **jъsto* < и.-е. **oǵdsto* имеют индоевропейские истоки, однако значение ‘почка’ не является для них этимологически первичным. Для слова **lədvija* / **lədvъ* соответствия со значением ‘почки’ отмечаются лишь в отдельных индоевропейских языках (англос. *lund-laga, lynd*). Продолжения праслав. **lədvija* / **lədvъ* известные всем славянским языкам, характеризуются многозначностью; значение ‘почка’ для них лишь одно из многих. Последовательно в значении ‘почка’ отмечается праслав. **jъsto*, однако распространение этого термина ограничено восточно- и южнославянскими языками. Анат. *почка* < **ръцька* следует признать

семантической инновацией восточнославянских языков. Собственно русские наименования представляют собой регионализмы (*борюшки, мазка, мотылек*).

В ходе исследования выявились следующие семантические модели:

- ‘нечто набухшее, округлое’ > ‘почка’ (*исто, почка*);
- ‘то, что находится в области поясницы’ > ‘почки’ (*лядвия, чресла*);
- ‘внутренности’ > ‘почки’ (*ятра*).

Внутренняя форма диалектных наименований почек у животных определяется особенностями строения или внешнего вида этого органа (*борюшки, мотылек*). Выявленные модели демонстрируют отсутствие названий, отражающих представления о физиологической функции почек.

Заключение

Обобщение результатов анализа каждой из 5-ти тематических групп позволяет сделать следующие выводы:

1. Формирование народной анатомической терминологии – процесс длительный, охватывающий не одно тысячелетие, о чем свидетельствуют наименования разной хронологической глубины:
 - с индоевропейскими истоками (*утроба, ятро, брюхо, пузо, лядвия, исто*);
 - восходящие к праславянской эпохе (*чрево, лоно, требух/а/, ксень, литонья, желудок, сырище*);
 - восточнославянские (*живот, почки, кавбух, кельбухи* и др.);
 - собственно русские (более 80 % всех наименований).Более 10 % изучаемой лексики составляют заимствования.
2. Групповой способ исследования материала позволил точнее интерпретировать структуру и семантику каждого слова на фоне всей группы в целом, определил ряд устойчивых моделей номинации. Это дало возможность выявить наличие этимологических синонимов – основ со сходной первичной семантикой, для производных которых также характерна синонимия: примером могут послужить гнезда лексем *брюхо* и *пузо*.
3. Определение общих закономерностей развития – типичных для данной лексики морфологических и семантических моделей – помогло уточнить генетические связи многих наименований (*требух/а/, желудок, потрох/а/, почечуй, жаронки, ветрюх, псень, яжжуха* и др.), в частности – установить этимологическое тождество некоторых омонимов (напр., ботан. *почка* и анат. *почка*), а также – предположить исконное происхождение ряда лексем (*бутро, зель, кокыш, кукиша* и др.).
4. Структурный анализ показывает, что в образовании древних наименований внутренних органов довольно активно участвует формант *-r-*, вообще характерный для соматической лексики, т.е. для названий как внутренних, так и внешних частей тела, ср.: *бедро, ребро, ятро, ядро, недро*,

пузро (а также более поздние – *едер, кутырь, нутир* и др.). Несколько старых названий живота, в том числе древнее *брюх/о/*, содержат суффиксальное *-х-*, ср.: *требух, кавбух*. Формант *-j-*, обычно привносящий значение собирательности, характеризует наименования разного возраста: ср. *лядвия, ксенье, литонья, лунье* и др. Путем сочетания этого суффикса с префиксом *о-* образован целый ряд русских терминов, указывающих на расположение органа или части тела: *осердьё, очеревье, огузье, обочье, ощечье* и т.п. Данная модель известна и другим славянским языкам: ср. польск. *osierdzie* ‘орган в области сердца’, с.-хорв. *obistje* ‘область почек’. В образовании поздних обозначений внутренностей активно участвуют суффиксы *-ин/-ен-*: *брюшина, требушина, нутрина, пуздровина, брюховеня, нутреня, кишень/-я/*. Часты деминутивные наименования: *брюшеницо, жельцо, чревец, осерек, падробки, роговешка* и т.п.

5. Изучаемая лексика характеризуется многозначностью, исторической подвижностью значений. Обращает на себя внимание разная степень закреплённости лексем в функции термина: во многих случаях конкретное анатомическое значение слова можно определить лишь из контекста, ср.: *...приемуци плодъ утробы чрева твоего* (Изм. XVI в. ~ XIV в. – Срезн. I, 323); *...чрево мое изъ утробы лономъ моим изыде вонъ*; (Ч.Серг.Р.Аз. 1654 – СлРЯ XI–XVII вв. 8, 281); *...губу греческую прикладываем къ брюху тогда утроба кровавая уймется* (Леч. F-VI, XVII в.). По нашим наблюдениям, такое явление отмечается в памятниках (включая специальные медицинские издания) вплоть до к. XVII в. Более упорядоченным употребление соответствующих наименований становится в XVIII в., что, несомненно, связано со становлением научной анатомии и медицины, с распространением в России переводных анатомических изданий и разработкой собственно научной терминологии.
6. Характерно, что наибольшее количество анатомических значений развивают древние основы с индоевропейскими истоками, ср., например, семантику терминов, восходящих к праслав. **qtr-/ *qtr-* < и.-е. **antr-* ‘внутреннее’: *утроба /ятреба* ‘живот, внутренности, желудок’, *нутро* ‘внутренняя часть организма’, *внутренности* ‘совокупность внутренних органов’, *ятро* ‘печень’, ‘почки’. Надо полагать, подобная полисемия является следствием синкретизма семантики древнего термина: в сознании древнего человека представление о насыщении связывалось с животом (утробой) вообще, назначение отдельных органов не детализировалось.

7. В говорах сохраняется многозначность изучаемой лексики: для большей части слов анатомическое значение лишь одно из многих характеризующих их значений. Строго говоря, терминологизации на русской почве подверглась только небольшая часть наименований: *внутренности, утроба, живот, брюхо, желудок, печень, почка, рубец, сетка, книжка, сычуг, пупок*. Многие из них первоначально функционировали в кулинарной сфере, ср.: *рубец, печень, сычуг*. Подобное развитие предполагается для терминов *желудок* и *почки*.
8. Анализ семантических моделей показывает, что наиболее часто номинация основана на внешнем признаке – форме, цвете и т.п. (ср. *брюхо, пузо, желудок, почка, мотылёк, гусак, синяк* и др.). В ряде случаев название определяется особенностями анатомического строения (*рубец, сетка, борюшки* и др.). Реже встречаются наименования, в основу которых положен признак расположения органа (*внутренности, осердье, лядвия, чресла*) или указание на его предназначение, функционирование (*сырище, жеренки, перебериха, ветрюх*). Названия последнего типа представлены в основном поздними образованиями и почти без исключения относятся к желудку: вероятно, функция этого органа была наиболее понятной. Древние термины не содержат подобных указаний, в их основу положен признак округлости, выпуклости или нахождения внутри организма. В пользу регулярности выявленных семантических отношений свидетельствует повторяемость моделей в рамках изучаемой группы, а также тот факт, что многие термины иноязычного происхождения сложились в результате тех же семантических переходов, что и исконные наименования, ср.: др.-рус. *мамонь* ‘утроба’ < *мамон/а* ‘имущество’ < греч. *μαμωνᾶς* то же; диал. *кадык* ‘брюхо’ < тат. *kadyk* ‘твердый, выступающий’; диал. *лагун* ‘живот’ < нем. диал. *lage* ‘сосуд’ и т.п.

ANATOMINĖ LIAUDIES TERMINIJA RUSŲ KALBOJE

PILVO ORGANŲ PAVADINIMŲ ŽODŽIŲ DARYBOS IR SEMANTIKOS REKONSTRUKCIJA

S a n t r a u k a

Paskutiniųjų dešimtmečių istorinės ir lyginamosios kalbotyros raidai yra būdingas ypatingas dėmesys leksikai. Leksinio lygmens organizacijos sudėtingumas, jo maksimalus atvirumas ir judrumas, o taip pat tiesioginė priklausomybė nuo realiųjų sferos apsunkina tyrimą. Ypač svarbią reikšmę įgauna analizės metodai, užtikrinantys rezultatų objektyvumą. Naujų tyrimo būdų ieškojimas pagrįstas sisteminiu požiūriu, o tai numato bet kurio kalbos vienetą (žodžio) tyrimą jo sintagminių ir paradigminių ryšių kontekste (D.Šmeliov, N.Tolstoj, V.Martynov). Diachronijos atžvilgiu galima kalbėti apie naujo **kompleksinio** metodo formavimąsi, pagrįstą dviejų tradicinių – struktūrinio genetinio ir daiktinio semantinio – žodžio analizės būdų derinimu (O.Trubačiov). Pirmasis, struktūrinis genetinis, būdingas etimologiniams tyrimams ir žodynams, yra taikomas etimologinių lizdų leksinei sudėčiai bei genetiniams ryšiams nustatyti, taip pat – morfologinei ir morfonologinei žodžio struktūrai analizuoti lyginamajame istoriniame fone (F.Slawski, Ž.Varbot). Antrasis, daiktinis semantinis, pagrįstas leksikos išskaidymo į sąvokų sferas idėja, taikomas ideologinės leksikografijos teorijoje, taip pat daugybėje atskirų leksinių semantinių grupių tyrimų (C.Buck, J.Schröpfer, T.Gamkrelidze).

Tyrinėjimai, atlikti praslavų leksinio fondo rekonstrukcijos ir slavų kalbų istorinės leksikologijos srityje, užtikrina kompromiso tarp dviejų aukščiau minėtų būdų tikslumą. Į žodį žiūrima tarsi į skirtingų koordinačių sistemų (t.y. įvairių tipų leksinių grupių) susikirtimo tašką: viena, tai yra morfeminės grupės, šakniniai lizdai, antra vertus, tai grupės, vienijamos semantikos artumo principu – leksinės semantinės ir daiktinės semantinės (tematinės). Taigi žodžio analizė ir rekonstrukcija atliekamos įtraukiant visų šių grupių raidos duomenis (R.Cejtlin, E.Šimčuk, I.Némec). Senovinio žodyno rekonstrukcijos praktikoje toks būdas reiškia grynai kalbinių, struktūrinių santykių tyrimą per daiktinės semantinės grupės prizmę. Dėl tos priežasties auga monografinių semantinių grupių tyrimų istoriniu aspektu reikšmė.

Grupinis leksikos tyrinėjimo būdas leidžia tiksliau interpretuoti kiekvieno žodžio struktūros ir semantikos ypatumus grupės fone, taip pat – geriau suprasti visos grupės organizacijos principus semantikos ir morfologijos atžvilgiu, atskleisti formų istorinio sąryšio rūšis – semantinių ir morfologinių modelių reprodukciją. Daugeliu atvejų semantinių grupių istorinė analizė leidžia rekonstruoti ne tik prarastus kalbinius ryšius, bet ir senovinių tikėjimų bei socialinių gamybinių santykių specifiką (O.Trubačiov, T.Gamkrelidze, V.Ivanov).

* * *

Slavų kalbotyroje istoriniu aspektu tiriamos pačios įvairiausios leksinės grupės: giminytės terminai, gyvūnų, augalų, ligų pavadinimai, geografinė, meteorologinė, amatų ter-

minija ir t.t. (O.Trubačiov, N.Tolstoj, V.Mokijenko ir kt.). Nepakankamai ištirta lieka terminija, susijusi su žmogaus ir gyvūnų pilvo organų pavadinimais: anatominei leksikai skirtuose tyrimuose paprastai nagrinėjami išorinių žmogaus kūno dalių pavadinimai (J.Sendrovic, A.Zauner). Trumpa pagrindinių vidaus organų pavadinimų charakteristika pateikiama istorijos ir leksikologijos vadovėliuose bei monografijose (P.Černych, J.Elenskij, V.Kiparsky). Atskirų žodžių, žinomų kaip vidaus organų pavadinimai, istorija ir etimologija nagrinėjama (specialiai arba ne) kai kurių tyrėjų straipsniuose ir disertacijose (O.Trubačiov, A.Lvov, V.Terechova). Taigi galima konstatuoti, kad pilvo organų pavadinimai iki šiol nebuvo specialiai tiriami. Rusų kalboje iki šiol nebuvo atskleista visa tos grupės sudėtis, nesurinkti tarminiai pavadinimai. Tačiau visapusiška šios žodyno dalies analizė (įtraukiant dialektinę ir istorinę leksiką), jos istorijos atkūrimas yra svarbūs istorinės leksikologijos ir praslavų leksinio fondo rekonstrukcijos uždaviniams spręsti. Be to, anatominės leksikos nagrinėjimas padeda atkurti mūsų protėvių žinias apie žmogaus kūno sudėjimą.

* * *

Šiame mokslo kūrinyje yra analizuojama terminija, susijusi su žmogaus ir gyvūnų pilvo organų pavadinimais rusų kalboje. Tyrinėjimo tikslas – nurodomos leksinės grupės rekonstrukcija semantikos ir žodžių darybos atžvilgiu. Šiam tikslui pasiekti numatomi šie uždaviniai:

- nustatyti nagrinėjamos grupės sudėtį, naudojant rusų tarmių žodynų bei literatūrinių paminklų medžiagą;
- lyginamojo istorinio ir vidaus rekonstrukcijos metodų būdu nustatyti analizuojamos leksinės grupės senumą, jos raidos kryptis; atlikti chronologinių sluoksnių stratifikaciją;
- atlikti visų terminų žodžių darybos bei semantikos rekonstrukciją atsižvelgiant į slavų ir indoeuropiečių foną; nustatyti nominacijos principus.

Kadangi didelę tiriamos medžiagos dalį sudaro lokalaus plitimo pavadinimai, kurių nėra etimologiniuose žodynuose, autorei teko etimologizuoti juos, nors tai ir nebuvo tiesioginis tyrimo uždavinys.

Darbe naudojamas kelių metodų – vidinės rekonstrukcijos, lyginamojo istorinio ir gretinamojo – derinys.

* * *

Pasirinkti šie pagrindiniai medžiagos šaltiniai: V.Dalio žodynas, „Rusų liaudies tarmių žodynas“, jo Kartoteka (Rusijos MA Kalbotyros institute Sankt Peterburge), regioninių tarmių žodynai. Istoriniai duomenys, reikalingi nagrinėjamos leksinės grupės semantinei raidai atkurti, paimti iš I.Sreznevskio žodyno ir „XI–XVII a. rusų kalbos žodyno“. Be to, kaip šaltiniai buvo įtraukti kai kurie rašytiniai paminklai: senoji rusų literatūra apie anatomiją ir kulinariją, medicinos patarimų rinkiniai, etnografinė medžiaga. Etimologijos duomenys paimti iš „Praslavų žodyno“ (red. F.Slawski), „Slavų kalbų etimologinio

žodyno“ (red. O.Trubačiov) ir jo Kartotekos (Rusijos MA Rusų kalbos institutas Maskvoje), taip pat – iš atskirų kalbų etimologinių žodynų (M.Vasmer, A.Brückner, V.Georgijev, J.Holub-F.Kopečny, V.Machek, E.Fraenkel, V.Mažiulis, P.Skok ir kt.).

* * *

Kūrinį sudaro dvi analitinės struktūrinės dalys. Pirmoje dalyje *Anatomijos žinių formavimasis ir raida Rusijoje (nuo seniausių laikų ligi mokslinės anatomijos atsiradimo)* apžvelgiama anatominių žinių raida. Antroji dalis *Žmogaus ir gyvūnų vidaus organų pavadinimų diachroninė analizė* sudaryta iš penkių skyrių, kuriuose pateikiama atitinkamai penkių leksinių grupių – pilvo, skrandžio, kepenų, inkstų ir visus organus apibendrinančių pavadinimų – diachroninė lingvistinė analizė, ypatingą dėmesį skiriant žodžių darybos bei semantikos rekonstrukcijai. Kiekvienas žodis nagrinėjamas plačiame slavų bei kitų indoeuropiečių kalbų fone. Po kiekvieno II dalies skyriaus pateikiami analizės rezultatai. Išvados šie duomenys apibendrinami.

I d a l i s

ANATOMIJOS ŽINIŲ FORMAVIMASIS IR RAIDA RUSIJOJE (NUO SENIAUSIŲ LAIKŲ LIGI MOKSLINĖS ANATOMIJOS ATSIKADIMO)

Anatominės leksikos raidos ypatumai nėra susiję su pakitimais realijų sferoje ir visų pirma priklauso nuo sudėtingo ir prieštaringo žmogaus pažinimo proceso. Nenuostabu, kad senasis ikimokslinis supratimas apie kūno dalių ir organų funkcijas buvo irealus, nuklystantis į magiškumo ir sakralumo sferą. Manoma, kad daugelis žmogaus kūno dalių buvo pavadinotos taip pat, kaip ir atitinkamos gyvūnų kūno dalys, tai liudija žmogaus ir gyvūnų organų pavadinimų neatskyrimo faktas. Žmogaus ir gyvūnų organų sutapatinimu gali būti aiškinaama ir gana paplitusi „išgydymo“ praktika, kurios esmė buvo ritualinės manipuliacijos gyvūnų vidaus organais. Rusijos teritorijoje tokių veiksmų apraiškos buvo fiksuojamos dar XIX amžiaus pabaigoje (A.Makarenka). Ritualiniai ir kultiniai senovės žmogaus veiksmai padėjo sukaupti įvairių anatominių žinių (taip pat ir apie vidaus organų sandarą). Aiškesnis supratimas apie kūno sandarą susiformavo žmogaus buitinės veiklos (visų pirma gyvulininkystės, amatų ir maisto gaminimo) dėka. Zoologijos srities anatominės žinios buvo tik viena iš gyvojo organizmo pažinimo pakopų. Kasdienis žmogaus gyvenimas suteikdavo jam galimybių tiesiogiai stebėti savo kūną. Tačiau pagrindinę reikšmę žmogaus organų pažinimui turėjo sąmoningi skrodimai. Žinoma, kad kai kurios rytų slavų gentys buvo susipažinusios su lavonų konservavimu (N.Bogojavlenskij). Panašios operacijos reikalavo iš atlikėjo gero vidaus organų vaizdo ir jų išsidėstymo žinojimo, tačiau nepadėdavo suprasti jų fiziologijos, taigi daugumos organų funkcijos likdavo paslaptimi.

Kartu su krikščionybės priėmimu ir raštingumo plėtra Kijevo Rusijoje ėmė plisti verstinė literatūra, taip pat ir kūriniai, kuriuose buvo aptariami pasaulio sukūrimo, kūno ir sielos santykio klausimai (pvz., „Šestodnev“). Tačiau sisteminių anatominių bei medicininių žinių raida Rusijoje vyko labai lėtai. Anatomijos ir mokslinės medicinos pradininkų darbai, atkeliavę į Rusiją keliais šimtmečiais vėliau nei atsiradę ankstyvųjų viduramžių Europoje, buvo žinomi tik siauram išsimokslinusių žmonių (dažniausiai dvasininkų) ratui. Žinoma,

kad XV a. viduryje Belozioro vienuolyno ihumenas (vyresnysis) Kirilas vienuolyno poreikiams parašė traktatą „Galenas prieš Hipokratą“, kurio pagrindą sudarė Galeno anatomicinės pažiūros. Galeno anatomija darė didžiulę įtaką gamtos mokslų raidai Europoje net iki XV–XVI a. Rusijoje traktatas „Galenas prieš Hipokratą“ dar ilgai buvo vienintelė knyga, skirta anatomijos ir medicinos klausimams.

Svarbi gamtos mokslų formavimuisi XVI–XVII a. buvo taip vadinama „pseudo-aristotelio“ literatūra (pvz., „Aristotelio problemata“). Pagal mokslines Renesanso tradicijas tokie kūriniai būdavo sudaryti iš kosmografijos, biologijos, taip pat anatomijos ir medicinos enciklopedinių kodeksų. Didžiulį populiarumą Rusijoje pelnė verstiniai medicinos patarimų rinkiniai („lečebnikai“ ir „travnikai“). Jų turinį sudarė informacija apie ligų simptomus ir priežastis, apie gydymo priemones. Kai kuriose tokio tipo knygose aprašomos chirurginės operacijos. Medicinos istorikų liudijimu, būtent verstinės literatūros dėka Rusijoje pamažu susiformavo taikus požiūris į chirurgiją ir lavonų skrodimą, o gydymo patarimų rinkiniai sąlygojo namų medicinos raidą (L.Zmejev).

Anatomijos tapimas moksline disciplina Rusijoje siejamas su Petro I epocha (N.Bogojavlenskij). Būtent tuo metu tarnybai kviečiami žinomi anatomai iš užsienio, atsidaro medicinos mokyklos, organizuojamos viešos paskaitos apie anatomiją. Sostinių gyventojai gali stebėti vidinę organų struktūrą. Kartu su Maskvos universiteto atidarymu XVIII a. viduryje įvyksta galutinis anatomijos virtimas savarankiška moksline disciplina. Atsiranda verstiniai vadovėliai (pvz., L.Gejster). Tuo metu pradeda formuotis rusų specialioji anatomicinė nomenklatūra, apjungianti tautinius pavadinimus ir naujus verstinius terminus. Vėliau specialioji anatomicinė terminologija papildoma lotynų bei graikų skoliniais ir kalkėmis (N.Sokolov), taigi dabartinėje terminų sistemoje tautiniai pavadinimai sudaro nedidelę dalį. Tačiau dauguma pagrindinių organų ir kūno dalių išlaikė senus pavadinimus (pvz., *желудок, печень, кишка, лопатка, челюсть* ir t.t.).

II d a l i s

ŽMOGAUS IR GYVŪNŲ VIDAUS ORGANŲ PAVADINIMŲ DIACHRONINĖ ANALIZĖ

Visapusiškas leksinės grupės tyrinėjimas, nukreiptas į jos rekonstrukciją, numato išraiškos plano ir turinio plano, t.y. žodžio struktūros ir semantikos nagrinėjimą. Darybos analizės procedūra visų pirma reiškia morfologinės sudėties (šakninės morfemos struktūros, afiksų, apofonijos tipų) nagrinėjimą ir jos vertinimą pasitelkiant lyginamąjį istorinį foną. Žodžio formavimosi chronologijai nustatyti analizuojami santykiai tarp darybinių variantų, atskleidžiami pagrindiniai žodžių darybos modeliai grupėje, jų senumas. Vėlesniųjų sluoksnių numėmimo būdu atliekama medžiagos chronologinė stratifikacija, nustatomi įvairių laikmečių (indoeuropiečių, praslavų, atskirų slavų kalbų) leksikos sluoksniai. Derinant žodžių darybos analizę su kitais vidaus rekonstrukcijos metodais nustatomi neaiškios morfologinės struktūros žodžių genetiniai ryšiai.

Leksinės grupės rekonstrukcija struktūros atžvilgiu papildoma vidinių semantinių santykių istorine analize, kuri leidžia atkurti kiekvieno žodžio pirmykštę semantiką, padeda nustatyti reikšmių hierarchiją ir jų raidos kryptis bei nominacijos principus. Semantinei

rekonstrukcijai atlikti taikomi kompleksiniai tyrimo metodai: kiekvieno žodžio reikšmės evoliucijai atkurti nagrinėjama viso etimologinio lizdo semantika (ypač svarbūs yra reikšmių pasikartojimai šio lizdo viduje), taip pat tiriami sinonimų santykiai, atskleidžiami pastovūs semantiniai modeliai. Kadangi žodis, jo reikšmė atspindi kategorinių sąvokų, visos kultūros raidą, semantinė rekonstrukcija reikalauja gero kultūrinio istorinio fono žinojimo, kurio stoka apsunkina tyrimą. Tik atsižvelgiant į visų duomenų kompleksą, motyvacinių santykių rekonstrukciją galima laikyti pakankamai įtakinga.

1. Pilvo pavadinimai

Enciklopedijose ir žodynuose pilvas apibūdinamas kaip žmogaus ar gyvūnų kūno dalis, kurioje yra išsidėstę virškinimo organai; taigi žodis „pilvas“ vartojamas kaip vidinės ir išorinės šio organo dalies pavadinimas. Būtent su šia bendra pilvo sąvoka yra susijusi surinktų liaudies pavadinimų dauguma: *барабан, брюхо, брюхъ, брихо, брухо, брюховеня, брюшенцо, брюховица, брюшина, бутро, вачина, ворган, горбок, гузно, гузьяк, живот/ы/, зель, кавадьа, кавбух, кадык, казуля, козуля, кандюк, кендюк, кендюх, кезево, кезик, кезюк, кезо, киза, кезуля, кизуля, кизюля, кижма, кижмо, керёма, кеша, кирбуша, кистень, кишень, кишенья, кишка, корна, кошель, кузов, курсак, кутырь, лагун, лантух, лима, литонья, литоха, луно, мамон, мерёховица, могун, пачина, пендюх, пентюх, пердень, пестерь, подвздохи, подвздошье, по/д/черёвок, почерёвка, пуган, пузо, пуз/д/ро, пуздрина, пуча, пучина, пушка, т/к/езево, чемодан, ч/е/рево, яжжуха.*

Atskirais atvejais dialektuose randami specialūs pavadinimai, kurie skiria apatinę ir viršutinę pilvo dalis, pvz.: „Низ живота - *утроба*, а верх - *нутро*“; „*Живот* болит? - Нет, не живот, а *брюхо*“ (t.y. ne viršutinė, o apatinė pilvo dalis). Aiškiau yra išreikšta „pilvo, kaip kūno dalies“ ir „kaip vidinės organizmo ertmės“ reikšmių priešprieša, apie tai liudija specialūs pavadinimai, kurių semantiką galima apibūdinti kaip „pilvo ertmė“: *бок, короб, лоно, мутренность, недра, нутро, нутроба, нутренность, нутрѐ, нутренья, пузино, серёдка, середовина, утроба, утروбица, ятреба.*

Iš viso pavyko rasti virš 90 leksemų, susijusių su pilvo įvardijimu. Daugiausia tai slavų kilmės pavadinimai, skoliniai sudaro mažiau nei trečdalį visos medžiagos. Neaplenkiant svetimžodžių, pagrindinis dėmesys skiriamas slavų kilmės leksikai. Nagrinėjimo tvarka grindžiama santykinės chronologijos principu: pirmiausiai aprašomi anatomiciniai terminai su indoeuropiečių ištakomis, po to praslavų epochos pavadinimai, rytų slavų ir rusų inovacijos.

* * *

Analizė rodo, kad kai kurių terminų „anatominės“ reikšmės prielaidos susiklostė dar indoeuropiečių prokalbėje: tai yra pavadinimai su kamieniu **otr-/*ętr-* (*утроба, ятреба, нутро* ir kt.), taip pat leksema **br'uxo*. Baltų-slavų epochos palikimu galima laikyti žodį **puzo*. Bendrosios slavų kalbos anatominiams terminams atstovauja pavadinimai **červo, *lono, *ědro /*nědro*. Leksema **životъ*, turinti indoeuropiečių šaknis, anatominės leksikos sferoje sudaro atskirų slavų kalbų semantinę inovaciją. Reikšmė „pilvas“ yra būdinga šiam žodžiui rytų slavų, taip pat kai kurių vakarų slavų kalbose. Dauguma terminų funkcionuoja kaip pilvo pavadinimai tiktai rusų kalboje (60 %).

Nagrinėjamos leksikos nominacijos pagrindą sudaro įvairūs semantiniai požymiai. Daugelis pilvo pavadinimų pagrįsti išoriniais – patinimo, storumo – požymiais (*брюхо, пузо, пуча, горбок* ir kt.). Kitais atvejais rekonstruojami semantiniai modeliai ‘oda’ > ‘pilvas’ (*чрево, черево*), ‘svarbus gyvenimui’ > ‘pilvas’ (*живот*). Pilvo ertmės pavadinimų pirmykštei semantikai yra būdingas išsidėstymo viduje, gilumo požymis (*утроба, нутро, недра* ir t.t.), taip pat – sugretinimas su talpa (*лоно, кишень, пестерь, кошель* ir t.t.). Rusų kilmės pilvo pavadinimų semantika nėra pirmykštė: anatominė reikšmė susiklostė anks-tyvesnės semantikos kaitos būdu. Taip pat semantiškai buvo transformuojami skoliniai, įtraukti į šią tematinę grupę. Vėlyvieji terminai demonstruoja kai kurių senųjų semantinių modelių pastovumą ir produktyvumą: ‘storas, išgaubtas’ > ‘pilvas’, ‘talpa, talpykla’ > ‘pilvas’.

2. Bendrieji vidaus organų pavadinimai

Pavyko rasti virš 50 bendrųjų vidaus organų pavadinimų. Maždaug penktadalį šios leksikos sudaro žodžiai, vartojami žmogaus ir gyvūnų vidaus organams apibūdinti: *брюха, внутренности, животы, нутро/ё/, нутрь, нутроба, нутерь, нутир, нутреня, пузино, утроба, утрьник, черева, ятра*.

Labiau paplitę yra somatizmai, žymintys tikrai gyvūnų organus, paprastai jie naudojami kaip kulinariniai terminai:

аксён, бандура, борошень, брюховица, бурдюк, бутарь, вохать, выпорок, выпоро-ток, гусак, гусятник, избой, кабарга, кнея, кокыш, коренец, ксень, ксени, ксеньё, кукиша, ливер, леввер, максa, мелузь, муторность, нутрец, нутрина, осер/д/ье, осе-рек, падробки, площенник, потрох, потроха-/и/, прибор, пуздравица, рахманки, сбой, требух/а/, трибух, требушина.

Kai kurie pirmojo pogrupio terminai jau buvo analizuojami aukščiau kaip pilvo pa-
vadinimai. Tai senieji anatominiai terminai, kurių semantikai yra būdingas sinkretizmas, tad konkreti žodžio reikšmė atskleidžiama tikrai kontekste. Tokiems somatizams priklaus-
so leksemos *утроба, нутроба, нутро* < **otr-/*etr-*. Kai kuriais atvejais reikšmė ‘vidaus
organai’ išreiškiama gramatiniu rodikliu – daugiskaitos forma, plg.: *брюха, животы, черева, ятра*. Dalis tiriamų žodžių yra padaryti iš pilvo pavadinimų sufiksacijos būdu: *утрьник/ы/, нутрец, брюховица, пузино, пуздравица* ir pan., tarp jų yra ir pagrindinis
vidaus organų pavadinimas slavų kalbose *внутренности*. Tačiau dauguma pavadinimų,
kurių reikšmę galima apibūdinti kaip ‘gyvūnų viduriai’, yra kilę iš kitų kamienų.

* * *

Šią leksinę grupę, kaip ir pirmąją, sudaro įvairaus chronologinio gylio pavadinimai. Pačių
seniausių (*утроба, утрьник, внутренности, ятра* < **otr-/*etr-*) šaknys siekia indoeuro-
piečių prokalbės laikus. Praslavų kilmės anatominis terminas **terbuxь/*trbuxь* didesnėje
slavų teritorijos dalyje žinomas kaip pilvo pavadinimas. Reikšmę ‘gyvūnų viduriai’ šis žodis
įgauna tik rytų slavų kalbose. Archajiško **kъsenь* (> *ксень, ксеньё, аксён*) plitimas ribojamas
šiaurės slavų teritorija. Senas pavadinimas *осердье* < **serd-/*sьrd-* turi anatominį atitikmenį

lenkų (*osierdzie*) ir čekų (*osrdi*) kalbose. Rusų-lenkų izoleksą sudaro terminas **potrochъ* < **trox-* – pagrindinis gyvūnų vidaus organų pavadinimas rusų kalboje. Likę pavadinimai susiklostė kaip semantinės rusų kalbos inovacijos anatomijos terminijoje.

Tiriamai grupei ypač būdingi šie semantiniai modeliai:

- ‘pilvas, pilvo ertmė’ > ‘vidaus organai’: *брюха, животы, черева* ir t.t.;
- ‘kas išvaloma, atliekos’ < ‘gyvūnų viduriai’: *требуха, избой, выпорок, выпороток* ir kt.;
- ‘smulkūs daiktai’ < ‘(smulkūs) gyvūnų vidaus organai’: *мелузь, потроха, падробки* ir kt.;

metaforiškai reikšmių perkėlimai, pagrįsti išoriniais požymiais, pvz., *гусак, корешок*.

Skolinių nėra daug. Iš germanų kalbų atėjo žodis *ливер*, iš suomių – *макса*, iš tiurkų – *кабарга* ir *бурдюк*.

3. Skrandžio pavadinimai

Žodynuose ir kituose šaltiniuose buvo rasta apie 100 leksemų, susijusių su žmogaus bei gyvūnų skrandžio įvardijimu. Gali būti išskiriami šie semantiniai pogrupiai:

1. Bendrieji skrandžio pavadinimai (žmogaus ir gyvūnų):

барабан, брюшина, брюшинка, едер, желудок, желудь, жолудь, желуток, животы, кавбух, кавбушина, кавбушок, кезюк, кизюк, кижма, кижмо, курсак, кутырь, кутырик, лунье, мамон/а/, мара, меч, ожелудок, оход, пендюх, пентюх, пестерь, питер, серце, серче, сирище, сырище, стомах, требух, трябух, утроба, утроб, утруб, утрёба, чемодан, черево, черевья, чревец, чревесце, ятреб/а/, ятриба;

2. Gyvūnų skrandžio pavadinimai:

брюховица, брюшина, жаронки, жерны, жерня, жерёнки, жеронки, кендюк, кутырь, лантух, паюс, пицевик, почечуй, почучуй, пупок, тамак, требух/а/;

3. Atrajotojų skrandžio dalių pavadinimai:

- ‘1-oji skrandžio dalis’: *брюховина, брюшина, брюшино, брюхоша, брушина, ветрюх, кутырь, литонья, роговешка, рубец, требух, требушина, требушник;*
- ‘2-oji dalis’: *книга, летушка, рукав, сетка;*
- ‘3-oji dalis’: *книга, книжка, книжник, листанья, листовик, литока, литомия, литонья, литошка, перебериха, псалтырец;*
- ‘4-oji dalis’: *кандюк, кендюк, кендюх, подбрюшина, роговешка, сычуг;*

4. Kulinariniai pavadinimai:

- ‘įdarytas (kiaulės) skrandis’: *бог, васюк, кандюк, киндюк, кезево, корсук, нянька, пендюх;*
- ‘džiovinatas (ėriuko) skrandis’: *сляк, глянканка;*
- ‘keptas (vištos) skilvis’: *жарёнка.*

Semantinių pogrupių ribos nėra ryškios: retkarčiais sunku nustatyti, kuriam iš jų priklauso atskiras žodis (pvz., *брюшина, кутырь* ir kt.).

* * *

Analizė rodo, jog ši žodyno grupė susiformavo daugiausia slavų kalbų nepriklausomos raidos laikotarpiu, iš dalies – slavų prokalbės dialektų raidos metu. Vienintelis praslavų kilmės skrandžio pavadinimas, žinomas visoje slavų teritorijoje, yra žodis *желудок* < **želodъkъ*. Senas terminas *сырице* < **syrišče*, plačiai paplitęs vakarų ir pietų slavų arealuose, į rusų kalbą atėjo iš senosios slavų kalbos. Dialektiniai pavadinimai *кавбух* < **кълb-* ir *требух* < **търb-/terb-* turi atitikmenis su reikšme '(gyvūno) skrandis' ukrainiečių ir baltarusių kalbose. Archajiškas žodis *литонья* kilo iš slav. **elito* 'žarna'; kaip kulinarinis skrandžio pavadinimas senoji forma **elito* funkcionuoja slovākų bei sorbų dialektuose. Kai kurie atrajotojų skrandžio dalių pavadinimai susiformavo slavų kalbose kaip lotynų terminologijos semantiniai vertiniai (*книга, листовик, псалтырец, сетка* ir jų slavų atitikmenys). Didžiąją medžiagos dalį sudaro rusų kilmės terminai, tarp jų yra daug lokalinių skrandžio pavadinimų.

Semantinių santykių rekonstrukcija atskleidžia šios leksikos formavimuisi būdingus semantinius modelius:

- 'pilvas, pilvo ertmė' > 'skrandis' (*утроба, ятреб, черево, брюшно, брюховица, лунье* ir t.t.);
- 'vidaus organų visuma' > 'skrandis' (*требух, требушник, требушина*);
- 'kitas organas' > 'skrandis' (*кишка, сердце, литонья*);
- 'ištinęs, išgaubtas' > 'skrandis' (*желудок, пупок, кавбух*);
- 'sulenkta' > 'išgaubtas' > 'skrandis' (*кутырь*);
- 'talpa (maišelis)' > 'skrandis' (*кишень, паюс*);
- 'valgis (gėrimas)' > ('valgytojas, ėdrūnas') > 'skrandis' (*едер, питер, пицевик*);
- 'anatominio sudėjimo ypatumas' > ('atrajotojų skrandis' (*книга, листовик, листанья, сетка, рubeц, рукав, роговешка, почечуй*)).

Kai kurių žodžių vidinė semantika turi informaciją apie virškinimo procesą: *сырице, жерня, жерны, перебериха, оход, ветрюх* ir pan.

4. Kepenų pavadinimai

Kepenys – pati didžiausia žmonių ir gyvūnų liauka, dalyvaujanti virškinimo, medžiagų apykaitos ir kraujotakos procesuose. Senovės žmonės, nežinodami tikrosios to organo funkcijos, laikė kepenis meilės, sapnų, taip pat ir piktumo šaltiniu. Ilgą laiką buvo manoma, kad piktumo priežastis yra per didelis tulžies išsiskyrimas. Šios pažiūros atsispindėjo medicinos ir psichologijos terminų semantikoje (plg. *холерик* < lot. *cholericus* < graik. *χολή* 'tulžis', *меланхолик* < graik. *μέλας*, Gen. *μελανος* 'juodas' + *χολή* 'tulžis'). Gyvūnų kepenys nuo senų laikų buvo laikomos skanėstu, tai patvirtina specialūs kulinariniai pavadinimai.

Dialektinių ir istorinių rusų kalbos šaltinių tyrimo metu buvo rasta apie 20 kepenų pavadinimų: *воекса, воикса, жельцо, золоза, иксень, кровеник, ксень, кисень, майка, макса, макаска, максюшка, осердьё, печень, печёнка, печенец, печенцы, псень, рожны, синяк, утрьник, ядро, яксень, ятро*.

* * *

Didžiąją šio sąrašo dalį sudaro slavų kilmės žodžiai. Patys seniausi somatizmai *ядро* ir *утръник* < **otro-*/**etro-* turi indoeuropiečių ištakas, nors reikšmę ‘kepenys’ įgauna slavų dirvoje. Senu „anatominiu” terminu **къsenь* šis organas vadinamas tiksliai rusų dialektuose: kitose slavų kalbose jis vartojamas kaip bendras gyvūnų (žuvų) vidaus organų, retkarčiais kaip skrandžio pavadinimas. Pagrindinis rusų terminas *печень* < **pečєнь* anatomicinės leksikos srityje susiklostė kaip semantinė rytų ir vakarų slavų kalbų inovacija. Lenkų-rusų izoglosą sudaro vėlai susiformavęs žodis *осердьє* (lenk. *osierdzie*).

Nagrinėjami kepenų pavadinimai yra motyvuoti šiais semantiniais santykiais:

- ‘vidaus organai’ > ‘kepenys’ (*ядро, утръник, кsenь, иксень, кисень*);
- ‘organas esantis šalia širdies’ > ‘kepenys’ (*осердьє*);
- ‘ištinęs, išgaubtas’ > ‘kepenys’ (*ядро, золоза*);
- ‘keptas’ > ‘kepenys’ (*печень, печёнка, печенец*).

Susidomėjimą kelia lokaliniai pavadinimai *жельцо* ir *кровеник*, nurodantys fiziologines substancijas, susijusias su kepenimis, t.y. tulžį ir kraują. Dialektizmas *синяк* yra motyvuotas išoriniu požymiu – spalvos ypatumu.

Skoliniai – *макса, макаска, майка, воекса, воюкса* ir kt. – yra susiję su žuvų kepenimis. Visi jie finų-ugrų kilmės (finų-ugrų kalbų žodynų duomenimis).

5. Inkstų pavadinimai

Inkstai yra porinis šlapimo išskyrimo organas. Rusų kalboje jų pavadinimų nėra daug. Rasti terminai gali būti suskirstyti į 2 semantinius pogrupius:

1. Bendrieji (žmogaus ir gyvūnų) inkstų pavadinimai: *уста, лядвия, почки, ятра*;
2. Specialieji gyvūnų inkstų pavadinimai (kulinariniai): *борюшки, бубреги, мазка, мотылек, нырки*.

* * *

Senieji terminai *лядвия* < **lędvija* / **lędvь* < ide. **lendhu-* ‘juosmuo, strėnos’ ir *уста* < **jьsto* < ide. **oidsto* ‘ištinusi vieta, votis’ turi indoeuropiečių ištakas, tačiau jų pirmąsias semantikos lauke nėra reikšmės ‘inkstai’. Ši reikšmė atsiranda atskiruose indoeuropiečių dialektuose; be slavų termino **lędvija* ji yra būdinga anglų-saksų atitikmenims *lynd* ir *lund-laga*. Žodžio **jьsto* ‘inkstas’ paplitimas apsiriboja rytų ir pietų slavų arealais. Pagrindinį rusų terminą *почка* < **рьцька* reikia pripažinti rytų slavų kalbų semantine inovacija. Kiti pavadinimai yra lokalinio paplitimo dialektizmai (*борюшки, мазка, мотылёк*).

Inkstų pavadinimų tyrimo metu buvo atskleisti šie semantiniai modeliai:

- ‘patinęs, apvalus’ > ‘inkstas’ (*уста, почка*);
- ‘organas juosmens srityje’ > ‘inkstas’ (*лядвия, чресла*);
- ‘vidaus organai’ > ‘inkstai’ (*ятра*).

Gyvūnų inkstų dialektiniai pavadinimai grindžiami šio organo formos ypatumais (*борюшки, мотылёк*). Nėra pavadinimų, kurių vidinė semantika nurodytų inkstų funkcijas.

IŠVADOS

Apibendrinus tyrimo rezultatus galima padaryti šias išvadas:

1. Iš viso žodynuose ir kituose šaltiniuose pavyko rasti apie 300 mus dominančių leksemų: pilvo pavadinimų – 92 vienetus, bendrųjų vidaus organų pavadinimų – 55, skrandžio pavadinimų – 112, kepenų pavadinimų – 24, inkstų pavadinimų – 9.
2. Liaudies anatomicinės terminijos formavimasis truko ne vieną tūkstantmetį, apie tai byloja įvairaus chronologinio gylio pavadinimai:
 - sietini su indoeuropiečių ištakomis (*утроба, ядро, брюхо, пузо, лядвия, исто*);
 - siekiantys praslavų epochą (*чрево, лоно, требух/а/, ксень, литонья, сырище, желудок*);
 - rytų slavų kilmės (*живот, почки, кавбух, кельбухи*);
 - tiesiogiai rusų kilmės (apie 80 %).
 Virš 10 % visų pavadinimų sudaro skoliniai.
3. Grupinis tyrinėjimo būdas leido tiksliau interpretuoti kiekvieno žodžio struktūrą ir semantiką visos grupės fone, atskleisti semantinių ir morfologinių modelių reprodukciją. Tai padėjo nustatyti panašios pirmąsios semantikos kamienus (etimologinius sinonimus) grupėje, kurių dariniams taip pat būdinga sinonimija (pvz. žodžių *брюхо* ir *пузо* lizdai). Savo ruožtu bendrųjų dėsningumų atskleidimas padėjo patikslinti kai kurių žodžių genetinius ryšius, tarp jų: *требух/а/, желудок, потрох/а/, почечуй, жаронки, ветрюх, псень, яжжуха* ir kt. Remiantis tipiškais šios terminijos semantiniais ir morfologiniais modeliais, galima manyti, jog leksemos *бутро, зель, кокыш, кукиш* ir kt. yra slavų kilmės.
4. Struktūrinė analizė rodo, kad seniausiųjų vidaus organų pavadinimų daryboje gana aktyviai dalyvavo formantas *-r-*, taip pat būdingas išorinių kūno dalių terminijai (pvz. *бедро, ребро*), plg.: *ядро, ядро, недро, пузро* (taip pat vėlesnieji – *едер, кутырь, нутерь, нутир*). Keletas senųjų pilvo pavadinimų turi priesagą su *-x-*: *брюх/о/, требух, кавбух*. Įvairios chronologijos terminams būdingas formantas *-j-* (retkarčiais teikiantis formai kuopinę reikšmę): *лядвия, литонья, лунье, ксеньё*. Randantis dariniams iš senųjų kamienų rusų dirvoje aktyviai dalyvauja priesagos *-in/-en-*: *брюшина, требушина, нутрина, пуздровина; брюховеня, кишень/-я/, нутреня*. Tarp vėlesniųjų pavadinimų išskiriami mišrios darybos vediniai su priešdėliu *о-* ir priesaga *-j-*, apibūdinantys organo išsidėstymo vietą: *осердьё, очеревьё, ощечье* ir pan.
5. Tiriamai leksikai būdinga polisemija, istorinė reikšmių kaita. Daugeliu atvejų konkrečią anatomicinę reikšmę galima suprasti tik iš konteksto, plg.: ...*чрево мое изъ утробы лонемъ* моим изыде вонь; ...*приемущи плодъ утробы чрева* твоего (Ч.Серг.Р.Аз. 1654 – СРЯ XI-XVII вв. 8, 281) ; ...*губу греческую* прикладываем къ *брюху* тогда *утроба* кровавая уймется (Леч. F-VI, XVII a.). Mūsų duomenimis, toks reiškinys yra būdingas raštijos paminklams net iki 17 a. pabaigos. Vėlesniuose leidiniuose terminų vartojimas yra nuoseklesnis, tai tikriausiai yra susiję su mokslinės anatomijos ir medicinos formavimosi pradžia. Dialektuose išlieka anatomicinių pavadinimų daugiareikšmiš-

kumas. Terminais tikraja šio žodžio prasme tapo tik nedidelė tiriamosios leksikos dalis: *внутренности, утроба, живот, брюхо, желудок, печень, почка, рубец, сетка, книжка, сычуг, пупок*.

6. Semantinių modelių analizė rodo, jog nagrinėjamoje grupėje įvardijimas dažniausiai grindžiamas išoriniu požymiu – forma, spalva ir t.t. (*брюхо, пузо, желудок, почка, кнея, мотылек, гусак, синяк, кровеник* ir t.t.). Kai kuriais atvejais nominacija motyvuojama anatomicinės sandaros ypatumais (*рубец, книжка, сетка, борюшки, почечуй* ir kt.). Retesni yra pavadinimai, kurių semantinį pagrindą sudaro organo išsidėstymo požymis (*внутренности, осердые, лядвия, чресла*) arba funkcionavimo specifika (*сырище, жеренки, перебериха, ветрюх*). Pastarieji yra vėlai susiklostę, jie paprastai apibūdina skrandį – matyt, šio organo funkcija buvo labiausiai suprantama. Senujų (indoeuropiečių) terminų semantika neatskleidžia organo fiziologijos, ji grindžiama formos arba išsidėstymo ypatumais.
7. Pažymėtina, kad būtent seniausiems kamienams ypač būdinga istorinė polisemija, plg.: *утроба* ‘pilvas’, ‘viduriai’ arba ‘skrandis’, *нутро* ‘vidinė organizmo ertmė’, *ятро* ‘kepenys’ arba ‘inkstai’, *ятреба* ‘pilvas’ arba ‘skrandis’, *внутренности* ‘vidaus organų visuma’ < ide. **qtr-*/**qtr-* ‘vidinis’. Reikia manyti, jog ši polisemija yra senojo žodžio semantinio sinkretizmo pasekmė. Tikriausiai senovės žmogaus sąmonėje daugumos vidaus organų paskirtis nebuvo detalizuojama.
8. Semantinė analizė rodo, jog daugelis anatomicinių terminų iš pradžių susiformavo kaip kulinariniai pavadinimai, prie jų galima priskirti leksemas *рубец, сычуг, печень, желудок, почка* ir kt.

THE ANATOMICAL FOLK NOMENCLATURE IN THE RUSSIAN LANGUAGE:

WORD-FORMATION AND SEMANTIC RECONSTRUCTION OF NAMES FOR ABDOMINAL ORGANS

Summary

Over the past decades the development of historical and comparative linguistics has been primarily focused on vocabulary. The intricacy organisation at the level of lexis, its maximum susceptibility and flexibility as well as direct dependence on the sphere of realities complicate research. Methods of analysis are gaining particular importance since their task is to ensure the objectivity of research. The quest for new research methods is grounded in the systemic perspective, which presupposes investigation of any language unit in the context of its syntagmatic and paradigmatic relations. From the diachronic perspective, a new **complex** method has been developed recently: it is based on a combination of two traditional approaches to word analysis – the **genetic (structural)** and the **semantic approaches**. The former is characteristic of etymological research and dictionaries and is used to determine the lexical content and genetic relationships of etymological nests on the one hand, and on the other to conduct morphological and morphonological analysis of word structure from a comparative historical perspective. The latter, the semantic method, is based on the idea of dividing lexis into spheres of concepts employed in the theory of ideological lexicography as well as in a miscellany of individual explorations into lexical and semantic groups.

Research which has to date been carried out on the reconstruction of the lexical stock of Proto-Slavic and, more generally, historical lexicology of the Slavic languages ensures appropriateness of a compromise between the two aforementioned systems. The word is viewed as a point of intersection of different systems of coordinates (i.e. lexical groups of different types): on the one hand, these are morphemic groups, etymological (root) nests, while on the other, these are groups formed on the basis of semantic proximity – lexical-semantic and thematic (**ideographic**) groups. In this way, word analysis and reconstruction are performed by incorporating data on the development of all these groups. In terms of the reconstruction of proto-vocabulary, this approach is based on the study of purely linguistic, structural relations through the prism of the semantic group. Consequently, research of semantic groups from the historical perspective is gaining very importance.

Different lexical groups are being inspected in Slavic linguistics as a subject of diachronic analysis. Uninsufficiently investigated is the dialect nomenclature dealing with the names of interior organs of living organisms. In the Russian language, dialectal terms have not been collected, and the composition of the entire group is yet to be revealed. Nevertheless, a comprehensive analysis of this segment of the lexicon (including dialectal and historical vocabulary) as well as reconstruction of its history is important for the solution of tasks pertaining to historical lexicology and reconstruction of the lexical stock of Proto-Slavic. Besides, explorations of anatomical lexicon contribute to the reconstruction of knowledge

of our ancestors about the human body in general. This work is the first attempt at a monographic investigation of this segment of vocabulary.

The subject of research is chosen as several groups of folk anatomical nomenclature in Russian – common names of interior organs, names of abdomen, stomach, liver and kidneys. The sources of the investigation were: V. Dal's Dictionary, Dictionary of Russian Dialects, regional Russian dictionaries, and some Old Russian texts.

The following tasks were solved:

- discover the consistency of researched group nomenclature in Russian dialects;
- analyse the word-formation structure of terms in the Slavic and Indo-European backgrounds;
- stratificate the material chronologically in order to establish its relative age;
- investigate the principles of nomination and the possible directions of semantic transformations inside this lexical group.

Since the biggest part of the material is consisted of local (dialect) terms, not found in the etymological dictionaries, frequently the author had to try etymologizing by herself even though that was not her main task. So, the research is based on combinations of several methods: internal reconstruction, as well as comparative-historical and typological analyses.

The study consists of an introduction, two chapters and a conclusion. The introduction discusses linguistic reconstruction's problems as well as the tasks and methods of the research. The first chapter is devoted to the establishment and development of anatomical knowledge in Russia. The linguistic analysis itself is presented in the second chapter, which consists of five parts. Each part is dedicated to a certain interior organ's names.

Chapter I.

THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF ANATOMICAL KNOWLEDGE IN RUSSIA (FROM THE EARLIEST TIMES TILL THE RISE OF THE SCIENCE OF ANATOMY)

The development of anatomical lexicon is not related to changes in day-to-day realities and depends primarily on the complex and controversial process of human cognition. It is not surprising, therefore, that old, pre-scholarly perceptions about body parts and functions of organs were irregular, straying into the sphere of magic and sacrality. It is believed that many of the human body parts were given the same names as the respective animal body parts, which, by the way, is testified by the indiscrimination of names for human and animal organs. The identification of human and animal organs may also serve as an explanation to the fairly widespread practice of "recovery" founded on ritual manipulations with animal internal organs. On the territory of Russia, manifestations of such actions date back to the late 19th century. Rituals and cults of the ancient man helped accumulate ample knowledge of anatomy, including the constitution of internal organs. A clearer understanding about the constitution of the body was made possible thanks to household chores (primarily animal husbandry, crafts and food production).

Knowledge of anatomy in the sphere of zoology was but one of the stages of the cognition of the living organism. Daily human life provided rich opportunities to directly observe one's body. However, it was conscious autopsy that became the main driving force for the cognition of human organs. It is known that some East Slavic tribes were familiar with methods of preservation of corpses. Relevant procedures required that the performer have clear understanding of internal organs and their position in the body, but were useless in understanding their physiology, due to which functions of the majority of organs remained a mystery.

The adoption of Christianity and the development of literacy in Kievan Rus coincided with the expansion of translated literature which, among others, included works devoted to the creation of the world and the relation between the body and the soul. Nevertheless, the development of systematic anatomical and medical knowledge in Russia proceeded at a very slow pace. Research works by founders of anatomy and scientific medicine appeared several centuries later than elsewhere and were known only to an inner circle of educated people (most frequently members of the clergy). Thus, for example, in the mid-15th century, in response to the needs of the Beloezersk Monastery, Hegumen (abbot) Kirill wrote a treatise "Galen contra Hippocrates", which was primarily based on Galen's anatomic views. In fact, Galen's anatomy had a major influence on the development of natural sciences in Europe until the 15th-16th centuries. For a long time in Russia, the treatise "Galen contra Hippocrates" remained the only book pertaining to issues of anatomy and medicine.

Another important component in the formation of natural sciences in the 16th-17th centuries was the so-called "pseudo-Aristotelian" literature. According to the scholarly traditions of the Renaissance, related works comprised encyclopedic codes of cosmology, biology, anatomy, and medicine. Translated collections of medical advice garnered immense popularity in Russia. They contained information on the symptoms and causes of diseases as well as on treatment methods. Some of the books even contained descriptions of surgical operations. According to medical historians, it is thanks to translated literature that Russia witnessed the gradual formation of the peaceful perspective on surgery and autopsy, while publications containing medical advice stipulated the development of home medicine.

The becoming of anatomy a scientific discipline in Russia is associated with Peter's I epoch. It is during this time that renowned anatomists from abroad were invited, medical schools were opened and public lectures on anatomy were given. Capital dwellers could observe the internal structure of the organs. The opening of Moscow University in the 18th century witnessed the ultimate transformation of anatomy into an independent scholarly discipline. Translated textbooks were published. This period also saw the beginning of the formation of special Russian anatomical nomenclature which united folk terminology with new, translated terms. In the course of time, this special anatomical terminology was supplemented with translations of Latin terms; as a consequence, folk nomenclature constitutes but a minor part of the present-day terminology system. Nevertheless, the majority of the main organs and body parts have preserved their old names (*желудок, печень, кишка, лопатка, челюсть*, etc.).

Chapter II.

A DIACHRONIC ANALYSIS OF NAMES
FOR HUMAN AND ANIMAL INTERNAL ORGANS

A comprehensive study of a lexical group aimed at its reconstruction presupposes analysis of the expression plane and the content plane, i.e. word structure and semantics. The procedure of the analysis of word-formation is primarily focused on the study of morphological composition (structure of the root morpheme, affixes, types of apophony) and its assessment from the comparative historical perspective. In order to determine the chronology of word formation, analysis considers relations between derivatives and establishes the main derivational patterns within the group as well as their age. By means of chronological stratification subsequent layers are removed from the lexicon under analysis in order to determine layers of vocabulary of various periods (Indo-European, Proto-Slavic, individual Slavic languages). A combination of analysis of word-formation and other methods of internal reconstruction allow one to determine genetic relationships for words with unclear morphological structure.

From the structural viewpoint, the reconstruction of the lexical group is supplemented with a historical analysis of internal semantic relations, which presupposes the reconstruction of the primary meaning of every word, determination of the hierarchy of meanings as well as trends of their development, and a study of principles of nomination. At the stage of semantic reconstruction, complex research methods are employed. Thus, in order to reconstruct the evolution of the meaning of every word analysis of the semantics of the entire etymological nest is carried out (paying particular attention to the repetition of meanings within this nest), synonymy relations are considered, and permanent semantic models are established. Due to the fact that the word and its meaning reflect the development of categorised concepts and, more generally, the development of culture in its entirety, semantic reconstruction requires a solid knowledge of the cultural historical background, lack of which hampers research. It is only by taking into account all these parameters that the reconstruction of motivational relations may be considered to be substantially convincing.

1. Names for the abdomen

In encyclopedias and dictionaries, the word “abdomen” is used to refer to both the internal and the external part of the organ. It is this general concept of abdomen that the majority of the collected folk terms are related to: *барабан, брюхо, брюхъ, брихо, брухо, брюховеня, брюшенцо, брюховица, брюшина, бутро, вачина, ворган, горбок, гузно, гузьяк, живот/ы/, зель, кавадья, кавбух, кадык, казуля, козуля, кандюк, кендюк, кендюх, кезево, кезик, кезюк, кезо, киза, кезуля, кизуля, кизюля, кижма, кижмо, керёма, кеша, кирбуша, кистень, кишень, кишения, кишка, корна, кошель, кузов, курсак, кутырь, лагун, лантух, лима, литонья, литоха, луно, мамон, мерёховица, могун, пачина, пендюх, пентюх, пердень, пестерь, подвздохи, подвздошье, по/д/черёвок, почерёвка, пуган, пузо, пуз/д/ро, пуздрина, пуча, пучина, пушка, т/к/езево, чемодан, ч/е/рево, яжжуха.*

Some dialects have special names to differentiate between the lower and the upper parts of the abdomen. The opposition between the abdomen as “a part of the body” and as “an

internal body cavity” is expressed more clearly, as evidenced by special terms the semantics of which may be defined as “abdominal cavity”: *бок, короб, лоно, мутренность, недра, нутро, нутроба, нутренность, нутрѣ, нутрeня, пузино, серѣдка, середовина, утроба, утробица, ятребa*.

All in all, we have been able to collect over 90 lexemes referring to the abdomen. The majority of them are names of Slavic origin, while borrowings comprise less than a third of the total number. The analysis focused primarily on native Slavic vocabulary, but loanwords were also taken into consideration. The procedure of analysis is based on the principle of relative chronology: we first describe anatomical terms of Indo-European origin, followed by names of Proto-Slavic epoch, and Eastern Slavic and Russian innovations.

* * *

Analysis reveals that “anatomical” meanings of some of the terms were stipulated as early as the Proto-Indo-European language: these are the names which have as their stem **ǵtr-/*ǵtr-* (*утроба, ятребa, нутро*, etc.), as well as the lexeme **br’uxo*. The word **puzo* may be attributed to the period of common development of Baltic and Slavic languages. The names **červo*, **lono*, **ědro* / **nědro* are anatomical terms representative of the Proto-Slavic language. In the field of anatomical lexicon, the lexeme **životь*, which derives from Indo-European, forms a semantic innovation of several Slavic languages. This word has the meaning “abdomen” in Eastern and some Western Slavic languages. The majority of terms (60 %) refer to the abdomen only in the Russian language.

Nomination of the lexicon under analysis is composed of various semantic features. Many of abdomen-related terms are based on external – swelling, stoutness – features (*брюхо, пузо, пуча, горбок* and so on). In other instances, we have reconstructed semantic models “skin > abdomen” (*чрево, черево*), “vital for life > abdomen” (*живот*). The primary meaning of abdomen-related names is characterised by the feature of location within, deeply (*утроба, нутро, недра*, etc.) as well as comparison with capacity (*лоно, кишень, пестерь, кошель*, etc.). The semantics of abdomen-related names of Russian origin is not primary: the anatomical meaning has superseded an earlier meaning. Borrowings within this thematic group have undergone semantic transformation, too. Late terms demonstrate consistency and productivity of some of the older semantic models: “swollen, stout; bulging > abdomen”, “capacity, receptacle > abdomen”.

2. General names for internal organs (viscera)

We were able to find over 50 general names for internal organs. About a fifth of this lexicon is made up by words used to refer to human and animal internal organs: *брюха, внутренности, животы, нутро/ѣ/, нутрь, нутроба, нутерь, нутир, нутрeня, пузино, утроба, утрьник, черева, ятра*.

Special terms are more widespread. They refer predominantly to animal organs and are usually used as culinary terms: *аксѣн, бандура, борошень, брюховица, бурдюк, бутарь, вохать, выпорок, выпороток, гусак, гусятник, избой, кабарга, кнея, кокыш, коренец, ксень, ксени, ксеньѣ, кукиша, ливер, левер, макса, мелузь, муторность, нутрец, нутри-*

на, осерд/д/ье, осерек, падробки, площенник, потрох, потроха/-и/, прибор, пуздровина, рахманки, сбой, тробух/а/, трибух, требушина.

We have already provided an analysis of some of the terms of the first subgroup as referring to the abdomen in general. These are old anatomical terms, the semantics of which is characterised by syncretism, whereby the specific meaning of the word can only be revealed in the context. These words comprise the lexemes *утроба, нутроба, нутро* < **otr-/*etr*. In some cases, the meaning “internal organs” is expressed by a grammatical indicator, viz. by means of the plural case, cf.: *брюха, животы, черева, ятра*. Some of the terms under analysis are formed by means of suffixation of a name for the abdomen: *утръник/ы/, нутрец, брюховица, пузино, пуздровина*, etc. The latter group comprises the main name to refer to internal organs in the Slavic languages, viz. *внутренности*. However, the majority of names the meaning of which could be defined as “animal viscera” derive from other stems.

* * *

Similarly to the previous group, this lexical group is composed of names of different chronological depth. The roots of the oldest names (*утроба, утръник, внутренности, ятра* < **otr-/*etr*-) go as far as Proto-Indo-European. The anatomical term of Proto-Slavic origins is **terbuxь/*t̃rbuxь*, known as a name for the stomach in the greater part of Slavic territory. This word acquires the meaning “animals’ viscera” only in Eastern Slavic languages. The expansion of the archaic **kъsenь* (> *ксень, ксеньё, аксён*) is constrained by northern Slavic territory. The old name *осердьё* < **serd-/*s̃rd-* has its anatomical cognates in Polish (*osierdzie*) and Czech (*osrdi*). The Russian-Polish isolex is formed by the term **potroхъ* < **troх-*, which is the main name for animal internal organs in the Russian language. The remaining names have formed as Russian semantic innovations of the anatomical lexicon.

In particular, the group under analysis is characterised by the following semantic models:

- “abdomen, abdominal cavity” > “internal organs”: *брюха, животы, черева*, etc.;
- “what is eviscerated, pluck, waste” > “animal viscera”: *требуха, избой, выпорок, выпороток*, etc.;
- “small objects” > “(small) animal internal organs”: *мелузь, потроха, падробки*, etc.;
- Metaphorical extensions of meanings based on observable external features, e.g., *гусак, корешок*.

Borrowings are not many. The word *ливер* has come from Germanic languages, *макса* from Finnish, *кабарга* and *бурдюк* from Turkic.

3. Names for the stomach

We have found about 100 lexemes in dictionaries and other sources referring to human and/or animal stomach. The stock may be differentiated according to the following semantic subgroups:

1. General names for the stomach (both human and animal):

барабан, брюшина, брюшинка, едер, желудок, желудь, жолудь, желуток, животы, кавбух, кавбушина, кавбушок, кезюк, кизюк, кижма, кижмо, курсак, кутырь, кутырик, лунье, мамон/а/, мара, меч, ожелудок, оход, пендюх, пентюх, пестерь, питер, сердце, серче, сирище, сырище, стомах, требух, трябух, утроба, утроб, утруб, утрёба, чемодан, черево, черевья, чревец, чревесце, ятреб/а/, ятриба.

2. Animal names for the stomach:

брюховица, брюшина, жаронки, жерны, жерня, жерёнки, жеронки, кендюк, кутырь, лантух, паюс, пицевик, почечуй, почучуй, пупок, тамак, требух/а/.

3. Names of parts of the stomach of ruminant animals:

брюховина, брюшина, брюшно, брюхоша, брушина, ветрюх, кутырь, литонья, роговешка, рубец, требух, требушина, требушник; книга, книжка, книжник, летушка, листанья, листовик, литока, литомия, литонья, литошка, рукав, сетка; перебериха, псалтырец; кандюк, кендюк, кендюх, подбрюшина, роговешка, сычуг.

4. Culinary terms:

- “stuffed (pork’s) stomach”: *бог, васюк, кандюк, киндюк, кезево, корсук, нянька, пендюх;*
- “dried (lamb’s) stomach”: *гляк, гляканка;*
- “baked (chicken’s) gizzard”: *жарёнка.*

The boundaries between the above-named semantic subgroups are not clear; consequently, it is occasionally difficult to determine which of them some words refers to (e.g., *брюшина, кутырь*, etc.).

* * *

Our analysis reveals that the formation of this group of the lexicon took place mainly during the stage of independent development of the Slavic languages, and partly during the development of Proto-Slavic dialects. The only term referring to the stomach of proto-Slavic origin is the word *желудок* < **želodьkь*. The old term *сырище* < **syrišče*, which was widespread in Western and Southern Slavic areas, came from the Old Slavic language. The dialectal names *кавбух* < **kьlb-* and *требух* < **trьb-/terb* have cognates with the meaning “stomach (of an animal)” in Ukrainian and Belarusian. The archaic word *литонья* derives from Slavic **elito* “gut”. As a culinary term, the old form **elito* is also used in Slovak and Sorb dialects. Some of the stomach names of ruminant animals have formed in Slavic languages as semantic calques of Latin terminology (*книга, листовик, псалтырец, сетка*, etc.). A significant part of the stock is constituted by terms of Russian origin, among which there are a lot of local names referring to the stomach.

The reconstruction of semantic relations reveals the following characteristic models of lexicon formation:

- “abdomen, abdominal cavity” > “stomach” (*утроба, ятреб, черево, брюшно, брюховица, лунье*);

- “entirety of internal organs” > “stomach” (*требух, требушник, требушина*);
- “another organ” > “stomach” (*кишка, сердце, литонья*);
- “swelled out, bulging” > “stomach” (*желудок, пупок, кавбух*);
- “bent” > “bulging” > “stomach” (*кутырь*);
- “capacity (a small bag)” > “stomach” (*кишень, паюс*);
- “food (drink)” > (“eater, glutton”) > “stomach” (*едер, питер, пицевик*);
- “a feature of anatomic constitution” > “stomach (of a ruminant animal)” (*книга, листовик, листанья, сетка, рубец, рукав, рогоवेशка, почечуй*).

The internal semantics of some of the words has information related to the digestive process (*сырище, жерня, жерны, перебериха, оход, ветрюх*).

4. Names for the liver

The liver is the largest gland of both animals and humans. This organ plays a major role in metabolism and has a number of functions in the body, including decomposition of red blood cells, plasma protein synthesis, hormone production, and detoxification. Ancient people were not aware of the true function of the organ and regarded the liver as the source of love, dreams and anger. Thus for a long time it was believed that anger was caused by excessive bile production. These views found their reflection in the semantics of medical and psychological terms: (cf. *холерик* < Gr. *χολή* “bile”, *меланхолик* < Gr. *μέλας, μελανος* “black” + *χολή* “bile”). Besides, animal liver has long been regarded as a delicacy, as manifested by special culinary terms.

Throughout a study of dialectal and historical sources of the Russian language about 20 names for the liver were found: *воекса, воикса, жельцо, золоза, иксень, кровеник, ксень, кисень, майка, макса, макаска, максюшка, осердьё, печень, печёнка, печенец, печенцы, псень, рожны, синяк, утрьник, ядро, яксень, ятро*.

* * *

The greater part of this list is constituted by words of Slavic origin. The oldest terms *ятро* or *утрьник* < **otr-/etr-* have Indo-European origins, although the meaning “liver” dates back to the Slavic epoch. The old “anatomical” term **кьсень* was used to refer to the organ only in Russian dialects; in other Slavic languages it is used as a general name denoting animal (fish) internal organs and occasionally as a name for the stomach. The main Russian word for liver *печень* < **рецьень* has shaped in the anatomical lexicon as a semantic innovation of Eastern and Western Slavic languages. The Lithuanian-Russian isogloss is constituted by the word *осердьё*, which is a later formation.

The reconstruction of semantic relations reveals the following models of nomination:

- “internal organs, viscera” > “liver” (*ятро, утрьник, ксень, иксень, кисень*);
- “an organ which is near the heart” > “liver” (*осердьё*);
- “swelled out, bulging” > “liver” (*ядро, золоза*);
- “fried, roasted” > “coagulated blood” > “liver” (*печень, печёнка, печенец*).

The local names *желѣцо* and *кровеник* are of interest, since they denote physiological substances related to the liver, i.e. bile and blood. The dialectism *синяк* is based on the observable external feature, that of a characteristic colour.

The borrowings *макса*, *макаска*, *майка*, *воекса*, *воюкса*, etc. have to do with fish livers. All of them are of Finno-Ugric origins (according to Finno-Ugric dictionaries).

5. Names for the kidneys

The kidneys are a pair of organs responsible for the production of urine. There are not many names to refer to the kidneys in Russian. The collected terms may be divided into 2 semantic subgroups:

1. General names for the (human and animal) kidneys: *исто*, *лядвия*, *почки*, *ятра*.
2. Special names for the animal kidneys (culinary terms): *борюшки*, *бубреги*, *мазка*, *мотылек*, *нырки*.

* * *

The old terms *лядвия* < **lędvija* / **lędvь* < IE **lendhu-* “loin” and *исто* < **jьsto* < IE **oiǵdsto* “swollen place, abscess” have Indo-European origins; however, their initial semantic field does not have the meaning “kidneys”. This meaning is found in individual Indo-European dialects; besides the Slavic term **lędvija*, it is common to Anglo-Saxon cognates *lynd* and *lund-laga*. The expansion of the word **jьsto* “kidney” is constrained to eastern and southern Slavic regions. The main Russian term *почка* < **рѣська* should be viewed as an Eastern Slavic semantic innovation. Other names are dialectisms characteristic of local dialects.

Analysis of the names for the kidneys has revealed the following semantic models:

- “swollen, rounded” > “kidney” (*исто*, *почка*);
- “organ in the loin region” > “kidney” (*лядвия*, *чресла*);
- “internal organs” > “kidneys” (*ятра*).

The dialectal names for animal kidneys are based on the peculiarities of the shape of this organ. Notably, there are no names with internal semantics referring to the functions of the kidneys.

CONCLUSIONS

The following conclusions can be drawn from the present study:

1. All in all, about 300 relevant lexemes have been found, of which there are 92 names for the abdomen, 55 general names for the internal organs, 112 names for the stomach, 24 names for the liver, and 9 names for the kidneys.
2. The formation of folk anatomical terminology took place over several thousands of years as testified by names of different chronological depth. The latter are:
 - associated with Indo-European origins (*утроба*, *ятро*, *брюхо*, *пузо*, *лядвия*, *исто*);
 - dating to the proto-Slavic epoch (*чрево*, *лоно*, *требух/а/*, *ксень*, *литонья*, *сырице*, *желудок*);

- having eastern Slavic origins (*живот, почки, кавбух, кельбухи*);
- of Russian origin (about 80 %).

Borrowings constitute over 10 % of all names.

3. The group research method enabled us to provide a more precise interpretation of the structure and semantics of every word analysed against the background of the entire group as well as to reveal the reproduction of semantic and morphological patterns in the process of nomination. This approach helped to establish that the group contains stems of the same initial semantics (etymological synonyms), and their derivatives are also characterised by synonymic relations (e.g. nests of the words *брюхо* and *пузо*). In its turn, establishing common regularities helped clarify the genetic relationship between some of the words, including: *требух/а/, желудок, потрох/а/, почечуй, жаронки, ветрюх, псень, яжжуха*, etc. On the basis of the typical semantic and morphological models of this nomenclature, we tend to believe that among the lexemes of Slavic origin are *бутро, зепь, кокыш, кукиша*, etc.
4. Structural analysis reveals that derivation of the oldest names for the internal organs frequently involved the formant *-r-*, which is also characteristic of terms referring to external organs (e.g. *бедро, ребро*), cf.: *ятро, ядро, недра, пузо* (and later *едер, кутырь, нутерь, нутир*). A few old names for the stomach have *-x-* in their suffix: *брюх/о/, требух, кавбух*. The formant *-j-*, which occasionally conveys a collective meaning, is typical of terms of various chronology: *лядвия, литонья, лунье, ксеньё*. In the case of derivatives from old stems in Russian, the suffixes *-in/-en-* are frequently involved: *брюшина, требушина, нутрина, пуздравица; брюховеня, кишень/-я/, нутреня*. As regards older names, one should mention words of mixed derivation containing the prefix *o-* and suffix *-j-*, which refer to the position of the organ: *осердые, очеревье, ощечье*, etc.
5. The lexicon under analysis is characterised by polysemy and historical change of meanings. In many cases, a specific anatomical meaning may be deduced only from the context, cf.: *...чрево мое изъ утробы лономъ моимъ изыде вонъ; ...приемущи плодъ утробы чрева твоего; ...губу греческую прикладываемъ къ брюху тогда утроба кровавая уймется*. According to our findings, this phenomenon is characteristic of written sources until the end of the 17th century. In later publications, the relevant terms are used with greater consistency, which is likely due to the inception of scientific anatomy and medicine. Dialectal anatomical names retain the multiplicity of meanings. Only a minor part of the lexicon under analysis have become terms *per se*: *внутренности, утроба, живот, брюхо, желудок, печень, почка, рубец, сетка, книжка, сычуг, пупок*.
6. Analysis of semantic models shows that naming in the relevant group is most frequently based on an external feature – form, shape, etc. (*брюхо, пузо, желудок, почка, кнея, мотылек, гусак, синяк, кровеник*). In some cases, nomination is motivated by the peculiarities of anatomical structure: (*рубец, книжка, сетка, борюшки, почечуй*, etc.). Less common are names whose semantics is associated with a feature of the position

of an organ (*внутренности, осердье, лядвия, чресла*) or with the specificity of its function (*сырище, жеренки, перебориха, ветрюх*). The latter are late formations; they usually refer to the stomach, since the function of this organ must have been understood the best. The semantics of old (Indo-European) terms does not reveal the physiology of the organ and is based on the peculiarities of its form or position.

7. Notably, it is the oldest stems that are most commonly associated with historical polysemy, cf., *утроба* “abdomen”, “viscera” or “stomach”, *нутро* “internal cavity of the organism”, *ятро* “liver” or “kidneys”, *ятреба* “abdomen” or “stomach”, *внутренности* “the entirety of internal organs” < IE **otr-*/**etr-* “internal“. We believe that this kind of polysemy is a consequence of the semantic syncretism of the old word. It is most likely that in the consciousness of the ancient human, the intended purpose of most internal organs was not specified.
8. Semantic analysis reveals that a great number of anatomical terms were initially used as culinary names (*рубец, сычуг, печень, желудок, почка*, etc.).

Сокращения

Языки и диалекты

азерб.	азербайджанский
алт.	алтайский
англ.	английский
араб.	арабский
арм.	армянский
арх.	архангельский
астрах.	астраханский
башк.	башкирский
беломор.	беломорский
блр.	белорусский
брян.	брянский
бурят.	бурятский
великолук.	великолукский
венг.	венгерский
влад.	владимирский
в.-луж.	верхнелужицкий
волог.	вологодский
ворон.	воронежский
вост.	восточный
вят.	вятский
герм.	германский
горьк.	горьковский
греч.	греческий
груз.	грузинский
двин.	двинский
дон.	донской
др.-	древне...
енис.	енисейский
забайк.	забайкальский
зап.	западный
иван.	ивановский
и.-е.	индоевропейский

кирг.	киргизский
киров.	кировский
костр.	костромской
куйб.	куйбышевский
курск.	курский
лат.	латинский
ленингр.	ленинградский
лит.	литовский
лтш.	латышский
лувийск.	лувийский
луж.	лужицкий
макед.	македонский
моск.	московский
мурман.	мурманский
нем.	немецкий
нижегор.	нижегородский
н.-луж.	нижнелужицкий
новг.	новгородский
новосиб.	новосибирский
норв.	норвежский
обск.	обский
олон.	олонецкий
онеж.	онежский
оренб.	оренбургский
орл.	орловский
осет.	осетинский
пенз.	пензенский
перм.	пермский
петерб	петербургский
полаб.	полабский
польск.	польский
помор.	поморский

инд.	индийский
ирл.	ирландский
исл.	исландский
ишимск.	ишимский
казан.	казанский
калин.	калининский
калуж.	калужский
камч.	камчатский
карел.	карельский
касп.	каспийский
кашуб.	кашубский
кимр.	кимрский
слав.	славянский
слвц.	словацкий
словен.	словенский
словин.	словинский
смол.	смоленский
ср.-	средне...
ст.-	старо...
с.-хорв.	сербохорватский
тадж.	таджикский
тамб.	тамбовский
тат.	татарский
твер.	тверской
терск.	терский
томск.	томский
тул.	тульский

праслав.	праславянский
прус.	пруский
пск.	псковский
ростов.	ростовский
рум.	румынский
рус.	русский
ряз.	рязанский
саам.	саамский
сарат.	саратовский
свердл.	свердловский
сиб.	сибирский
симб.	симбирский
тур.	турецкий
тюрк.	тюркский
удм.	удмуртский
узб.	узбекский
укр.	украинский
урал.	уральский
фин.	финский
франц.	французский
хет.	хеттский
цслав.	церковнославянский
челяб.	челябинский
чеш.	чешский
швед.	шведский
якут.	якутский
яроsl.	ярославский

Источники

- Абаев Абаев, В.И. *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. М.; Л., 1958 –.Т.1–
- Амбодик Амбодик, Н. *Анатомо-физиологический словарь*. 1783.
- БАС *Словарь современного русского литературного языка*. М.–Л., 1950–1967. Т. 1–17.
- БЕР *Български етимологичен речник* / Съст. Георгиев В. и др./, София, 1962–2010. Т. 1–7.
- Берында *Лексикон словеноросский и имен толкование* Памвы Берынды. Киев, 1627.
- Брандт Брандт, Э.К. *Учебник анатомии домашних животных*. М., 1899.
- Брокг.–Ефр. *Русский энциклопедический словарь*. Изд. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. СПб., 1890–1907. Т. 1–86.
- БСЭ *Большая советская энциклопедия*. 3–е изд. М., 1969–1978. Т. 1–30.
- Бурнашев Бурнашев, В. *Опыт терминологического словаря*. СПб., 1843. Т. 1–2.
- Вейсманн Вейсманн. *Немецко-латинский и русский лексикон*. СПб., 1731.
- Гейстер Гейстер, Л. *Сокращенная анатомия*. М., 1757.
- Герасимов Герасимов, М.К. *Материалы по народной медицине и акушерству в Череповецком уезде* // ЖСт, 1898, вып. 2.
- Гоголь Гоголь, Н.В. *Сборник слов простонародных, старинных и малоупотребительных* // Сборник общества любителей российской словесности. М., 1891.
- Гринченко Гринченко, Б.Д. *Словарь украинского языка*. Киев, 1907–1909. Т. 1–4.
- Даль Даль, В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. 2–ое изд. СПб.; М., 1880–1882 (1955). Т. 1–4.
- Диттель Диттель. *Сборник рязанских областных слов* // ЖСт, 1898, вып. 2.
- Дм. *Домострой*. СПб. 1994.
- Донск.. *Словарь русских донских говоров* /Сост.: Валюсинская З.В. и др./, Ростов–на–Дону, 1975–1976. Т. 1–3.
- Доп. к Опыту *Дополнение к Опыту областного великорусского словаря*. СПб., 1868.

- Дьяченко Дьяченко, Г. *Полный церковнославянский словарь*. М., 1899
- ЕСУМ *Етимологічний словник української мови* /Ред.: Мельничук О.С. и др./ Т. 1–5. Киев, 1982–2006.
- ЖСт “*Живая старина*”, журнал Этнографического отделения Императорского русского географического общества, Санкт-Петербург, 1891–1916.
- Змеев Змеев, Л.Т. *Русские учебники*. СПб., 1896.
- Карт. СРНГ Картотека *Словаря русских народных говоров* (Петербургское отделение Ин-та языкознания РАН).
- Карт. ЭССЯ Картотека *Этимологического словаря славянских языков* (Ин-т русского языка РАН, Москва).
- Кочин Кочин, Г.Е. *Материалы для терминологического словаря Древней Руси* /Под ред. Б.Д. Грекова/. М.–Л., 1937.
- Макаренка Макаренка, А. *Материалы по народной медицине Ужурской волости, Ачинского округа, Енисейской губернии*. // ЖСт, 1897, вып. 3–4.
- Материалы *Материалы для истории медицины в России*. СПб., 1881–1885. Т. 1–4.
- Новосиб. *Словарь русских говоров Новосибирской области* /Ред.: Федоров А.И./ Новосибирск, 1979.
- Нордстет Нордстет, И. *Российский с немецким и французским переводом словарь*. СПб., 1780.
- Носович Носович, И.И. *Словарь белорусского наречия*. СПб., 1870.
- ПКП *Патерик Киевского Печерского монастыря*. СПб., 1911.
- Поликарпов Поликарпов-Орлов, Ф.П. *Лексикон трезязычный сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских*. СПб., 1704.
- Преображ. Преображенский, А. *Этимологический словарь русского языка*. М., 1910–1914. Т.1–2.
- Приамур. *Словарь русских говоров Приамурья* /Сост.: Иванова Ф.П. и др./ М., 1983.
- Прибайк. *Словарь русских говоров Прибайкалья*. Иркутск, 1986–1990. Вып. 1–4.
- ПЛ *Псковские летописи*. Текст. Издание АН СССР. М., 1955.
- Псков. *Псковский областной словарь с историческими данными*. Л.; СПб., 1967–2009. Вып.1–21.
- ПСРЛ *Полное собрание русских летописей*. Т. 1–43. СПб., 1846–2004.
- Речник *Речник српскохрватског књижевног и народног езика*. Београд, 1959–1973. Књ. 1–8.
- Росс. Целлар. Гелтергоф, М.Ф. *Российский Целлариус или этимологический Российский лексикон*. М., 1771.

- СлАкрРосс *Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный*. СПб., 1806–1822. Т. 1–6.
- СРНГ *Словарь русских народных говоров* /Ред. Филин Ф.П./ Л.; СПб., 1965–2008. Вып. 1–42.
- СлРЯ XI–XVII *Словарь русского языка XI–XVII вв.* /Ред.: Бархударов С.Г. и др./ М., 1975–2008. Т. 1–28.
- Ср.Урала *Словарь русских говоров Среднего Урала* /Ред. Матвеев А.К./ Свердловск, 1964–1988; Т. 1–7. Дополнения. Екатеринбург, 1996.
- Срезн. Срезневский, И.И. *Материалы для словаря древнерусского языка*. СПб., 1893–1903. Т.1–3.
- СТМП *Словарь терминов мясной промышленности* (англо – французско – немецко – русский). М., 1967.
- Фасмер Фасмер, М. *Этимологический словарь русского языка* /Пер. и доп. О.Н.Трубачева/. М., 1986–1987. Т. 1–4.
- Флор. эк. *Флоринова экономия*. Изд. 3–е. СПб., 1775.
- Черных Черных, П.Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. М., 1994. Т. 1–2.
- Элиасов Элиасов, Л.Е. *Словарь русских говоров Забайкалья*. М., 1980.
- ЭСБМ *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*. Мінск, 1978–2006. Т. 1–11.
- ЭССЯ *Этимологический словарь славянских языков* /Ред. Трубачев О.Н./ М., 1974–2008.Т.1–34.
- Яросл. *Ярославский областной словарь* /Ред.: Мельниченко Г.Г. и др./ Ярославль, 1981.
- Bartoš Bartoš, F. *Dialektický slovník moravský*. Praha, 1906.
- Berneker Berneker, E. *Slavisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, 1908–1913.
- Bezljaj Bezljaj, F. *Etimološki slovar slovenskega jezika*. Ljubljana, 1976–1982. Knj. 1–4.
- Brückner Brückner, A. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków, 1927.
- Fraenk. Fraenkel, E. *Litauisches etymologisches Wörterbuch*. 2 Bde., Heidelberg/Göttingen, 1962–1965.
- Holub Holub, J., Kopečný, F. *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha, 1952.
- Karłowicz Karłowicz, J. *Słownik gwar polskich*. Kraków, 1900–1911. Т. 1–6
- Linde Linde, S. *Słownik języka polskiego*. Lwów, 1854–1860. Т. 1–6.
- Machek Machek, V. *Etymologický slovník jazyka českého*. 2 vyd. Praha, 1968.
- Mikl. EW Miklosich, F. *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*. Wien, 1886.
- Pokorny. EW Pokorny, J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern, 1949–1959. Bd. 1–2.

- Skok Skok, P. *Etimologijski rjecnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Zagreb, 1971–1974. Knj. 1–4.
- Sławski Sławski, F. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków, 1953–1982. T. 1–5.
- SJS *Slovník jazyka staroslověnského* /red. J. Kurz a Z. Hauptová/. Praha, 1958–1997.
- Sł. prasł. *Słownik prasłowiański* /red. F. Sławski/. Wrocław etc., 1974–2001. T. 1–8.
- Sł. stp. *Słownik staropolski* /red. S. Urbańczyk i in./. Kraków, 1953–2003. T. I–XI.
- Warsz. *Słownik języka polskiego* /red. J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki/. Warszawa, 1900–1927 (1952–1953). T. 1–8.

Литература

Абаев, В.И. *Язык как идеология и язык как техника: Когда семантика перерастает в идеологию.* // Язык и мышление. II. Л., 1934.

Абаев, В.И. *О принципах этимологического исследования.* // Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. М., 1956, с. 286–307.

Абаев, В.И. *Понятие идеосемантики* // Язык и мышление. XI. М.–Л., 1948, с. 13–28.

Акаевский, А.И. *Анатомия домашних животных.* М., 1968.

Базарова, Д.Х. *Семантика названий частей тела в тюркских языках.* Дисс. ... канд. филол. н. М., 1966.

Баранкова, Г.С. *Лексика русских списков “Шестоднева” Иоанна экзарха Болгарского.* Дисс. ... канд. филол. н. М., 1977.

Белецкий, А.А. *Принципы этимологических исследований.* Киев, 1950.

Бенвенист, Э. *Общая лингвистика.* М., 1974.

Бернштейн, С.Б. *Очерк сравнительной грамматики славянских языков.* Ч. 1. М., 1961. Ч. 2. М., 1974.

Богоявленский, Н.А. *Хирургия в Древней Руси.* // Вестник хирургии им. И.И. Грекова, 1958, № 7, с. 130–143.

Богоявленский, Н.А. *Древнерусское врачевание в XI–XVII вв. Источники для изучения истории русской медицины.* М., 1960.

Богоявленский, Н.А. *Отечественная анатомия и физиология в далеком прошлом.* М., 1970.

Будагов, Р.А. *Сравнительно-семасиологические исследования.* М., 1963.

Булахов, М.Г., Жовтобрюх, М.А., Кодухов, В.И. *Восточнославянские языки.* М., 1987.

Вайнтрауб, Р.М. *Опыт сопоставления соматической фразеологии в славянских языках* // Вопросы фразеологии. 1998. № 3, с. 157–162;

Вайян, А. *Этимологические заметки.* // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. Сб. статей к 70-летию чл.-корр. АН СССР В.И. Борковского. М., 1971, с. 84–87.

Варбот, Ж.Ж. *К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. VI.* // Этимология. 1976. М., 1978, с. 16–23.

Варбот, Ж.Ж. *О возможностях реконструкции этимологического гнезда на семантических основаниях.* // Этимология. 1984. М., 1986, с. 33–40.

Варбот, Ж.Ж. *Праславянская морфонология, словообразование и этимология.* М., 1984.

Варбот, Ж.Ж. *Славянские этимологии (Некоторые продолжения гнезда слав. *(s)kelb-/*(s)kolb- в слав. Языках).* // ОЛА. М., 1975, с. 129–140.

Виноградов, В.В. *Основные типы лексических значений слова.* // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 162–189.

Виноградова, Л.Н. *Народная демонология и мифоритуальная традиция*

Волкова, Л.В. *Анализ семантической структуры соматизмов в современном английском языке.* Дисс. ... канд. филол. н. Л., 1985.

Гален, Клавдий. *О назначении частей человеческого тела.* М., 1971.

Гамкрелидзе, Т.В., Иванов, Вяч.Вс. *Индоевропейский язык и индоевропейцы.* Т. 2. Тбилиси, 1984.

Гаркави, А.Я. *Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. (с половины VIII в. до конца X века по Р. Х.).* СПб., 1870.

Геленидзе, Л.Ш. *Лексика, связанная с анатомией и физиологией человека в древнегрузинском языке.* Дисс. ... канд. филол. н. Тбилиси, 1970.

Георгиев, М. *Анатомо-физиологични понятия и представи в старобългарската книжнина. (I. Конфигурация на човешкото тяло)* // Palaeobulgaria / Старобългаристика. 14 (1990), с. 23–38.

Дагурова, Д.В. *Из истории слова сердце в русском языке XI–XVII вв.* // Филол. науки. 2000. № 6, с. 87–96.

Долгополов, Ю.А. *Сопоставительный анализ соматической фразеологии.* М., 1973.

Древнерусский язык: Лексикология и лексикография. М., 1980.

Дыбо, А.В. *Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс).* М., 1995.

Еленский, Й. *Историческая лексикология русского языка.* София, 1981.

Жидебаев, К. *Анатомические названия в казахском языке.* Дисс. ... канд. филол. н. Алма-Ата, 1977.

Журавлев А. Ф. *Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. Этнографические и этнолингвистические очерки.* М., 1994.

Ипакова М.Т. *Соматическая лексика марийского языка.* Автореферат дисс. ... канд. филол. н. Йошкар-Ола, 2012.

Калашников, А.А. *Структурно-семантический анализ славянских синонимичных словообразовательно-этимологических гнезд (гнезда глаголов с исходным значением 'взять, плести').* Дисс. ... канд. филол. н. М., 1993.

Каргер, М.К. *Древний Киев.* Т. 1. М.–Л., 1958.

Климов, Г.А. *К семантической реконструкции (по материалам кавказской этимологии)* // Теория и практика этимологических исследований. М., с. 16–23.

Ковнер, С. *История медицины*. Ч. 1. Вып. 1. Киев, 1878.

Козырев, И.С. *Очерки по сравнительно-исторической лексикологии русского и белорусского языков*. Орел, 1970.

Колесникова, В.Д. *Названия частей тела в алтайских языках*. // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972.

Кочеваткин, А.М. *Соматическая лексика эрзянского языка*. Саранск, 2001.

Кузнецова, А.И. *Понятие семантической системы языка и методы ее исследования (Из истории разработки данной проблемы в современном зарубежном языковедении)*. М., 1963.

Курилова, Е. *О методах внутренней реконструкции*. // Новое в лингвистике. Вып. 4. М., 1965, с. 400–434.

Куркина, Л.В. *Слав. *terbixъ/ *tърbixъ* // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1984. М., 1988, с. 273–277.

Куркина, Л.В. *Словенско-восточнославянские лексические связи*. // Этимология. 1970. М., 1972, с. 91–102.

Ларин, Б.А. *История русского языка и общее языковедение*. Л., 1977.

Лаучюте, Ю. *Словарь балтизмов в славянских языках*. Л., 1982.

Левкиевская, Е.Е. *Низшая мифология славян* // Очерки истории культуры славян, М., 1996, с. 181–196.

Левкиевская, Е.Е. *Мифы русского народа*. М., 2000, с. 259–265.

Лопарев, Х.М. *Брак Мстиславны 1122 г. и ее греческое руководство по гигиене / Византийский временник*. 1902. Т. IX, с. 418–445.

Львов, А.С. *Очерки по лексике памятников старославянской письменности*. М., 1966.

Макаев, Э.А. *Синхрония и диахрония и вопросы реконструкции*. // О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков. М., 1960, с. 144–152.

Мартынов, В.В. *Анализ по семантическим микросистемам и реконструкция праславянской лексики*. // Этимология. 1968. М., 1971, с. 11–23.

Мартынов, В.В. *Язык в пространстве и времени*. М., 1983.

Мельничук, О.С. *Об одном из важных видов этимологических исследований*. // Этимология 1967. М., 1969, с. 57–67.

Меркулова, В.А. *Народные названия болезней. I (на материале русского языка)* // Этимология 1967. М., 1969, с. 158–172.

Меркулова, В.А. *Народные названия болезней. II* // Этимология 1970. М., 1972, с. 143–206.

Меркулова, В.А. *Народные названия болезней (на материале русского языка). III* // Древнерусский язык. Лексикология и лексикография. М., 1980, с. 168–185.

Меркулова, В.А. *Народные названия болезней (на материале русского языка)*. IV // *Этимология* 1986–1987. М., 1989, с. 7–23.

Меркулова, В.А. *Проблема семантической реконструкции в этимологическом словаре*. // *Этимологические исследования*: Сб. науч. тр. Свердловск, 1984, с. 4–7.

Меркулова, В.А. *Три русских медицинских термина*. // *Общеславянский лингвистический атлас*. Материалы и исследования. 1983. М., 1988, с. 304–311.

Минько, Л.И. *Знахарство*. Минск, 1971.

Мирский, М.Б. *Медицина России X–XX веков: Очерки истории*. М., 2005.

Мокиенко, В.М. *Почему так говорят?* Историко-этимологический справочник по русской фразеологии. СПб., 2003.

Мугу, Р.Ю. *Полисемантизм соматической лексики (На материале русского и немецкого языков)*. Дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2003.

Немец, И. *Раскрытие понятийного ядра слова при лексическом анализе языка древнего периода*. // *Этимология* 1984. М., 1986, с. 156–162.

Нидерле, Л. *Славянские древности*. М., 1956.

Николаев, Г.А. *Русское историческое словообразование*. Казань, 1987.

Новиков, Н.В. *Образы восточнославянской волшебной сказки*, Л., 1974.

Онышкевич, М.О. *Словацко-украинские лексические связи*. // *Вестник ЛГУ. Серия истории языка и литературы*. Вып. 3, 1963, № 14, с. 72–78.

Повесть временных лет. М.; Л., 1950.

Покровский, М.М. *Избранные работы по языкознанию*. М., 1959.

Поповић, И. *О словенским коренима *bob- и *ror- и неким њиховим дериватима*. // *ЈФ*, XIX, 1951–1952.

Порохова, О.Г. *Полногласие и неполногласие в русском литературном языке и народных говорах*. Л., 1988.

Потебня, А.А. *О некоторых символах в славянской народной поэзии*. Харьков, 1914.

Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.

Приходько, А. *Культ огня в древней медицине* // “Агапит”, 2001, №13.

Радлов, В.В. *Опыт словаря тюркских наречий*. СПб., 1902. Т. 1–4.

Райнов, Т.И. *Наука в России XI–XVII вв.* М.–Л., 1940.

Рихтер, В.М. *История медицины в России*. Ч. 1. М., 1814.

Российское законодательство X–XX веков в девяти томах. Том 1. М., 1984.

Русская региональная лексика XI–XVII вв. М., 1987.

Русские заговоры и заклинания. М., 1998.

Рыбаков, Б.А. *Ремесло Древней Руси*. М., 1948.

Рыбаков, Б.А. *Язычество Древней Руси*. М., 1988.

Рыбаков, Б.А. *Язычество древних славян*. М., 1981.

Рябчикова З.С. *Соматическая лексика хантыйского языка*. Дисс. ... канд. филол. н. Санкт-Петербург, 2008.

Сендровиц, Е.Н. *Названия частей человеческого тела в русском языке*. Дисс. ... канд. филол. н. М., 1970.

Снегирев, И. *Русские простонародные праздники и суеверные обряды*. М., 1838, вып. II, № 4.

Соболевский, А.И. *Из истории русского словарного материала*. Варшава, 1913.

Соколов, Н.Т. *Латинская анатомическая терминология*. Дисс. ... докт. мед. н. М., 1975.

Соколов, Н.Т. *Русская анатомическая терминология*. Дисс. ... канд. мед. н. Астрахань, 1965.

Соловьев, С.М. *История России с древнейших времен*. Т. III. 1893.

Сперанский, М. *Из истории отеченных книг*. СПб., 1908. Т. 1–4.

Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. М., 1988.

Ставская, Г.М. *Семантико-словообразовательные связи в разряде имен, обозначающих части тела живых существ*. Дисс. ... канд. филол. н. М., 1974.

Старостин, Б.А. *Биологические знания* // Естественнонаучные представления Древней Руси. Сборник статей, под ред. А.Н. Боголюбова, М., 1978, с. 82–96.

Старых, О.В. *Соматизмы как особый класс слов в лексической системе церковнославянского языка* // Вестник ПСТГУ III: Филология 2011. Вып. 2 (24), с. 80–85.

Судаков, Г.В. *География и жанрово-стилевая дифференциация слов в русской письменности XVI–XVII вв.* // Русская региональная лексика XI–XVII вв. М., 1987.

Суетенко, В.Н. *Названия частей человеческого тела в брянских говорах*. Дисс. ... канд. филол. н. Л., 1969.

Терехова, В.С. *Лексика народной медицины (по материалам лечебников XVII–XVIII вв.)*. Дисс. ... канд. филол. н. Л., 1975.

Толстой, Н.И. *Из опытов типологического исследования славянского словарного состава* // ВЯ. 1963, № 1; 1966, № 2, с. 29–45.

Толстой, Н.И. *Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии* // Славянское языкознание. М., 1968, с. 339–365.

Толстой, Н.И. *Славянская географическая терминология*. Семасиологические этюды. М., 1969.

Трифонов, Ю. *Йоан Екзарх Български и неговото описание на човешкото тяло*. // Български преглед. I. София, 1929. № 2.

Трубачев, О.Н. *«Молчать» и «таять»*. О необходимости семасиологического словаря нового типа // Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 1. М., 2004, с. 311–318.

Трубачев, О.Н. *О семантической теории в этимологическом словаре: Проблема омонимов подлинных и ложных и семантическая типология* // Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 1. М., 2004, с. 441–452.

Трубачев, О.Н. *История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя*. М., 1959.

Трубачев, О.Н. *К вопросу о реконструкции различных систем лексики*. // Лексикографический сборник. Вып. 6. М., 1963, с. 3–16.

Трубачев, О.Н. *О составе праславянского словаря (Проблемы и задачи)* // Славянское языкознание: V Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М., 1963. С. 159–196.

Трубачев, О.Н. *Об этимологическом словаре русского языка*: [Фасмер М. Русский этимологический словарь] // ВЯ. 1960, № 3, с. 60–69.

Трубачев, О.Н. *Приемы семантической реконструкции* // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. М., 1988, с. 197–222 (репринт в: Трубачев, О.Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 1. М., 2004, с. 123–153).

Трубачев, О.Н. *Происхождение названий домашних животных в славянских языках*. М., 1960.

Трубачев, О.Н. *Реконструкция слов и их значений* // ВЯ. 1980. № 3. С. 3–14.

Трубачев, О.Н. *Ремесленная терминология в славянских языках (Этимология и опыт групповой реконструкции)*. М., 1966.

Трубачев, О.Н. *Славянские этимологии. 1–7*. // Вопросы славянского языкознания. Вып. 2. М., 1957, с. 29–42.

Трубачев, О.Н. *Этимологические исследования и лексическая семантика* // Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 1. М., 2004, с. 64–98.

Трубачев, О.Н. *Этимологический словарь славянских языков*. Проспект. Пробные статьи. М., 1963.

Трубачев, О.Н. *Этногенез и культура древних славян*. М., 1991.

Турапина, Е.Н. *Семасиологическое исследование группы слов, обозначающих части тела (на материале английского языка)*. Дисс. ... канд. филол. н. М., 1955.

Тюркизмы в восточнославянских языках. М., 1974.

Уфимцева, А.А. *Опыт изучения лексики как системы*. М., 1962.

Ушинскене, В. *Роль переводных памятников письменности в становлении анатомической науки в России* // Slavistica Vilnensis 1997 (Kalbotyga). Вильнюс, 1998. Т. 46 (2), с. 197–203.

Ушинскене, В. *Русские названия желудка (принципы номинации)* // Kalbotyga. Vilnius, 1990. Т. 41 (2), с. 34–40.

Ушинскене, В. *Русские названия живота. Принципы номинации*. // Prace filologiczne. Т. 54. Warszawa, 2008, с. 413–434.

Ушинскене, В. *Русские названия печени* // Slavistica Vilnensis 1995 (Kalbotyga). Вильнюс, 1997. Т. 45 (2), с. 108–119.

Ушинскене, В. *Русские названия почек. Словообразовательная и семантическая реконструкция* // Kalbotyga. Вильнюс, 1993. Т. 43 (2), с. 64–71.

Ушинскене, В. *Русские наименования внутренних органов живых существ (из опыта групповой реконструкции)*. // Slavistica Vilnensis 2010 (Kalbotyga). Вильнюс, 2010. Т. 55 (2), с. 97–114.

Филин, Ф.П. *О лексико-семантических группах слов*. // Езиковедски изследования в чест на академик Ст. Младенов. София, 1957. С. 526–527.

Хитрова, В.И. *Воронежская деловая письменность XVII в. и историческая диалектология* // Русская региональная лексика XI–XVII вв. М., 1987.

Цейтлин, Р.М. *Об одном приеме анализа значения древнеболгарского слова (о роли косвенных источников)* // Palaeobulgarica/Старобългаристика 1984, кн. 3, с. 33–41.

Цейтлин, Р.М. *Сравнительная лексикология славянских языков X/XI–XIV/XV вв. Проблемы и методы*. М., 1996.

Чекман, В.Н. *Исследования по исторической фонетике праславянского языка. Типология и реконструкция*. Минск, 1979.

Черных, П.Я. *Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период*. М., 1956.

Чусова, И.Н. *Названия частей тела человека в тульских говорах* // Уч. записки ЛГПИ им. В.И. Ленина. Вып. 64, 1967, с. 306–319.

Шахматов, А.А. *Повесть временных лет*, т.1. Вводная часть. Текст. Примечания. Пгр., 1916.

Шальтяните, А.П. *О семантической структуре словообразовательно-этимологических гнезд глаголов с этимологическим значением 'драть' в русском языке* // Этимология 1986–1987. М., 1989, с. 212–220.

Шальтяните, А.П. *Семантика группы словообразовательно-этимологических гнезд в русском языке (на материале гнезд глаголов со значением 'драть, дергать')*. Дисс. ... канд. филол. н. М., 1990.

Шимчук, Э.Г. *К методике историко-лексикологического исследования* // Изв. АН СССР, серия лит. и языка. Т. XXXI, 1972, вып. 3, с. 256–263.

Шипова, Е.Н. *Словарь тюркизмов в русском языке*. Алма-Ата, 1976.

Шмелев Д.Н. *Проблемы семантического анализа лексики*. М., 1973.

Щерба, Л.В. *Опыт общей теории лексикографии* // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974, с. 265–304.

Birnbaum, H. *Common Slavic. Progress and Problems in Its Reconstruction*. Ohio, 1979.

Buck, C.D. *A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. A Contribution to the History of Ideas*. Chicago, 1949.

Eckert, R. *Spuren des r-Stammes von der Wurzel *ēd- 'essen' im Slavischen*. // ZfS, XIX, 1974.

Furdal, A. *Rozpad języka prasłowiańskiego w świetle rozwoju głosowego*. Wrocław, 1961.

Karulis, K. *Latviešu etimoloģijas vārdnīca*. I, II. Rīga, 1992.

- Kiparsky, V. *Russische historische Grammatik*. Bd. III. Heidelberg, 1975.
- Kuryłowicz, J. *Internal Reconstruction // Current trends in linguistics*. The Hague; Paris, 1973. Vol. 11.
- Kuryłowicz, J. *La nature des procès dits 'analogiques'*. // AL, 1949, No 5.
- Lowmiański, H. *Religia Słowian i jej upadek*. Warszawa, 1979.
- Mažiulis, V. *Prūsų kalbos etimologijos žodynas*. Vilnius, 1991–1997. T. 1–4.
- Meillet, A. *Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave*. Paris, 1902–1905.
- Němec, I. *Rekonstrukce lexikálního vývoje*. Praha, 1980.
- Němec, I. *Vývojové postupy české slovní zásoby*. Praha, 1968.
- Panagl, O. *Zur Problematik semantischer Rekonstruktion in der Etymologie*. // Lautgeschichte und Etymologie. VI. Fachtagung der Indo-germanischen Gesellschaft. Akten. Wien, 24-29 September 1978 / Hrsg. von M.Mayrhofer, M.Peters, O.E.Pfeiffer. Wiesbaden, 1980.
- Schröpfer, J. *Wörterbuch der vergleichenden Bezeichnungslehre Onomasiologie*. Bd. I. Lief. 1/2, 3/4. Heidelberg, 1979–1981.
- Siatkowski, J. *Słowiańskie nazwy 'brzucha' (człowieka i zwierzęcia) w świetle materiałów gwarowych i źródeł historycznych* // Prace Filologiczne, t. LIV, Warszawa 2008, 367–385.
- Ślawski, F. *Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego* // Słownik prasłowiański. T. 1–3. Wrocław, etc., 1974.
- Vaillant, A. *Grammaire comparée des langues slaves*. T. 3. Le verbe. Paris, 1966.
- Wierzbicka, J. *Rozważania o częściach ciała* // Słownik i semantyka. Warszawa i in., 1975.
- Zauner, A. *Die romanischen Namen der Körperteile* // Romanische Forschungen. XIV. 1903.
- Zierhoffer, K. *Uwagi o historii i geografii nazw łydki, szpaka, pluskwy i ścieżki w językach słowiańskich*. Warszawa, 1963.
- Zubaty, J. *Slavische Etymologien* // AfslPh, XVI, 1894.
- Wysocka, F. *Polska terminologia lekarska do roku 1838, tom I: Anatomia. Proste prymarne nazwy nie motywowane*. // Prace Instytutu Języka Polskiego 35, Wrocław 1980.
- Wysocka, F. *Polska terminologia lekarska do roku 1838, tom II: Anatomia. Jednowyrazowe nazwy motywowane*. // Prace Instytutu Języka Polskiego 91, Kraków 1994.

Индекс исследуемых наименований

- аксён* 65, 70
бандура 65
барабан 45, 62, 81
бог 82, 101
борошен 72
борошень 65, 72
борюшки 111, 116
брихо 45, 50
брухо 45, 50
брушина 45
брюх 51
брюха 50, 65
брюхо 45, 47, 49
брюховеня 45, 50
брюховина 82, 100
брюховица 45, 50, 65, 66
брюхоша 81, 82
брюшенцо 50
брюшина 50, 81, 82, 100
брюшинка 81
брюшино 82, 100
бубреги 111, 117
бурдюк 65, 79
бутарь 65
бутор 62
буторь 62
бутро 62
васюк 82, 101
вачина 45
ветрюх 82, 99
витрюх 99
внутренности 65, 66
воекса 103, 109
воикса 103, 109
ворган 46
вохать 65, 77
вутроба 47
выпорок 65, 75
выпорток 65, 75
гляк 82, 85
гляканка 82
горбок 46, 61
гузно 46, 60
гузьяк 46, 60
гусак 65, 72
гусёк 72
гусятник 72
едер 81, 88
жарёнка 82
жаронки 81
железа 107
желудок 81, 82
желудь 81, 84
желуток 81, 83
жельцо 103, 107
жерёнки 88
жерновки 88
жерны 81, 88
жерня 81, 88
жеронки 81, 88
живот 46, 47, 54, 100
животы 46, 65, 81, 100
жолудь 81, 84
збой 75
зель 76, 63
золоза 103, 107
избой 65, 75
иксень 103, 105
иста 111, 113
кабарга 65, 78
кавадьа 46
кавбух 46, 81, 89
кавбушина 81, 89
кавбушок 81, 89
кадык 46, 62
казуля 46
кандюк 46, 82
кезеве 46, 82
кезик 46
кезо 46
кезуля 46
кезюк 46, 81
кельбухи 89
кендюк 46, 81, 82
кендюх 46, 82
керёма 46
кеша 46, 60
кижма 46, 81
кижмо 46, 81
киза 46
кизуля 46
кизюк 46, 81
кизуля 46
кирбуша 46, 63
кисень 103
кистень 46, 63
кишень 46, 60
кишеня 46, 60
кишка 46, 60
кнея 65, 74
книга 82, 94
книжка 82, 94

- книжник* 82, 94
козуля 46, 61
кокыш 65, 75
коренец 65, 73
корешок 73
корна 46, 60
короб 61
корсуж 82
кошель 46, 60
кровеник 103, 108
ксени 65, 70
ксень 65, 70, 103, 104
ксеньё 65, 70
кузов 46, 60
кузовок 46, 60
кукша 65, 76
кульбак 101
курсак 46, 81
кутырик 81
кутырь 46, 61, 81, 82, 90
лагун 62
лантух 46, 81
левер 65, 78
летушка 86
ливер 65, 78
лима 46
листанья 82, 94
листовик 82, 94
литока 82, 86
литомия 82, 86
литонья 46, 60, 82, 86
литоха 46, 60, 86
литошка 82, 86
лоно 47, 57
луно 46, 57
лунье 58, 100
лядвья 111
лядвия 111
мазка 111, 116
майка 103, 109
макаска 103, 109
макса 65, 78, 103, 109
максюшка 103, 109
мамон 46, 73, 81
мамона 81
мара 81
маска 116
мелузь 65, 68
мерёховица 46, 64
меч 81, 97
могун 46, 64
моня 63
мотылек 111, 116
муторность 48, 65
недро 47, 56
нутер 65
нутерь 65
нутир 65
нутреня 47, 48, 65
нутрец 65, 66
нутрина 65, 66
нутрё 47, 48, 65
нутро 47, 48, 65
нутроба 47, 48, 65
нутрь 48, 65
нырки 111, 117
нянька 82, 101
ожелудок 81, 83
осердие 65, 71
осердцы 71
осердые 65, 71, 104, 105
осерек 65, 71
осерье 65, 71
оход 77, 81
падробки 65, 68
пачина 46
паюс 81, 97
пендюх 46, 81
пентюх 46, 81
пердень 46, 62
перебериха 82, 100
пестерь 46, 61, 81
печенец 104, 106
печёнка 104, 105
печенцы 104, 106
печень 104, 105
питер 81, 88
пицевик 81
плоценник 65, 74
подчерёвок 46
подчеревье 47, 51
подбрюшина 82
подвздохи 46
подвздошь 46
потрох 65, 67
потроха 65, 67
потрохи 65, 67
потрошина 67
потрух 67
потрухи 67
почерёвка 46, 52
почерёвок 46, 52
почечуй 81, 95
почки 111, 113, 114
почучуй 81, 95
прибор 65, 75
псалтырец 82, 94
псень 104, 109
пуган 46, 61
пузро 46, 53
пуздрина 46, 53
пуздро 46, 53
пуздровина 65, 66
пузино 47, 53, 65
пузо 46, 53
пузовеня 53
пупок 82, 87
пуча 46, 61
пучина 46, 61
пушка 46, 61
рахманки 65, 79
рогоवेशка 82, 98
рожны 104, 109
рубец 82, 91
рукав 82
сбой 65, 75

- сердце* 85, 101
серце 81, 101
серче 81, 101
сетка 82, 94
синюха 108
синяк 104, 108
сирище 81, 85
стомах 81, 85
сырище 81, 84
сыто 93
сычуг 82, 92
сычух 92
тамак 82
тезев 46
ткезев 46
требух 68, 81, 82
- требуха* 65, 68, 82
требушина 65, 68, 82
требушник 82
трибух 65, 68
трябух 81
утрёба 48, 81, 100
утроб 81, 100
утроба 47, 48, 65, 66, 81
утруб 48, 81, 100
уть 48
утьник 65, 66, 104
чемодан 46, 62, 81
черева 51, 52, 65
черево 46, 51, 81
черевья 52, 81
чревесце 52, 81, 100
- чрева* 52
чрево 46, 51
чревце 81, 100
чресла 111, 112
ютроба 47
ядро 56, 104
яжжуха 46, 62
яксень 103, 105
ятра 49, 65, 66, 104, 111, 116
ятреб 49, 81
ятреба 47, 49, 81, 100
ятриба 81, 100
ятро 104

Виктория Ушинскене

Народная анатомическая терминология в русском языке. Словообразовательная и семантическая реконструкция наименований брюшных органов. – Вильнюс: Издательство Вильнюсского университета, 2012, – 162 с.

ISBN 978-609-459-045-0

Monografijoje siekiama nustatyti rusų liaudies terminijos, susijusios su žmogaus ir gyvūnų pilvo organų pavadinimais, nominacijos principus. Diachroninė žodžių darybos bei semantikos analizė atliekama plačiame slavų ir indoeuropiečių kalbų fone. Knyga galės naudotis istorinės leksikologijos, etimologijos, lyginamosios kalbotyros specialistai.

В монографии исследуются принципы номинации народной анатомической терминологии, связанной с обозначением брюшных органов человека и животных. Диахронное изучение словообразовательных и семантических процессов проводится на широком славянском и индоевропейском фоне. Книга будет полезна для специалистов в области исторической лексикологии, этимологии, компаративистики.

НАРОДНАЯ АНАТОМИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
И СЕМАНТИЧЕСКАЯ
РЕКОНСТРУКЦИЯ НАИМЕНОВАНИЙ
БРЮШНЫХ ОРГАНОВ

Įsleido Vilniaus universitetas
Universiteto g. 3, LT-01513 Vilnius